

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№1 (7)
2013

ISSN 2307-2539

Журнал основан в 2005 г.
Выходит 2 раза в год

Главный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
С.П. Грушин, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин, А.Л. Кунгуров,
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), С.С. Тур, А.В. Харинский,
Ю.С. Худяков, Е.В. Шелепова (отв. секретарь)

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель, Россия),
Д.Дж. Андерсон (Великобритания), А. Бейсенов (Казахстан), А.А. Бондаренко
(Россия), Ван Вэйлинь (Китай), Е.Г. Дэвлет (Россия), Иштван Фодор (Венгрия),
А.А. Ковалев (Россия), И.В. Ковтун (Россия), Л.С. Марсадолов (Россия),
Д.Г. Савинов (Россия), А.Г. Ситдииков (Россия), Такахама Шу (Япония),
Д. Эрдэнэбаатар (Монголия), Ю Чжиюн (Китай)

Утвержден к печати Объединенным научно-техническим советом АлтГУ

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211, телефон: 8 (3852) 298-103.
E-mail: tishkin210@mail.ru

©Алтайский государственный университет, Барнаул

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2013

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
Altai State University

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES

**№1 (7)
2013**

ISSN 2307-2539

The magazine is founded in 2005
There are 2 times in a year

Editor:

A.A. Tishkin

Editorial board:

V.V. Gorbunov (assistant of editor), S.P. Grushin, corresponding member
of the Russian Academy of Sciences N.N. Kradin, A.L. Kungurov,
N.N. Seregin (responsible secretary), S.S. Tur, A.V. Kharinskiy,
Yu.S. Khudiakov, E.V. Shelepova (responsible secretary)

Editorial council of the journal:

Yu.F. Kiryushin (chairman, Russia),
D.D. Anderson (Great Britain); A. Beisenov (Kazakhstan), A.A. Bondarenko (Russia),
Van Vailin (China), E.G. Davlet (Russia), Ishtvan Fodor (Hungary); A.A. Kovalev
(Russia), I.V. Kovtun (Russia), L.S. Marsadolov (Russia), D.G. Savinov (Russia),
A.G. Sitdikov (Russia), Takahama Shu (Japan),
D. Erdenebaatar (Mongolia), Yu. Chzhiyun (China)

It is approved for printing by the Joint scientific and technical council of AltSU

Address: 656049, Barnaul, Lenin's avenue, 61, office 211, tel.: 8 (3852) 298-103.
E-mail: tishkin210@mail.ru

© Altai State University

Barnaul

Publishing house of Altai
State University
2013

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Ковтун И.В., Русакова И.Д.</i> Тутальская писаница	5
<i>Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.</i> Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы)	33
<i>Тишкин А.А., Серегин Н.Н.</i> Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии	49

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Тишкин А.А.</i> Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай)	73
<i>Мец Ф.</i> О возможных семантических параллелях рогатым лошадям пазырыкской культуры	91

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шайхутдинов В.М.</i> Особенности металлургического производства елунинской культуры (по материалам изучения ошлакованной керамики с поселения Павловка-1)	103
<i>Новикова О.Г., Степанова Е.В., Хаврин С.В.</i> Изделия с китайским лаком из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа	112
<i>Занина О.Г., Тишкин А.А., Ходжаева А.К., Демкин В.А.</i> Результаты фосфатного и биоморфного анализов грунтового заполнения сосуда из кургана №4 памятника Бугры (северо-западные предгорья Алтая)	125
<i>Елихина Ю.И., Новикова О.Г.</i> Исследование китайских лакированных чашечек эпохи Хань из коллекции Государственного Эрмитажа (Россия)	135
<i>Тишкин А.А., Матренин С.С.</i> Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-1)	147
Список сокращений	154
Сведения об авторах	155
Правила оформления статей	157

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES

<i>Kovtun I.V., Rusakova I.D.</i> Tutalskaya pisanitsa	5
<i>Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V.</i> Manipulations in column holes (cultures of Bronze age of Asia and Eastern Europe)	33
<i>Tishkin A.A., Seregin N.N.</i> Chinese products from archaeological sites of early medieval Turkic tribes of Central Asia	49

FOREIGN ARCHEOLOGY

<i>Tishkin A.A.</i> Identification, documenting and studying of «deer» stones in a valley of Buyant river (Mongolian Altai)	73
<i>Mets F.</i> About possible semantic parallels to horned horses of Pazyryk culture	91

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES

<i>Kiryushun Yu.F., Tishkin A.A., Grushin S.P., Kiryushin K.Yu., Shaikhutdinov V.M.</i> Features of metallurgical production of Elunino culture (on materials of studying of slag ceramics from the settlement Pavlovka-I)	103
<i>Novikova O.G., Stepanova E.V., Khavrin S.V.</i> Products with the Chinese varnish from a Pazyryk collection of the State Hermitage	112
<i>Zanina O.G., Tishkin A.A., Khodzhaeva A.K., Demkin V.A.</i> Results of phosphatic and biomorphic analyses of soil filling of a vessel from a barrow №4 of the site Burgy (the northwest foothills of Altai)	125
<i>Elikhina Yu.I., Novikova O.G.</i> Research of the Chinese varnished cups of Han dynasty from a collection of the State Hermitage (Russia)	135
<i>Tishkin A.A., Matrenin S.S.</i> New data on radio-carbon dating of funeral complexes of Bulan-Koby culture of Altai (on materials of excavation of cemetery Stepushka-I)	147
Abbreviations	154
Data on authors	155
Requirements to registration of articles	157

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902(571.17):903.5

И.В. Ковтун, И.Д. Русакова

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово, Россия

ТУТАЛЬСКАЯ ПИСАНИЦА

Тутальская писаница замыкает каскад наскальных изображений Нижнего Притомья, протянувшийся на 47 км от д. Писаной до с. Поломошное Яшкинского района Кемеровской области. К основательному изучению ее плоскостей исследователи обращались трижды: в 1906, 1967 и 2005 гг. Еще ряд рисунков был обнаружен в период с 1991 по 1993 г. Своей уникальностью памятник обязан более нигде не повторяющимся стилистически оригинальным конфигурациям лосиных образов. Зауженные крупы, вытянутые, утонченные шеи и удлиненные грацильные, а зачастую и «клювовидные» морды тутальских лосей подразумевали особое смысловое значение данных персонажей. Они соотносятся с «летащими» оленями с «оленных» камней монголо-забайкальского типа и представляются либо предтечей данного стилистического канона, либо его нижнетомской репликой. Ряд лосиных изображений датируется по характерной орнаментации корпуса, одновременно удостоверяющей и смысловое предназначение этих построений, судя по этнографическим параллелям, связанным с особым ритуалом посвящения животного, а в данном случае – заменяющего его изображения. Особое внимание уделено солнцеголовым образам, сочетание которых с лосиными фигурами интерпретировано как символизация мифологических циклов, соотносящихся с митраистскими культами и их протоугорскими соответствиями.

Ключевые слова: Тутальская писаница, Нижнее Притомье, посвященные лоси, солнцеголовые образы, рostrальный стиль, геометрический стиль.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-01

Тутальская писаница находится на правом берегу Томи, в Яшкинском районе Кемеровской области, выше с. Поломошное, напротив г. Юрги. Местонахождение памятника приурочено к окончанию скального массива, и ниже по течению реки на томском правобережье подобный ландшафт практически не встречается.

1. История открытия и исследований

Открытие этого местонахождения нижнетомских петроглифов связано с именем Николая Яковлевича Овчинникова (рис. 1–3). В 1967 г. памятник пополнился открытием еще одной уникальной плоскости и получил наименование Тутальской писаницы [Окладников,

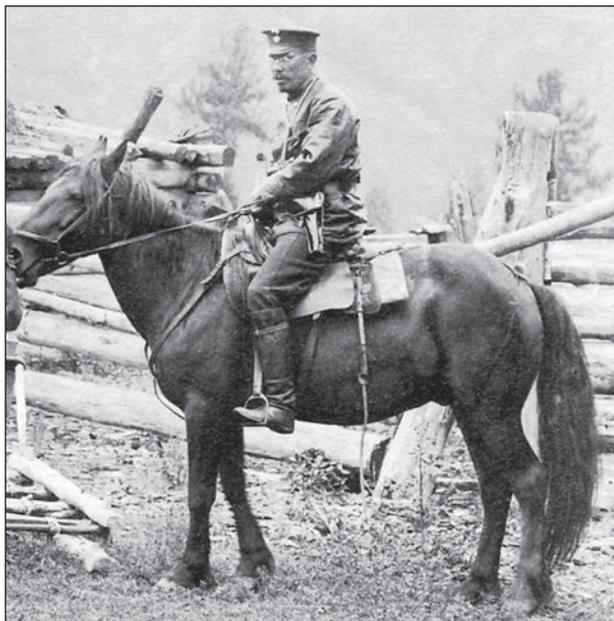

Рис. 1 (фото). Н.Я. Овчинников. Алтай.
Перед выступлением в Кайтанак АГКМ. ОФ 3116

Рис. 2 (фото). Н.Я. Овчинников.
Алтай (пункт неизвестен).
АГКМ. ОФ 3117

С октября 1915 г. его служба проходила в Санкт-Петербурге. По письменным сведениям, датированным ноябрем 1917 г., в тот период Н.Я. Овчинников проживал в Москве [Галкина, 1997, с. 148–155].

Существенным представляется уже отмечавшийся [Окладников, Мартынов, 1972, с. 18] вклад Н.Я. Овчинникова в методику изучения петроглифов Томской писаницы, связанный с фотокопированием ее изображений Е.М. Быковым и последующей прорисовкой изображений по фотографии [Овчинников, 1910, с. 2, 4]. Однако «за кадром» осталось то, что тутальские петроглифы фотографировались Н.Я. Овчинниковым собственноручно [Овчинников, 1910, с. 5]. Обе фотосъемки исследователя являются первыми подобными опытами в отношении памятников наскального искусства Нижнего Притомья.

Небезынтересны и некоторые факты публичного обсуждения этой проблемы в составе известного научного сообщества. 15 января 1907 г. на заседании Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества Н.Я. Овчинников представил доклад «О «писаных» камнях в Томском уезде».

Мартынов, 1972, с. 143]. Но приоритет открытия местонахождений Тутальской писаницы по праву принадлежит производителю землеустроительных работ и коллежскому асессору, а позднее исполняющему обязанности помощника «Заведывающего Землеустройством Алтайского Округа» (1911 г.), надворному советнику (1910 г.) Н.Я. Овчинникову [Овчинников, 1910, с. 1–4, табл. 1–3; Памятная книжка Томской губернии на 1908 год, 1908, с. 19; Памятная книжка Томской губернии на 1912 год, 1912, с. 44; Галкина, 1997, с. 149].

Н.Я. Овчинников родился 28 апреля 1872 г. в Барнауле в православной семье губернского секретаря Я.Р. Овчинникова. В 1897 г. окончил Казанскую духовную академию, но от карьеры священнослужителя отказался. В ноябре того же года Н.Я. Овчинникова приняли регистратором в статистическое отделение Главного управления Алтайского округа и вскоре назначили статистиком этого учреждения. В марте 1900 г. Н.Я. Овчинников поступает на службу в Канцелярию землеустройства и с этой сферой связана вся его последующая трудовая деятельность.

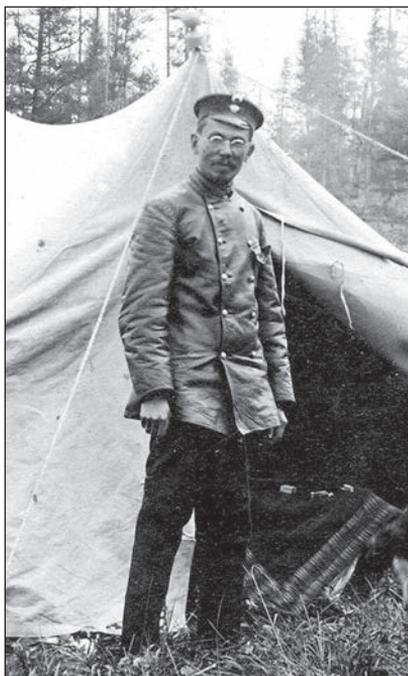

Рис. 3 (фото). Н.Я. Овчинников.
Алтай. Ночлег в верховьях
Чивчигема. АГКМ. ОФ 3119

Коллеги рекомендовали докладчику подготовить данную работу для публикации в очередном выпуске «Алтайского сборника». Позднее было решено на средства организации иллюстрировать статью «воспроизведением рисунков писаниц литографическим способом» [Тишкина, 2010, с. 108]. Таким образом, с именем Н.Я. Овчинникова, вероятно, связан еще и первый в историографии петроглифов Нижнего Притомья публичный научный доклад о наскальных изображениях на Томи.

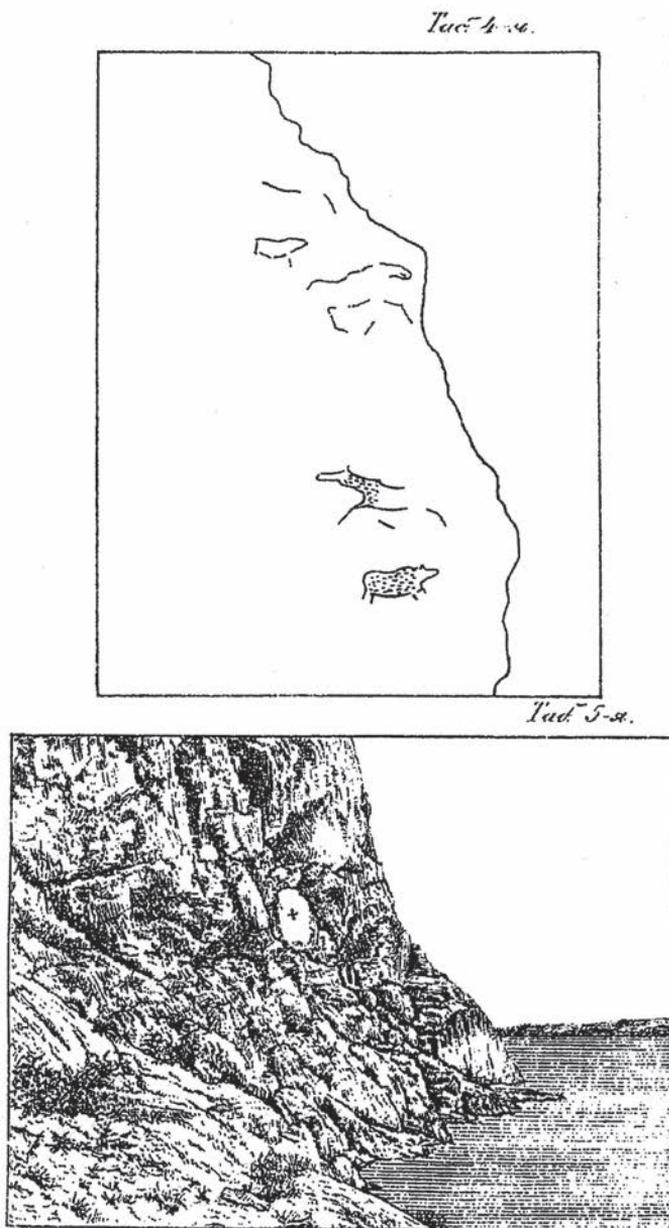

Рис. 4. Тугальская писаница. Плоскость с рисунками, найденными Н.Я. Овчинниковым в 1906 г.

Рис. 5 (фото). Экспедиция к Тутальской писанице 1967 г.

Рис. 6 (фото). Экспедиция к Тутальской писанице 1967 г. Приспособление для копирования петроглифов

Как и многие петроглифы, тутальские рисунки были обнаружены случайно. Обследуя скалы в районе села Поломошного на предмет птичьих гнезд, Н.Я. Овчинников обратил внимание на гладкую каменную плоскость со следами выбивки: «Задумав добыть несколько гнезд, я стал карабкаться на камни. При этом я среди камней и скал увидел гладкую поверхность, на которой уже издали можно было заметить штрихи, напоминающие «писанные» камни. Приблизившись к гладкому отвесу, я убедился, что здесь были изображения, очень похожие на описанные выше» (*изображения Томской писаницы. – Прим. авт.*) [Овчинников, 1910, с. 5]. Н.Я. Овчинников разглядел не все рисунки: «На всей плоскости сделаны 5 изображений, – 3 лося и 2 медведя. Лучше других сохранились 2 нижних рисунка, от других же имеются только остатки» [Овчинников, 1910, с. 5] (рис. 4). На самом деле изображений на плоскости было больше, и до настоящего времени сохранились восемь рисунков. Часть изображений была утрачена уже в начале XX в. Это видно по схематичной прорисовке с фотографии, которую сделал Н.Я. Овчинников. Так, современной выбивкой уничтожена часть изображения, принятого Н.Я. Овчинниковым за медведя.

По следам Н.Я. Овчинникова в 1967 г. прошли сотрудники кафедры археологии КемГУ во главе с А.И. Мартыновым (рис. 5). Они скопировали «овчинниковскую» плоскость на прозрачную бумагу и сделали ее прорисовку, опубликованную в 1972 г. [Окладников, Мартынов, 1972, с. 161]. Ими была обнаружена еще одна плоскость с многофигурной композицией на вертикальной плоскости, расположенной на значительной вы-

соте и недоступной без специального снаряжения. Поэтому для копирования рисунков использовалось приспособление наподобие строительной люльки (табл. 6). Прорисовка плоскости опубликована также в 1972 г. [Окладников, Мартынов, 1972, с. 145–160].

Полевые исследования Тутальской писаницы проводились в 1991–1993 гг. Были обнаружены еще пять ранее неизвестных плоскостей с петроглифами (рис. 7–14) [Ковтун, 1993, с. 15, рис. 64; Русакова, Барина, 1997, с. 64–77].

Летом 2005 г. петроглифическим отрядом лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН в составе И.В. Ковтуна, И.Д. Русаковой, А.Н. Мухаревой и Н.Г. Самойловой был сделан микалентный эстампаж самой труднодоступной плоскости Тутальской писаницы [Ковтун, Русакова, 2005, с. 352–354; Ковтун, Русакова, Миклашевич, 2005, с. 355–358]. Это позволило выполнить более точную прорисовку и определить изменения, произошедшие с рисунками с 1967 г., т.е. за тридцать восемь лет. Там же на значительной высоте Н.Г. Самойлова нашла еще одну небольшую плоскость с петроглифами (рис. 8).

2. Описание изображений

Сегодня на Тутальской писанице известны восемь плоскостей, находящихся на значительном удалении друг от друга. Плоскости с рисунками располагаются на торцевых выходах сланцевого песчаника, слагающего прибрежные скалы Томи. Все они экспонированы в сторону реки.

Плоскость 1. Труднодоступная плоскость крупных размеров. Размер по самой длинной стороне составляет около 4,5 м, ширина – около 1,6 м (рис. 7).

На плоскости сохранились фрагменты двадцати изображений лосей и изображение антропоморфного существа. Все фигуры выполнены в технике мелкоточечной выбивки. Нумерация изображений – сверху вниз, слева направо.

Фиг. 1. Передняя часть туловища лося с характерным горбом, повернутая вправо. Голова показана силуэтом, в технике контррельефа: не сколота скальная корка в районе глаза и верхней губы. Показана так называемая «серьга». Туловище передано контуром, на шее видны остатки четырех поперечных линий. Их пересекает линия, отходящая от головы и заканчивающаяся ромбовидной фигурой, вероятно, изображающей сердце животного. Передние ноги, сохранившиеся практически полностью, согнуты в коленях.

Фиг. 2. Почти полностью сохранившаяся фигура лося, обращенная вправо. Выполнена в той же манере, что и фигура 1. Голова – силуэт, показана «серьга». Туловище – контур. На шее видны пять поперечных линий, которые пересекаются линией с «сердцем». На одной из передних ног хорошо заметно раздвоенное «копыто».

Фиг. 3. Голова лося с раскрытым ртом, направленная влево. Контур. Перекрывается фигурой 2.

Фиг. 4. Голова лося, обращенная вправо. Контур.

Фиг. 5. Голова лося (?), обращенная вправо. Силуэт.

Фиг. 6. Передняя часть туловища лося, обращенного вправо. Контур. Голова отделена от туловища выбитой линией, показана «серьга». На одной ноге видно раздвоенное «копыто».

Фиг. 7. Туловище лося с характерным горбом, обращенного вправо. Ноги утрачены. Голова – силуэт, глаз показан в технике контррельефа, выбита «серьга». Туловище – контур.

Рис. 7. Тутальская писаница. Плоскость 1

Фиг. 8. Поврежденное естественными сколами изображение лося, обращенного вправо. Утрачена часть головы, передняя часть туловища. Изображение силуэтное. Глаз показан в технике контррельефа. Шея, по всей вероятности, была выполнена контуром, сохранилась часть поперечной линии. На ногах хорошо видны раздвоенные копыта.

Фиг. 9. Остатки изображения лося (?). Сохранились часть туловища с выраженным горбом, одна передняя и одна задняя ноги. Контур. На задней ноге видно раздвоенное копыто.

Фиг. 10. Лось, обращенный вправо. Изображение сохранилось практически полностью. Утрачена передняя часть головы и небольшие фрагменты ног. Туловище показано контурно, голова – силуэтно. На месте глаза скальная корка не снята. Показана «серьга». Хорошо выражен горб на спине. Одна передняя и одна задняя ноги перекрещены.

Фиг. 11. Лось, обращенный вправо. Ноги сохранились частично. На одной из передних ног видно раздвоенное «копыто». Голова показана силуэтом, в технике контррельефа, туловище – контуром. На задней части туловища – тонкие прочерченные линии в виде решетки: пять горизонтальных и четыре наклонных линии. На средней части туловища выбиты две вертикальные прерывистые линии, однако, скорее всего, они не имеют отношения к данному изображению.

Фиг. 12. Антропоморфное существо. Голова и туловище показаны контуром, руки и ноги – силуэтом. Фигура передана в профиль, руки согнуты в локтях, приподняты и разведены в разные стороны. Ноги слегка согнуты в коленях.

Сохранились фрагменты еще нескольких изображений. По всей видимости, это также были лоси.

Фиг. 13. Лось (?), обращенный вправо. Голова фигуры утрачена. Туловище показано контуром. На шее видны пять поперечных линий, которые пересекаются линией с «сердцем» – ромбовидной фигурой. Одна передняя и одна задняя ноги перекрещены. Показан горб на спине.

Фиг. 14. Изображение животного, обращенного вправо. Голова утрачена. Контур. Передняя часть туловища намного массивнее, чем задняя, в отличие от большинства фигур лосей этой плоскости, у которых разница в изображении задней и передней частей не такая существенная. На передней части туловища сохранились остатки нескольких плавно изогнутых линий, направленных от спины к передним ногам животного.

Фиг. 15. Лось, обращенный вправо. Нижние части задних ног утрачены. Туловище – контур, голова показана силуэтом, в технике контррельефа: не сколота скальная корка в районе глаза и верхней губы. Есть «серьга». На шее сохранились четыре поперечных линии, которые пересекаются линией с «сердцем» в виде ромба. Имеется горб на спине. Шея животного вытянута, голова поднята вверх.

Фиг. 16. Фрагментарно сохранившаяся фигура лося, обращенного вправо. Часть туловища и ноги утрачены. Туловище показано контуром, голова – силуэтом, в технике контррельефа.

Фиг. 17. Лось, обращенный вправо. Нижняя часть одной из задних ног утрачена. Туловище показано контуром, голова – силуэтом, в технике контррельефа. Была ли «серьга» – неясно из-за утраты. На шее выбито пять прямых поперечных линий, которые пересекаются линией с «сердцем» в виде овала. Слегка выражен горб на спине.

Фиг. 18. Лось, обращенный вправо. Утрачены передняя часть головы и задняя часть туловища. Туловище показано контурно, голова – силуэтно. Видна «серьга».

Фиг. 19. Задняя часть туловища лося (?). Контур.

Фиг. 20. Лось (?), обращенный вправо. Сохранились шея животного, туловище и частично ноги. Туловище показано контуром. На шее видны остатки двух поперечных линий.

Фиг. 21. Задняя часть туловища лося (?). На сохранившихся задних ногах хорошо видны раздвоенные копыта. Вся поверхность туловища покрыта выбоинами. Однако скальная корка сбита не полностью, что создает впечатление «пятнистости» животного.

Плоскость 2 находится левее и ниже на 1,5 м плоскости 1, размеры 0,3х0,4 м. Также на значительной высоте от линии берега. Недоступна без специального снаряжения. Техника выбивки (рис. 8).

Фиг. 1. Лось, обращенный вправо. Контур. Выделен горб. Туловище – подпрямоугольной формы. В передней части туловища выбиты три поперечные линии. Одна задняя и одна передняя ноги скрещены.

Фиг. 2. Изображение сохранилось фрагментарно. Задняя часть туловища копытного животного, – возможно, лося. Туловище передано контуром. Сохранились задние ноги, раскинутые в беге.

Плоскость 3 находится выше по течению, на расстоянии 577 м от плоскости 1, на значительной высоте от уреза воды. Доступ к плоскости затруднен из-за крутого подъема и сильной осыпи породы. Размеры около 0,5х0,7 м (табл. 9).

Фиг. 1. Изображение лося, обращенного вправо, навстречу течению реки. Силуэт. Скальная корка не сбита на месте глаза, ноздри и в передней части туловища, в районе груди. Возможно, так показано сердце животного. Изображение сильно повреждено вертикальными трещинами и отслоением скальной корки. Задние ноги почти не сохранились, на передних видны раздвоенные «копыта».

Плоскость 4 расположена на том же скальном выходе, что и плоскость 3, на расстоянии 583 м от плоскости 1, выше по течению Томи. Расстояние между плоскостями 3 и 4 составляет около 7 м по прямой.

Плоскость повреждена вертикальными и горизонтальными трещинами и сколами. Размеры около 1х0,6 м (рис. 10).

Фиг. 1. Медведь (?). Сохранились туловище, частично голова, две передние и одна задняя ноги. Силуэт.

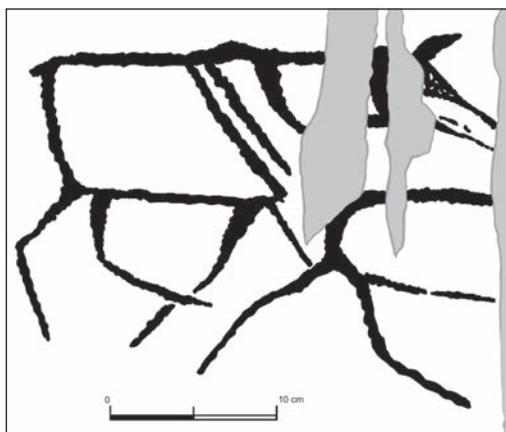

Рис. 8. Тутальская писаница. Плоскость 2

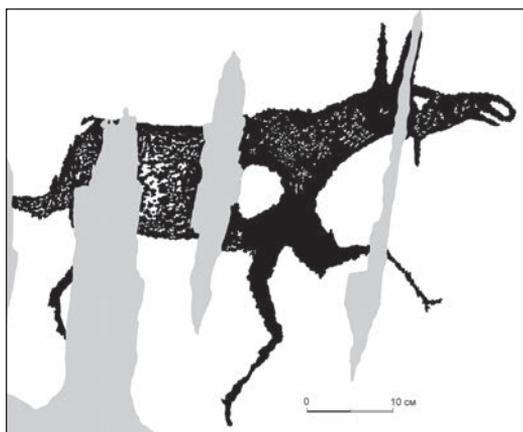

Рис. 9. Тутальская писаница. Плоскость 3

Фиг. 2. Антропоморфное существо. Также сохранилось не полностью. Туловище в форме трапеции обращено меньшим основанием вниз, контур. Голова – силуэт. От головы отходят не менее семи лучей, изображенных редкой выбивкой. Ноги практически не сохранились – одна попала под вертикальную трещину, другую перекрывает изображение лося (фиг. 4), расположенное ниже. Одна рука также «ушла» под трещину, другая изображена в виде дуги. Рисунок производит впечатление стоящего подбоченясь антропоморфного персонажа.

Рис. 10. Тутальская писаница. Плоскость 4

Фиг. 3. Антропоморфное существо. Изображено в той же манере, что и фигура 2: туловище в виде трапеции, обращенной меньшим основанием вниз. В районе груди выбита поперечная линия. Внутри образовавшегося прямоугольника между этой линией и линией плеч выбито небольшое пятно, возможно, изображающее сердце. От головы, переданной силуэтом, отходят четыре-пять (?) сохранившихся лучей. Возможно, их было больше, но из-за утраты утверждать это сложно. Руки разрушены вертикальными трещинами. Ноги сохранились почти полностью, они слегка согнуты и расставлены коленями наружу.

Фиг. 4. Лось, обращенный вправо. Изображение выполнено в технике контррельефа. Не выбитыми остались глаз, ноздря и средняя часть туловища. На туловище выбиты четыре поперечные линии. Изображен горб. Ноги раскинуты в беге. Перекрывает антропоморфное изображение (фиг. 2).

Фиг. 5. Лось, обращенный влево. Контррельеф. Не сколото скальная корка в районе глаза, ноздри и средней части туловища. На туловище сохранились две поперечные линии. В отличие от подавляющего большинства изображений лосей на памятнике, у данного лося показаны только две ноги: передняя и задняя. Они расположены почти параллельно и направлены вперед, создавая впечатление внезапной остановки животного.

Помимо описанных изображений, на плоскости сохранились остатки неопределимых фигур. В верхней части плоскости сохранились две ноги крупного изображения животного, но не копытного, а возможно, собаки или волка. В правой части плоскости – остатки изображения неопределенного животного.

Плоскость 5. Расстояние между плоскостями 1 и 5 составляет около 689 м. Плоскость сильно повреждена естественными сколами и трещинами. Кроме того, на ней с помощью какого-то металлического орудия стесана скальная корка в виде двух прямоугольников. Одним из этих прямоугольников повреждены как минимум два изображения. В конце XX или самом начале XXI в. вся эта плоскость была испещрена желтой краской, нарисованной свастикой и надписью. Работы по очистке петроглифов от краски выполнялись Е.А. Миклашевич, но краска настолько глубоко проникла в камень, что следы нанесенных надписей и свастики хорошо видны до сих пор.

Практически все древние изображения имеют утраты. Описание фигур сверху вниз, слева направо. Техника выбивки и гравировки (рис. 11).

Фиг. 1. Животное неопределенного вида.

Фиг. 2. Копытное животное неопределенного вида с рогами (?). Туловище показано силуэтом, голова – контуром.

Фиг. 3. Незаконченное изображение животного (?)

Фиг. 4. Нижняя часть туловища животного (?). Видна линия живота и три ноги: две задних и одна передняя (?). Изображение контурное.

Фиг. 5. Лось, запечатленный в движении: одна задняя и одна передняя ноги широко раскинуты, другая пара ног практически скрещена под туловищем. Обращен вправо. На одной из задних ног хорошо видна так называемая птичья (трехпалая) лапа. Изображение контурное, на туловище выбиты девять поперечных линий. Голова сохранилась не полностью, на ней видны следы чужеродной выбивки – более крупной по размерам.

Фиг. 6. Лось (?). Обращен вправо. Сохранились только верхняя часть туловища и частично голова. Задняя часть тела и голова выполнены силуэтом, глаз передан контррельефом. Середина туловища – контур. В этой части фигуры выбиты одна продольная и шесть поперечных линий.

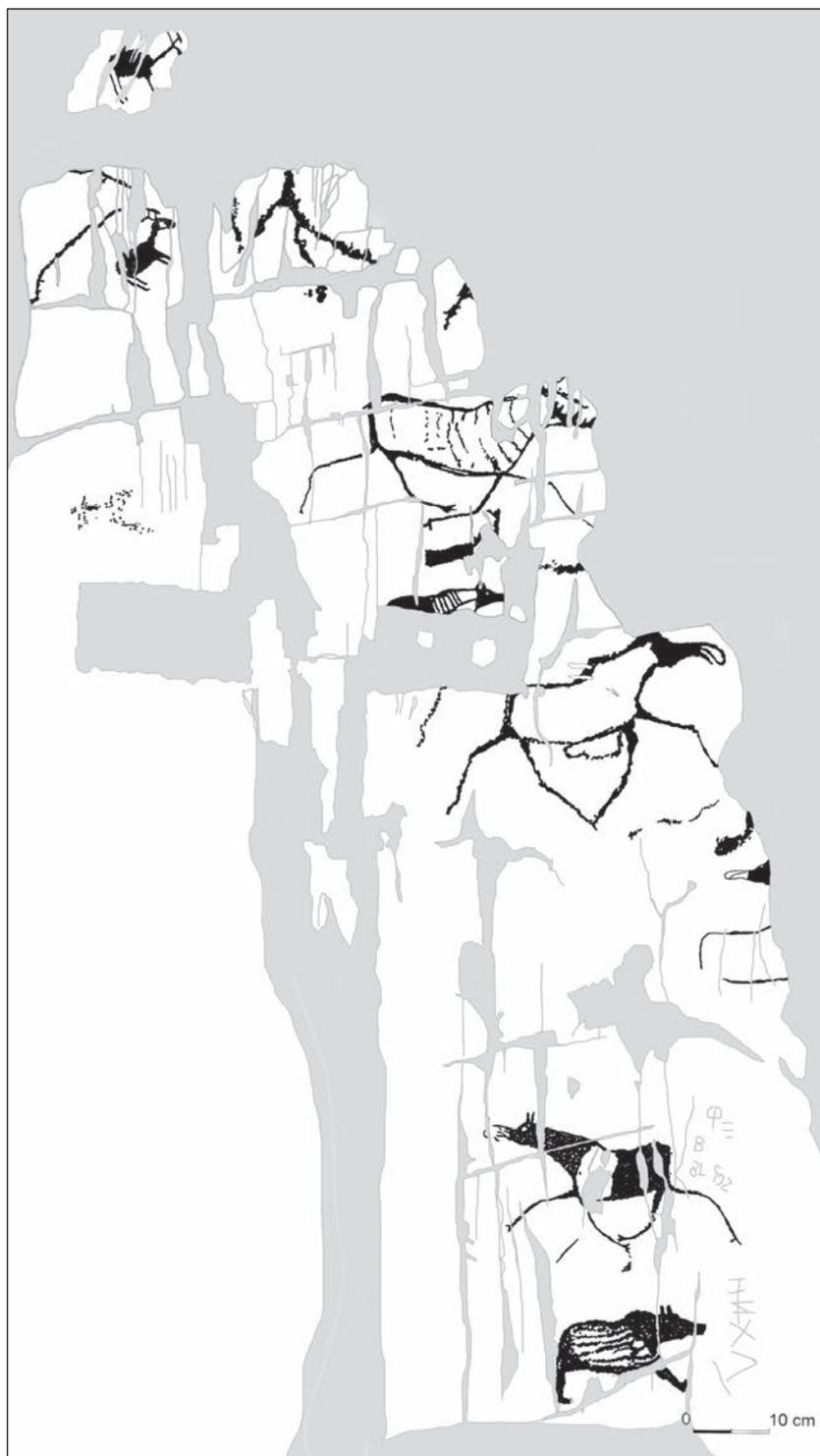

Рис. 11. Тугальская писаница. Плоскость 5

Фиг. 7. Шагающий вправо лось. Верхняя задняя часть туловища и уши утрачены. Голова передана контррельефом: не выбитой осталась верхняя губа животного. Туловище – контур. Четко выделяется горб. Две ноги – задняя и передняя – перекрещены под туловищем. В передней части туловища видны две прочерченные поперечные линии. Под животом выбиты две кривые линии, напоминающие подогнутые под туловище ноги. Не понятно, в какое время они были выбиты и относятся ли они к этой фигуре?

Фиг. 8. Лось, повернувший голову назад. Сохранились только задняя часть туловища и частично голова. Туловище передано контуром, на нем сохранились остатки трех поперечных линий. Голова – силуэт, при этом губы животного – контур.

Фиг. 9. Лось, бегущий влево. Изображение повреждено вертикальными трещинами и сколами. Две ноги – задняя и передняя – широко раскинуты в беге, две другие перекрещиваются под туловищем. На трех ногах хорошо видны двупалые окончания. Задняя и передняя части туловища переданы силуэтом, середина туловища – контуром. В этой части сохранились остатки двух поперечных линий. Голова показана в технике контррельефа.

Фиг. 10. Медведь, обращенный вправо. Изображение повреждено вертикальными трещинами. Задняя и передняя части туловища выбиты силуэтом, средняя часть – контуром. В этой части выбиты шесть продольных линий. Изображены одна задняя и одна передняя ноги. На задней ноге тонкими прочерченными линиями переданы когти животного.

На плоскости имеются фрагменты неопределимых изображений.

Плоскость 6 расположена на расстоянии 755 м от плоскости 1 и в 75 м вверх по течению от предыдущей 5-й плоскости. Находится на скальном выходе, находящемся близко к воде. Видимо, поэтому цвет патины – черный, изображения также покрыты патиной черного цвета. Плоскость испещрена многочисленными трещинами и сколами (рис. 12).

Фиг. 1. Остатки изображения животного (?). Сохранились линия спины (?) и две отходящие от нее линии под углом, близким к прямому.

Фиг. 2. Копытное животное, возможно, лось, обращенный вправо. Изображены четыре ноги, задние ноги сохранились частично. Силуэт. Над спиной животного показаны две линии, напоминающие схематично изображенного «всадника»; в районе головы лося (?) выбито несколько нечитаемых линий.

Фиг. 3. Лось (?), обращенный вправо. Голова животного не сохранилась. Одна из задних ног оканчивается раздвоенным «копытом». Изображение силуэтное, в передней части туловища – два бесформенных пятна, представляющие собой не сбитую скальную корку.

Плоскость 7. Техника выбивки. По сюжету и стилю

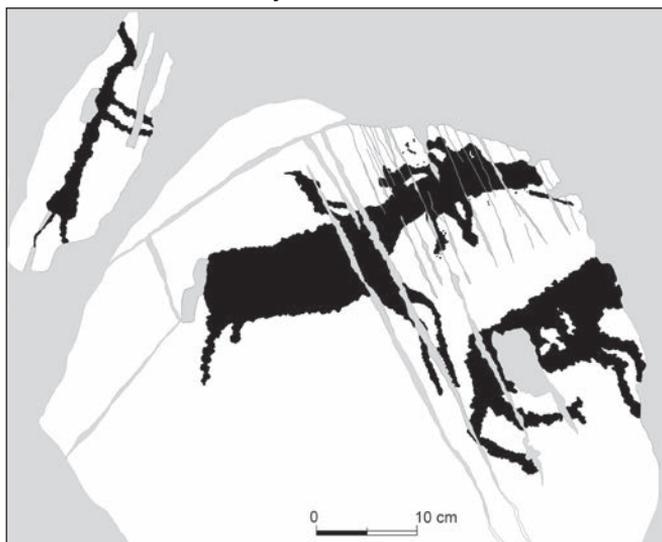

Рис. 12. Тутальская писаница. Плоскость 6

отличается от остальных плоскостей памятника. Зафиксирована в 770 м вверх по течению Томи от плоскости 1, на низко расположенных береговых плоскостях (рис. 13).

Фиг. 1. Копытное (?) животное. Голова утрачена. Изображены две ноги – задняя и передняя. Туловище очерчено широкой контурной линией.

Фиг. 2. Передняя часть туловища копытного животного (?), обращенного влево. Возможно, незаконченное изображение, так как следов утраты задней части нет. Выбивка просто обрывается. Определяются голова, два уха (?) и часть туловища с одной передней ногой.

Фиг. 3. Копытное животное, обращенное вправо. Силуэт. Изображены четыре ноги.

Фиг. 4. Частично сохранившееся изображение животного (?). Возможно, незаконченное изображение. Задняя часть туловища утрачена, а ноги не показаны. Силуэт.

Кроме того, на плоскости сохранилась неопределенная выбивка, идентифицировать которую сейчас не представляется возможным. Одна фигура – в виде овала, прочие фрагменты неопределимы.

Плоскость 8 расположена на значительном расстоянии от остальных плоскостей памятника на скальном выходе, сохранившемся среди множества осыпей. От плоскости 1 ее отделяет 2180 м, а от плоскости 7 – 1450 м, вверх по течению Томи. Зафиксирована на удалении 25–30 м от береговой линии на высоте не менее 8–10 м от уровня реки в августе (рис. 14).

Рис. 13. Тутальская писаница. Плоскость 7

нии 25–30 м от береговой линии на высоте не менее 8–10 м от уровня реки в августе (рис. 14).

Фиг. 1. Лось, обращенный навстречу течению реки. Туловище показано контурно, голова – силуэтно. Не выбитыми остались ноздря и линия рта животного.

На плоскости сохранились остатки неопределимых линий.

Таким образом, на Тутальской писанице сохранилось сорок шесть изображений на восьми плоскостях.

3. Ростральный стиль

Оригинальные конфигурации тутальских лосей уже выделялись в качестве стилистически значимого (-ых) критерия (-ев) и хронологического индикатора данных изображений [Ковтун, 1993, с. 47, и др.; Ковтун, 2001, с. 52–53]. Зауженные крупы, вытянутые, утонченные шеи и удлинненные грацильные, а зачастую и «клювовидные» морды тутальских лосей еще двадцать лет назад привлекли к

себе внимание одного из авторов настоящей работы. Они соотносятся с «летающими» оленями с «оленных» камней монголо-забайкальского типа и представляются либо предтечей данного стилистического канона, либо эпохальной параллелью – нижнетомской репликой подобной стилизации, подразумевающей не тривиальное содержание лосиных образов.

Но их сходство заключается не в стилистическом тождестве, а в использовании единых принципов изобразительного искажения реального прототипа, отражающего эпохальную тенденцию или так называемый стиль эпохи. Такие выразительные признаки изображений обусловлены не формальной сопоставимостью конфигураций очертаний тувальских лосей и оленей на «оленных» камнях, а смысловым значением данных признаков, передающих особое содержание образа. Ключевое качество этих значений сводится к *идеи полета*, в котором пребывают и монголо-забайкальские персонажи, и ряд лосей, запечатленных на Тувальской писанице, не случайно выбитых на труднодоступной высоте скального массива. Поэтому в обоих случаях представлен композитный персонаж, сочетающий черты зверя и птицы.

Истоки такой комбинации видятся в предшествующем «летающим» тувальским лосям образе коня-птицы. Он известен с финала сейминско-турбинского времени, олицетворяемый скульптурной группой джетьгарского копыя [Ковтун, 2013, с. 230–236, фото 156]. По мнению одного из авторов, эти древности связаны с распространением в Северо-Западной Азии носителей индоарийских диалектов, взаимодействовавших с протоили раннеугорскими сообществами [Ковтун, 2012, с. 53–66; 2013]. В обско-угорской этнографии сохранился и инвариантный остаток ведийского сравнения небесных коней с гусями. При этом образ коня, как и на «оленных» камнях, замещается фигурой оленя. Взаимозаменяемость коня и оленя/лося также берет свое начало с сейминско-турбинской эпохи. Но если для тагарской изобразительной традиции актуален заменивший лося конский образ, то на «оленных» камнях монголо-забайкальского типа запечатлен «летающий» олень с клювовидной мордой, подобно ведийскому коню, также уподоблявшийся птице (точнее, ее полету). Реминисценцией подобного уподобления представляется хантыйская традиция дачи оленям клички, связанной с гусем, – «нос гуся». Олени с подобной кличкой имеют на морде характерное белое пятно [Молданова, 2004, с. 95]. Намного раньше, вследствие схожего процесса этнолингвокультурного взаимодействия, появились и «клювовидные» морды тувальских лосей. Поэтому стилистически эти изображения можно именовать *ростральными* (от лат. *rostrum* – клюв, нос).

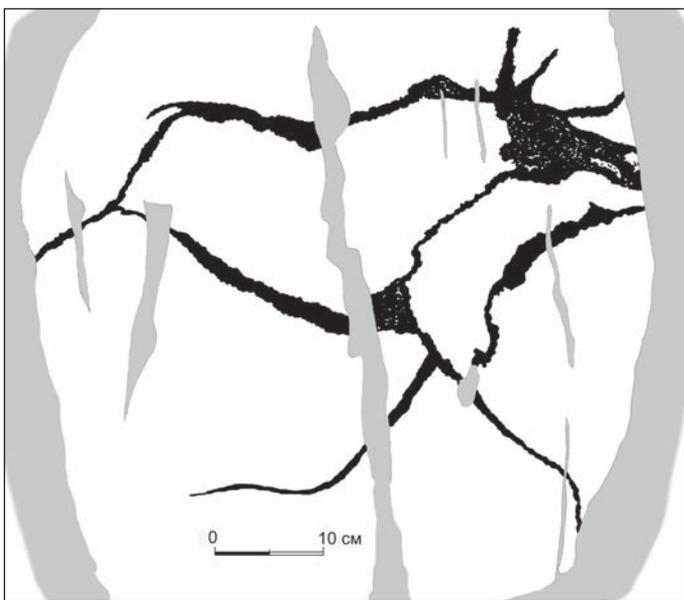

Рис. 14. Тувальская писаница. Плоскость 8

Тутальские изображения составляют крайнюю западную периферию нижнетомских писаниц. Ростральные черты этих петроглифов уникальны и потому удостоверяют их привнесенность внешним культурным импульсом. С этим транскультурным воздействием в период поздней бронзы заимствовалась и отличная система выразительных признаков изображений, преобразовавших иконографическую формулу петроглифов «ангарского» стиля. Вторжение в Нижнее Притомье иной системы изобразительных формул, проявившееся как видоизменение стиля «ангарских» рисунков, в действительности означает их кардинально изменившийся смысл. Появившаяся в индоарийской сейминско-турбинской среде идея «коня-птицы» [Ковтун, 2013, с. 230–236, фото 156] спустя несколько столетий трансформируется в образ «олень-птицы» на «оленных» камнях поздней бронзы, а в синхронном им тутальском петроглифическом комплексе переосмысливается в облике «лося-птицы» или летящего лося.

4. Посвященные лоси

Особенной чертой тутальской серии нижнетомских петроглифов представляются изображения лосей с орнаментированным туловищем. Очевидны две принципиальные схемы подобного декора, не считая одного характерного исключения (рис. 19): это либо поперечные полосы на передней части корпуса (рис. 8; 10; 11), либо «сюжетные» построения, обычно утилитарно трактуемые как «сердце с аортой» или «желудок с пищеводом» (рис. 15). Последняя схема фигурирует только на одной самой труднодоступной плоскости (рис. 7).

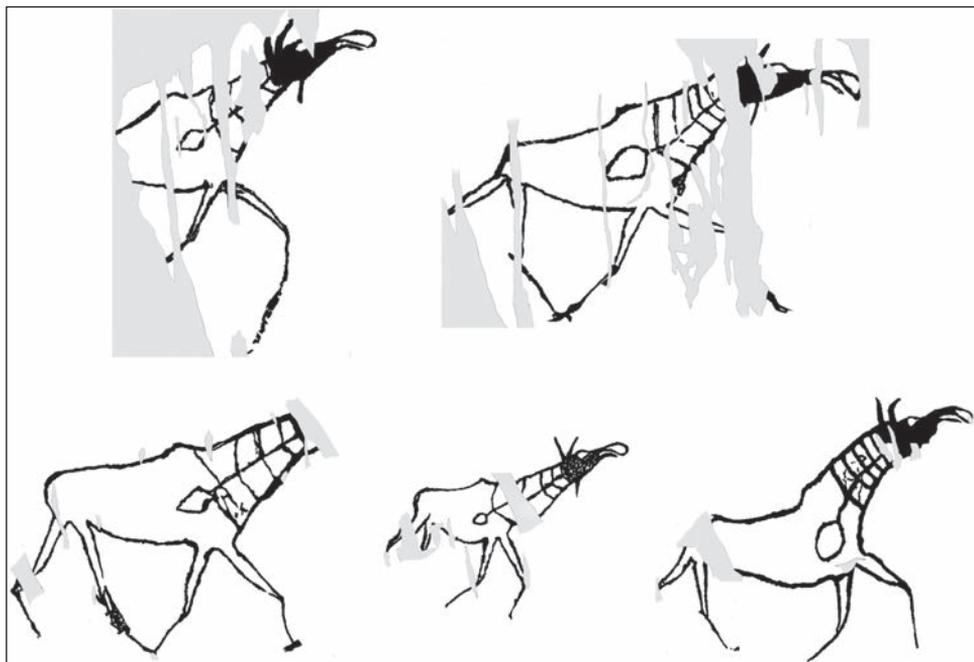

Рис. 15. Тутальская писаница. Посвященные лоси в ростральном стиле

Наряду с другими «кулайскими» чертами, такие орнаментальные построения уже становились поводом для сравнения нижнетомских наскальных изображений с кулайской металлопластикой [Чернецов, 1971, с. 105; Ковтун, 1993, с. 48, рис. 49.-13–14;

Мартынов, Ломтева, 1993, с. 195–201]. Но кулайских древностей в Нижнетомском очаге наскального искусства нет, хотя подобная орнаментация напоминает орнамент лося и следующей за ним лосихи на сосуде с Кижировского городища (рис. 16). Встречаются эти орнаментальные символы и на кулайской металлопластике [Ковтун, 1993, с. 48, рис. 49.-13–14] (рис. 17). Приведенные примеры удостоверяют предельную нижнюю дату таких изображений, не выходящую за рамки эпохи поздней бронзы. На Томской и Новоромановской писаницах также зафиксированы изображения лосей с подобными орнаментальными построениями (рис. 18). Это – стилистически различные петроглифы. Но их принадлежность к поздним вариациям «ангарского» стиля либо сопоставимость абриса изображений с «кулайскими» и тепсейскими конфигурациями также свидетельствуют о сравнительно позднем времени данных рисунков.

Смысловое значение подобных орнаментальных конструкций соотносимо с этнографическими свидетельствами украшения особых посвящаемых животных и с их мифоритуальной и соционормативной функцией.

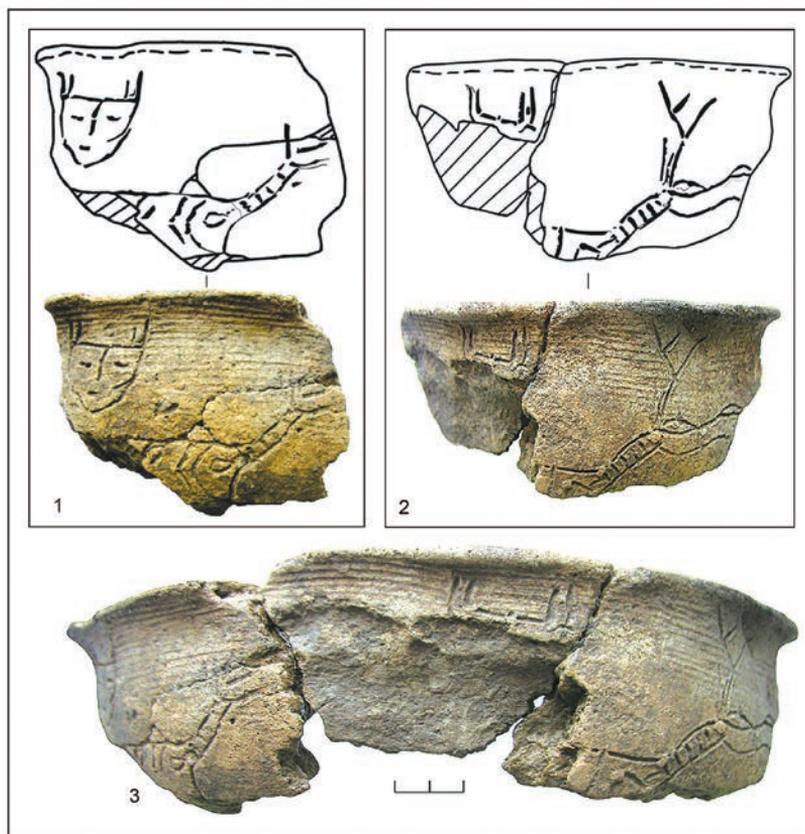

Рис. 16. Лоси в орнаментальной графике раннего железного века. Кижировское городище (по: [Панкратова, Плетнева, 2012])

У хантов жертвенный олень, предназначенный для Ильта-мувен-ики и других духов, в ритуале, посвященном угасанию солнца и переходу к холодному времени года, отмечен знаком из семи полос [Головнев, 1995, с. 359]. Возможно, образы именно таких

Рис. 17. Лося в кулайской металлопластике:
1 – Саровское культовое место; 2 – Кривошеинское
культовое место (фото И.В. Ковтуна)

лосей, означавших календарный поворот года, передавались рисунками животных с поперечными полосами (рис. 8; 10; 11).

Более содержательными представляются орнаменты, изображающие не только «ребра» лося, но и «сердце с аортой» (рис. 15; 18). Параллели им усматриваются в эвенкийском ритуале посвящения животных. У эвенков имелись олени, посвященные духу-хозяину Верхнего мира, считавшиеся охранителями здоровья членов семьи и благополучия стада. Такой олень назывался «божий олень», или «небесный олень». В его названии, означавшем в том числе оленя или лося-производителя, сохраняется представление о хозяине Верхнего мира в образе лося или оленя. Посвящение такого оленя осуществлялось согласно церемониалу: «В день камланья

по указанию шамана убивали жертвенного оленя и вешали его шкуру на *сэргэ* (высокая лиственничная или сосновая жердь, с перекладиной в центре места проведения обряда. – *Авт.*). Затем шаман подводил посвящаемого оленя к *сэргэ*, привязывал его к нему, мазал кровью жертвенного оленя, делая полосы вдоль хребта и поперек его, и оставлял оленя привязанным в течение всего камланья» [Василевич, 1957, с. 170, 178]. Далее шаман по *сэргэ* отправлялся в Верхний мир, где добывал для посвящаемого оленя мухун – часть силы верхнего божества. Мухун «помещался» в *легких* – в дыхании посвященного оленя – *сэвэк*. После этого шаман превращался в птицу и отправлялся на поиски души больного соплеменника. Найденная душа помещалась в куколке на вьючной суме посвященного оленя – *сэвэк*, где она пребывала до выздоровления больного [Василевич, 1957, с. 172–174].

Нетрудно заметить параллель между вертикалью Мирowego дерева эвенкийского *сэргэ* и недоступной отвесной скалой с рисунками первой плоскости Тутальской писаницы (рис. 7). Четыре-пять прямых либо стреловидных полос поперек шеи-груди пяти лосей с этой плоскости иллюстрируют идею о находящейся в легких – дыхании зверя, частицы необыкновенной силы божества Верхнего мира (рис. 15). Пересекающая же их и проходящая вдоль центра шеи-груди линия с округлой или сердцевидной фигурой в окончании напоминает о куколке с душой больного, приданной «на сохранение» посвященному животному (рис. 15 и 18).

Здесь же запечатлен и фрагмент самого посвящения. Его изображают два отличные от прочих рисунка. Орнитоморфное изображение с удлинненным «носом-клювом» и при-

поднятыми подобно крыльям руками на присогнутых в коленях ногах, напоминающих позу ритуального танца, обращено к морде лося. Передняя рука этого «птице-человека» заведена под нижнюю челюсть животного, а нос лося почти соприкасается с плечом композитного персонажа (рис. 19.-1). Одновременность выбивки и содержательное единство мизансцены удостоверяются этими деталями композиции, а смысловое значение происходящего действия сопоставимо с ритуальными манипуляциями эвенкийского шамана в отношении посвящаемого оленя. Как уже отмечалось, шаман посвящал животное, «делая полосы вдоль хребта и поперек его», и именно такие продольно-поперечные полосы запечатлены на крупе тугальского лося (рис. 19.-1).

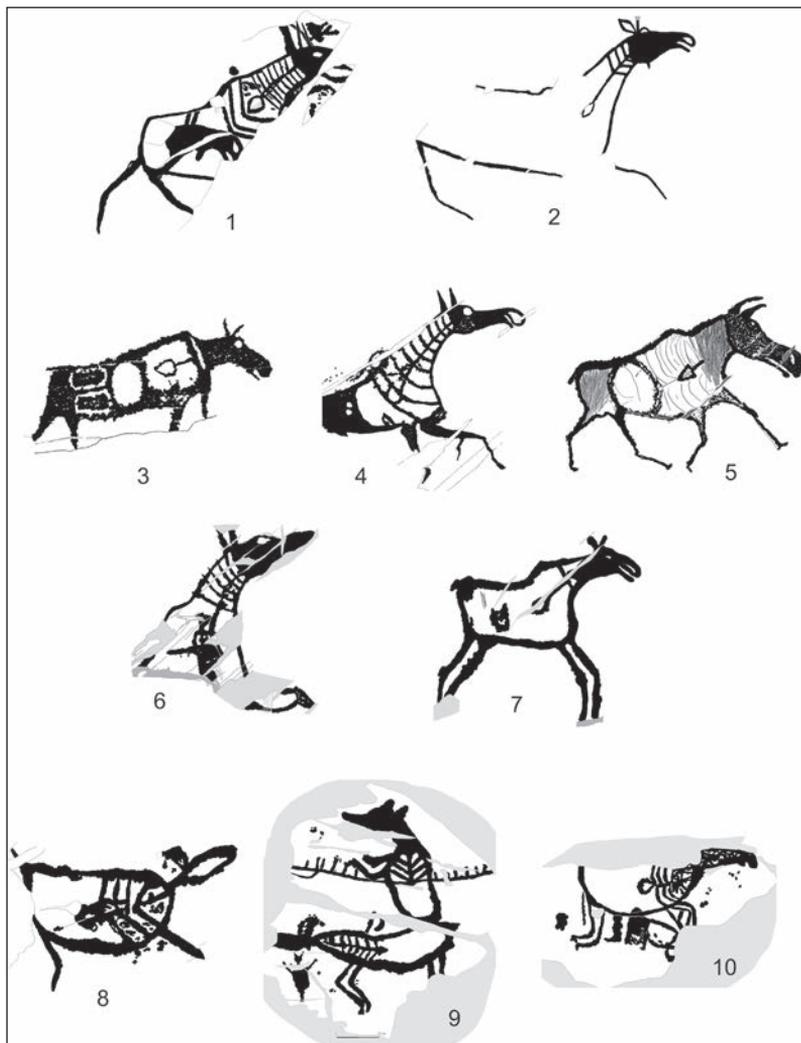

Рис. 18. Посвященные лоси нижнетомских писаниц: 1–7 – Томская писаница (3–5 – прорисовки Е.А. Миклашевич); 8–10 – Новоромановская писаница

Подобная орнаментация вообще уникальна для нижнетомских петроглифов и встречается здесь лишь однажды. Но на Томской писанице фрагментарно сохранилось изобра-

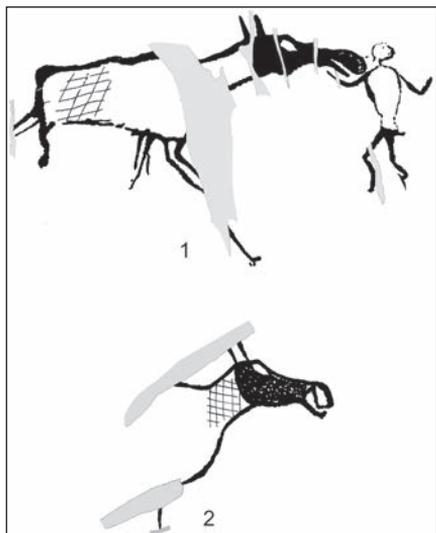

Рис. 19. 1 – Тутальская писаница: сцена посвящения лося шаманом в облике птицы; 2 – Томская писаница: изображение лося, орнаментированное диагональной «сеткой»

имел форму, напоминающую птицу [Анучин, 1914, с. 70, 71]. По сведениям М. Элиаде, у алтайцев шаманский колпак украшали перья золотого орла или коричневой совы, а у тувинцев и тофаларов – совиные перья. У телеутских шаманов известен головной убор из шкуры (чучела) коричневой совы, с крыльями, а иногда и с головой птицы. Ботинок тунгусского (эвенкийского) шамана имитирует птичью лапу, а орнитологический наряд якутского шамана представляет целый скелет птицы, изготовленный из железа, и т.д. [Элиаде, 2000, с. 154]. С.М. Широкогоров отмечал, что шаманский костюм-птица присущ северным баргузинским и нерчинским тунгусам (эвенкам). Он снабжен железными подвесками и бахромой, символизирующими скелет и оперение птицы [Широкогоров, 1919, с. 78–79].

Подобно эвенкийскому посвящаемому оленю, подводящемуся к центральной – Мировой оси ритуала – сэргэ, тутальский шаман-птица с посвящаемым лосем также расположены в самом центре более чем четырехметрового вертикально вытянутого панно с другими лосиными изображениями. Думается, эта тутальская плоскость служила мыслимым воплощением Мирового дерева, Мировой горы или других вариаций подобных представлений (рис. 7). Здесь в ритуальном «центре мироздания» шаман посвящает одного из лосей, а уже получившие особую силу верхнего божества (рис. 19) хранят души больных соплеменников кама. Вероятно, скальное панно пополнялось такими рисунками по мере целительной необходимости в качестве алломорфов реальных животных с подразумеваемой мифоритуальной функцией.

5. Солнцеголовые персонажи

Солнцеголовые образы известны в наскальном искусстве Нижнего Притомья. Сейчас насчитывается не менее четырнадцати таких изображений (рис. 20 и 21).

На Тутальской писанице также встречена композиция с солнцеголовыми персонажами, где «солнцеголовость» одного более очевидна, нежели у другого (рис. 10; 20.-1, 2).

жение лося, у которого не аналогичным, а схожим образом заштрихована шея (рис. 19.-2). Если для тутальского изображения характерна прямая сетка, то для томского – диагональная, присущая орнаментации сосудов поздней и финальной бронзы.

Образ шамана-птицы, которым передан тутальский «птице-человек», подобный обернувшись птицей эвенкийскому шаману, нередко встречается в этнографических описаниях. Сибирские шаманы часто принимали облик различных птиц, перевоплощаясь в них, как правило, для полета на значительные расстояния, к Верхним мирам или для достижения целей, предполагавших пребывание в подобной ипостаси.

А.Ф. Анисимов отмечал двойную природу душ эвенкийских шаманов – харги, представлявших в том числе и в виде человека-птицы. Металлические фигурки, изображавшие таких комpositных персонажей, зачастую присутствовали на шаманских плащах [Анисимов, 1958, с. 137–138, рис. 7]. Покрой плаща кетского шамана вообще

Под этими фигурами выбиты два лося, обращенные в разные стороны, а выше на плоскости отмечены фрагменты трех неопределимых зооморфных изображений (рис. 10). Симптоматичное сочетание солнцеголового персонажа с образом лося обнаруживает небезынтересную параллель в этнографии кетов. На наружной стороне кетского шаманского бубна изображен сам шаман, солнце и луна: «здесь только та особенность, что на голове шамана изображены пять линий и на конце каждой – летящая птица; это – мысли шамана... На правой стороне, под луною, помещено изображение животного – это кай (= лось); так енисейцы называют созвездие Б. Медведицы, по которой ориентируются в пути» [Анучин, 1914, с. 50, 52, рис. 39].

В этой космогонической сцене солнцеголовый шаман, явно уподобляющийся некому высшему

божеству Верхнего мира («лучи – птицы»), фигурирует в едином смысловом ряду с астральным объектом, персонифицированным в образе Небесного Лося. Лосиный облик созвездия Большой Медведицы известен в представлениях многих сибирских и несибирских народов [Григоровский, 1882, с. 464–465; Потанин, 1883, с. 778, 779; Гондатти, 1888, с. 54; Анучин, 1914, с. 15; Пежемский, 1936, с. 274; Ошаров, 1936, с. 280, 282; Окладников, 1950, с. 296–299; Анисимов, 1958, с. 68–71; Алексеенко, 1976, с. 84–85; Айхенвальд, Петрухин, Хелимский, 1982, с. 183; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 107; Источники по этнографии Западной Сибири, 1987, с. 29; Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 66–69, 297; Ромбандеева, 1993, с. 40–41; Иванов, 1994, с. 116; Рыбаков, 1994, с. 54; Топоров, 1994, с. 70; Головнев, 1995, с. 236, 238, 251, 352; Бауло, 2001, с. 81; Петрухин, 2005, с. 347–348; и др.]. Поэтому его сочетание с солнцеголовым божеством или шаманом в образе такого божества может восходить к космогонии создателей тутальской композиции (рис. 10). Единство тутальской сцены удостоверяется компоновкой ее фигур и параллелью на Второй Новоромановской писанице, где солнцеголовый индивид также композиционно и содержательно связан с фигурой лося (см. по: [Ковтун, Русакова, 2008, с. 345, рис. 1.-4]). Известны подобные сочетания и на Томской писанице (см. по: [Ковтун, Русакова, Миклашевич, 2005, с. 357, рис. 3]) (рис. 22). Солнцеголовый персонаж тутальской композиции упирается ногами в затылок лося, означая этим содержательную сопричастность обоих образов (рис. 10). Солнцеголовое изображение уже по определению символизировало дневную (утреннюю) половину суток,

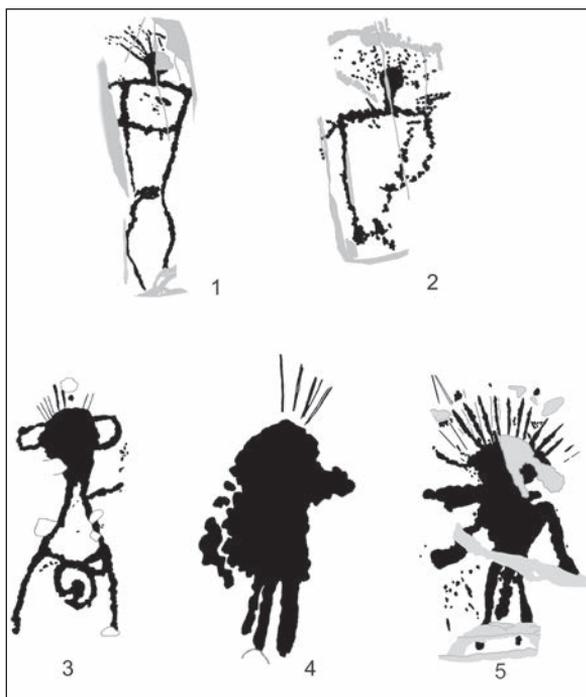

Рис. 20. Солнцеголовые изображения:
1, 2 – Тутальская писаница, плоскость 4;
3, 4 – Новоромановская писаница;
5 – Вторая Новоромановская писаница

а Лось/Лосиха, считавшийся образом Большой Медведицы, – время ночи и сопутствующую ему данную астральную деификацию.

Одновременно этой же символикой могли означаться календарные сезоны – теплое и холодное полугодия. С такой трактовкой соотносятся предположения о митраистских верованиях и культах на территории Северо-Западной и Центральной Азии в эпоху бронзы (например: [Кузьмина, 1994, с. 261; Новожинов, 1994, с. 222; и др.]). С ними ассоциировались и солнцеголовые персонажи.

На исторической авансцене первое письменное упоминание бога Митры связано с заключенным в XIV в. до н.э. хеттско-митаннийским брачным договором, где фигурируют впервые идентифицированные Г. Винклером имена четырех (точнее пяти, так как Ашвины составляют пару) индоарийских божеств: Митра, Варуна, Индра и Насатьи [Елизаренкова, 1960, с. 9–10; Дьяконов, 1970, с. 41; Гиоргадзе, 1971, с. 121; Абаев, 1972, с. 31; Гиндин, 1972, с. 285–286, 293–296, 315; Барроу, 1976, с. 31; Чаттерджи, 1977, с. 50, 60; Эрман, 1980, с. 196–197; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 548; Дюмезиль, 1986, с. 17–18; Вильхельм, 1992, с. 98; Кузьмина, 1994, с. 5 (имя «Митра» опущено); Хелимский, 2000, с. 503; Bryant, 2001, p. 135; Иванов, 2001, с. 29; Lamberg-Karlovsky, 2002, p. 72; Чайлд, 2009, с. 28; и др.]*. Датировка серединой II тыс. до н.э. документально зафиксированного появления фигуры Митры допускает изображение подобного божественного персонажа на притомских скалах во 2-й половине II – начале I тыс. до н.э.

Хотя индоиранская этимология имени Митры означала «Бог Договоров», постепенно на значительной территории он превращается в главного Бога Солнца, а солнечный свет приобретает значение для образа этого божества [Иванов, 2009, с. 58]. К образу Митры восходят и истоки многих черт Мир-сусне-хума, заимствованных у иранцев или из восточноиранской среды предками манси до их перемещения в высокие (приполярные) широты [Топоров, 1981, с. 146–149; Топоров, 1994а, с. 156; Гемуев, 1990, с. 190–194; Гемуев, 2001, с. 89–90]. Солнцеголовости его образа у обских угров обязано представление о том, что: «на Оби вскрывается лед, когда Мир-сусне-хум поднимает локоны своих волос» и «солнце стоит в его волосах» [Новикова, 1991, с. 29]. В свою очередь, «сезон лося» и космическая погоня-преследование Небесного Лося/Лосихи в образе Большой Медведицы олицетворяют позднюю осень – зиму. Поэтому тутальский солнцеголовый персонаж, «стоящий» на голове добежавшей до него «зимней» Лосихи, подобно Мир-сусне-хуму, может означать окончание зимнего сезона и начало весны (рис. 10), т.е. переломное время стыка Старого и Нового Года. Примечательно, что подобная тутальской, томским и новоромановской (II) композиционная связка солнцеголового антропоморфа и лося (рис. 22) представлена и на плитах каракольских захоронений. Возможно, к этой связке и восходит образ Мир-сусне-хума как всадника, объезжающего мир на белом коне [Топоров, 1981, с. 147–148].

Но облик и содержание солнцеголовых персонажей, запечатленных на притомских скалах, не сводятся только к указанному сочетанию и реконструируемой персонификации: «Митра» – «Мир-сусне-хум». Судя по различной стилистике таких рисунков (рис. 20 и 21), их создание не укладывается в узкий культурно-хронологический горизонт и предполагает бытование традиции подобных образов на сравнительно продолжительном временном от-

---

* Библиографический перечень М. Майрхофера по данной проблематике еще к 1965 г. насчитывал более 700 работ (см.: [Гиндин, 1972, с. 286]); другие авторы, также ссылаясь на М. Майрхофера, упоминают более 300 работ по переднеазиатским арийцам [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 76].

резке. Наиболее ранние изображения сопоставимы с проявлениями окуневской изобразительной традиции, и именно такой персонаж сочетается с фигурой лося на Томской писанице (рис. 21.-1).

К близкому времени, вероятно, относится и пара солнцеголовых существ с верхнего фриза данного памятника. Один из персонажей в этой паре сочетает солнцеголовость с орнито-морфными признаками, напоминающими голову цапли с характерно изогнутой шеей и хохолком на затылке. Руки этого «птице-человека», раскинутые подобно птичьим крыльям, удерживают длинные посохообразные предметы. Один из них имеет выраженный наконечник в верхней части, что позволяет видеть в нем копьё, а другой – лопаточку на конце, обращенном книзу, присущую посоху

для передвижения на лыжах (рис. 21.- 2). Такая же амуниция входила в состав экипировки кетского шамана: копьё и посох для ходьбы на лыжах [Анучин, 1914, с. 79]. Возможно, посредством данной атрибутики шаман уподоблялся некому божеству или культурному герою, изображенному и на Томской писанице. Или же изображение пляшущего шамана в птичьем головном уборе-маске воспроизводило значимые действия солнцептицеголового героя или божества (рис. 21.-2).

Перевоплощение в птицу присуще солнцеголовому Мир-сусне-хуму. В обско-угорской мифологии (особенно у манси) самым популярным и почитаемым из птичьих обликов Мир-сусне-хума является его «гусиная» ипостась – «Гусь-богатырь». Гусиной иногда представлялась и его мать Калтащ-эква [Гемуев, 1990, с. 49, 183; Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 42; Головнев, 1995, с. 353]. Способностью принимать вид гуся Мир-сусне-хум пользуется для спасения своей жизни при распрях с братьями и богатырями [Гондатти, 1888, с. 18; Айхенвальд, Петрухин, Хелимский, 1982, с. 181]. Иногда он вступает в смертельный поединок со своим божественным отцом, но, приняв облик гусенка, обретает неуязвимость, выступая затем покровителем и защитником людей. Он спасает человечество от потопа, посланного его отцом, вставив «между обеими землями, между верхним небом и землей, толстостенное корыто. В нем и собралась вода чудовищного потопа»

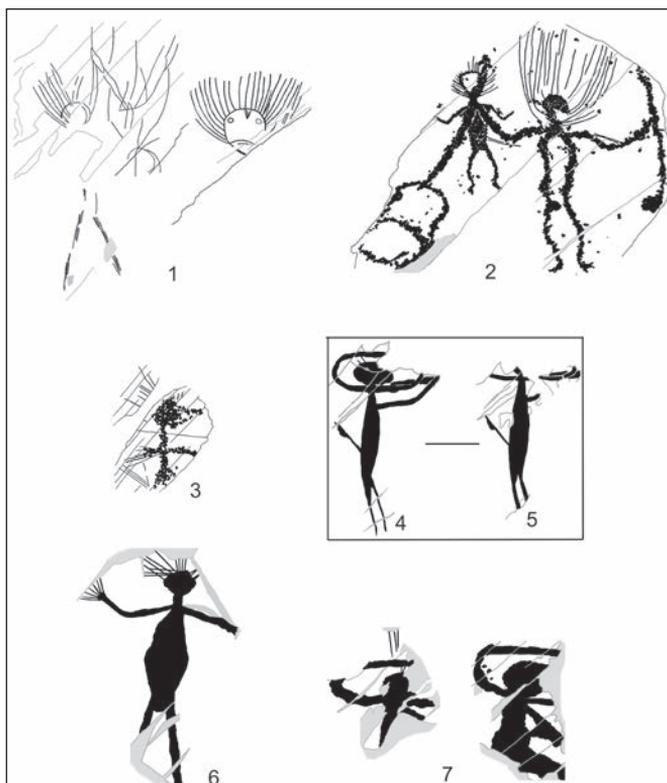

Рис. 21. Солнцеголовые изображения: 1–3 – Томская писаница (прорисовки Е.А. Миклашевич); 4 – Томская писаница, прорисовка с фотографии В.В. Сапожникова начала XX в.; 5–7 – Томская писаница, прорисовки 2012 г.

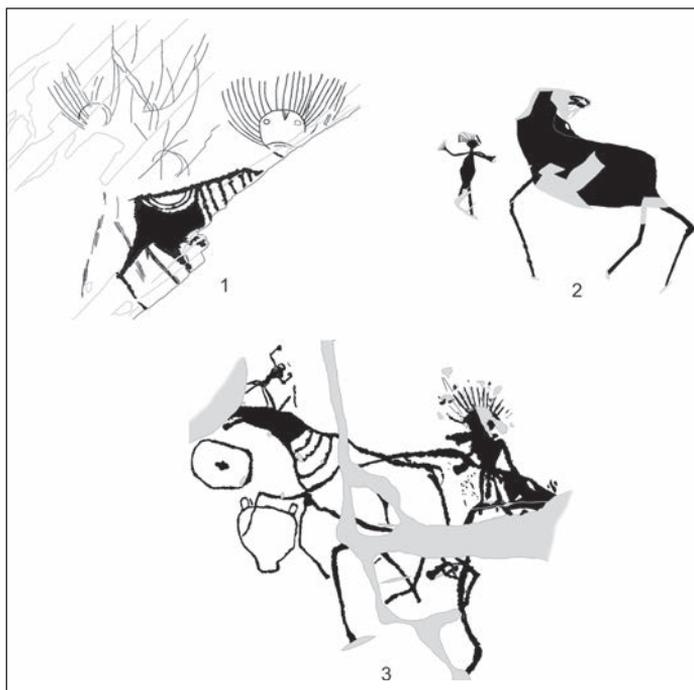

Рис. 22. Сочетание солнцеголовых персонажей с образом лося: 1, 2 – Томская писаница; 3 – Вторая Новоромановская писаница

[Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 70–73]. Здесь угадывается переосмысленная вариация ведийского представления о «небесной бадье» (см. например: [Кейпер, 1986, с. 156–162]). Возможно, на подобную «бадью-корыто» и опирается копьё солнцептицеголового субъекта, изображенного на верхнем фризе Томской писаницы (рис. 21.-2). Ключевым же смысловым индикатором этого образа представляется комбинация головы перелетной птицы с венчающим ее нимбом солнечных лучей. Солнцеголовое божество с головой серой цапли представлялось календарным символом, означавшим поворот-

ные вехи годового цикла, совпадавшие с сезонными перелетами этих птиц. Поэтому смысловое значение сочетания солнцеголовости и птичеголовости персонажа сводится к мотиву весенней новогодней птицы, причастной к Творению мироздания или, как в случае с Мир-сусне-хумом, его спасению от (весеннего – ?) потопа.

Продолжение такой повествовательной традиции, конвертированной в солнцеголовые изображения, видится в единственном подобном персонаже с признаками женского пола с Новоромановской писаницы. Стилистические черты фигуры аморфны, но гипертрофированные уши солнцеголовой героини обнаруживают параллели с солнцеголовыми «ушастыми» ликами на кижировских сосудах (см. по: [Панкратова, Плетнева, 2012, с. 177–179, рис. 3; 4; 6.-1]). Думается, что новоромановское изображение хронологически синхронно кижировским древностям и передает семантически схожий персонаж, на наш взгляд, напоминающий прообраз Калтащ-эквы. Именно этому женскому божеству присуща солнцеголовость: «О том, что Калтащ связана с сакральным верхом, светом и сиянием, прямо свидетельствуют ее эпитеты... В фольклоре манси Калтащ сближается с утренней зарей» [Сагалаев, 1991, с. 54]. Характерная поза и половые признаки новоромановского изображения соотносятся с мотивом известной ссоры Нуми-Торума со своей супругой. Калтащ-эква изменила мужу с Месяцем или с властителем преисподней Куль-отыром и была низвергнута за это на землю, а при падении родила седьмого сына – Мир-сусне-хума (см. например: [Топоров, 1981, с. 148; Головнев, 1995, с. 550; и др.]). Вероятно, этот драматичный эпизод и запечатлен на новоромановских скалах (рис. 20.-3). Небезынтересно, что жена верховного кетского божества Еся Хоседем также ушла от него,

став супругой Месяца, за что вместе со своими слугами была низринута Есем на землю [Анучин, 1914, с. 3]. Сходство дополняется одинаковым количеством сыновей, которых и у Хоседем, и у Калташ-эквы насчитывается по семь. *Повторением фавулы этого ключевого эпизода удостоверяется архаичность самого мотива, возможно, восходящего к протоугорской и протокетской новоромановской сцене* (рис. 20.-3).

Оригинальные «нимбы» в виде овала вокруг головы зафиксированы у трех антропоморфных изображений Томской писаницы (рис. 21.-4-5, 7). Это редкое выражение «солнцеголовости» образа, возможно, восходит к тувинским композициям из Бижиктиг-Хая, в которых женщины с подобным «нимбом» ведут быков (см. по: [Дэвлет, 1990, с. 99]). Данные петроглифы отнесены к младшей тувино-алтайской группе геометрической изобразительной традиции конца II – начала I тыс. до н.э. [Ковтун, 2001, с. 79–81, 138–139]. Схожие «нимбы» окружают и головы лучников на подогнутых ногах из Устю-Мозага [Дэвлет, 1990, с. 82]. Такие рисунки сопоставимы с изображениями грибовидных антропоморфов на присогнутых ногах, сочетающихся с быками младшей тувино-алтайской группы и датированных по сопутствующим им атрибутам временем не ранее конца или последними веками II тыс. до н.э. [Ковтун, 2013, с. 328–330]. Томские рисунки выглядят стилистически позднее, представляясь еще одной тувинской репликой в Нижнетомском очаге наскального искусства.

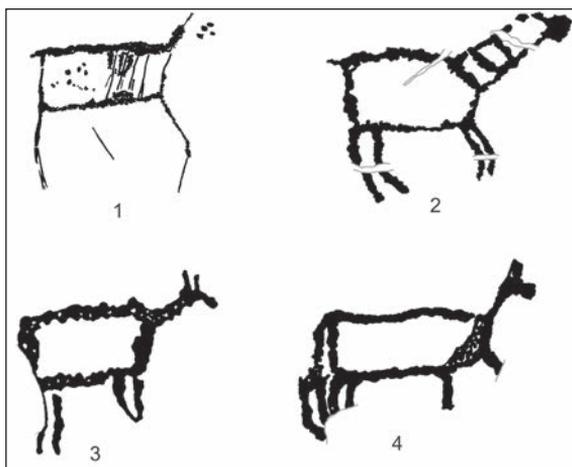

Рис. 23. Геометрический стиль.

Изображения оглахтинско-томской группы:
1–3 – Висящий Камень; 4 – Томская писаница

огибают и головы лучников на подогнутых ногах из Устю-Мозага [Дэвлет, 1990, с. 82]. Такие рисунки сопоставимы с изображениями грибовидных антропоморфов на присогнутых ногах, сочетающихся с быками младшей тувино-алтайской группы и датированных по сопутствующим им атрибутам временем не ранее конца или последними веками II тыс. до н.э. [Ковтун, 2013, с. 328–330]. Томские рисунки выглядят стилистически позднее, представляясь еще одной тувинской репликой в Нижнетомском очаге наскального искусства.

6. Сочетание стилей

Тутальская писаница не составляет стилистически единого и компактного комплекса. Протяженность ее изображений (кроме одного) по левобережной линии Томи достигает почти 800 м. Помимо петроглифов, выполненных в собственно «ангарском» стиле, здесь зафиксированы и диаметрально отличные разновидности его стилизации. Наиболее очевидные признаки подобных стилистических трансформаций сводятся к отмеченным *ростральным изображениям* с утонченными пропорциями (рис. 7; 15) и к *геометризованным рисункам*, также с характерным видоизменением исходной «ангарской» основы (рис. 8; 10–12; 14). Двадцать лет назад один из авторов отнес эти геометризованные «ангарские» изображения к особой томской стилистической группе [Ковтун, 1993, с. 47, и др.; Ковтун, 2001, с. 48–52]. Такие рисунки, иллюстрирующие поздний этап «ангарской» традиции, имеются и на Тутальской писанице (рис. 8; 10–12; 14).

Но, помимо подобных изображений, в тутальском комплексе зафиксированы и собственно геометрические зооморфные изображения. Они близки рисункам оглахтинско-томской и варчинской стилистических групп геометрической изобразительной традиции. Подобные петроглифы фигурируют в верхней левой части пятой и на седьмой плоскостях памятника (рис. 11; 13). Стилистически аналогичные петроглифы обнаружены среди рисунков Новоромановской и Томской писаниц, а также на Висящем

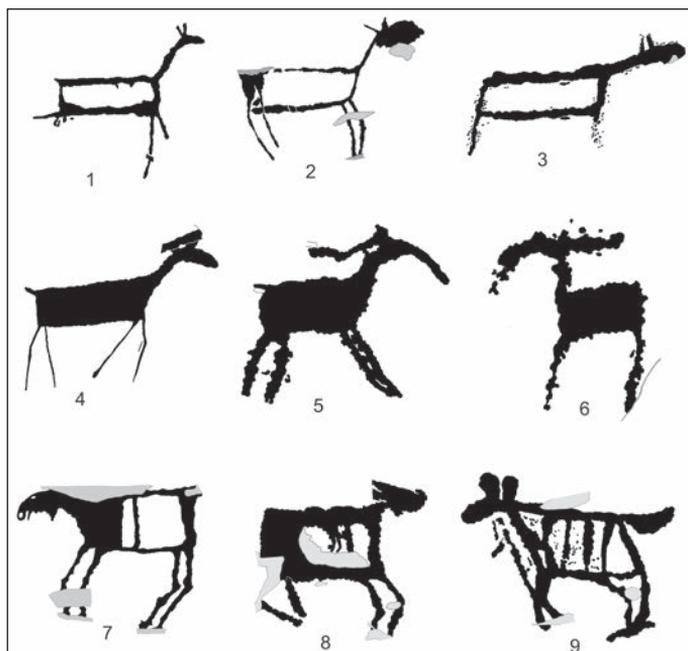

Рис. 24. Геометрический стиль. Изображения оглахтинско-томской группы: 1–9 – Новоромановская писаница

Камне (рис. 23 и 24). Полагаем, их появление, как и стилизация «ангарских» изображений томской группы, является разными следствиями одного явления, – процесса проникновения носителей традиции геометрических изображений в Нижнее Притомье. Время таких рисунков связано с карасукской эпохой распространения на данной территории еловских и ирменских древностей. Так, например, на еловском сосуде из ЕК-II нанесены изображения парных протом стилистически подобных зооморфных персонажей (см. по: [Ковтун, 2001, с. 155, табл. 104.-2;

Ковтун, Русакова, 2008, с. 345, рис. 1.-5]). В Нижнетомском очаге наскального искусства еловских материалов не обнаружено, но судя по находкам с местонахождения Долгая-1, у Новоромановской писаницы геометризованные «ангарские» и собственно геометрические петроглифы соотносятся с ирменскими (позднеирменскими) древностями этого памятника.

Вероятно, с этим же культурно-хронологическим периодом связаны тутальские ростральные изображения (рис. 7; 15). Хотя источник их появления здесь не ясен, стилистика уникальна, а культурный облик авторов данных изображений пока неизвестен.

При этом симптоматичен фактор одновременности – единовременного появления диаметрально отличных выразительных приемов стилизации «ангарских» изображений и принципиально иных собственно геометрических рисунков. Подобное многообразие стилистической палитры присуще переходным эпохам, когда в рамках узкого хронологического горизонта, в нижнетомском ареале сосуществуют тутальский ростральный, геометризованный «ангарский» и геометрические оглахтинско-томские и варчинские стилистические вариации.

Библиографический список

- АГКМ. ОФ 3116. Алтай. Караван перед выступлением в Кайтанак.
АГКМ. ОФ 3117. Алтай. Алтайцы-проводники Читый и Сата (пункт неизвестен).
АГКМ. ОФ 3119. Алтай. Ночлег в верховьях Чивчигема.
Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир: сб. ст., посвящ. проф. В.И. Авдиеву. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 26–37.
Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. 1981. М.: Наука, 1982. С. 162–192.

- Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 67–105.
- Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.
- Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской академии наук. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1914. Т. II. 2. 90 с.
- Барроу Т. Санскрит. М.: Прогресс, 1976. 411 с.
- Бауло А.В. Лось // Мифология манси. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 81–82.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. доп. и испр. М.: Мысль, 1983. 206 с.
- Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XVII. С. 151–185.
- Вильгельм Г. Древний народ хурриты: очерки истории и культуры. М.: Наука, 1992. 157 с.
- Галкина А.А. Николай Яковлевич Овчинников. Алтайский период жизни // Алтайский сборник. Барнаул: Алтай, 1997. Вып. XVIII. С. 147–156.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1984. 1328 с.
- Гемуев И.Н. Мирозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н. Мир-сусне-хум // Мифология манси. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 89–91.
- Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. С. 272–321.
- Гюргадзе Г.Г. A. Kammenhuber, Die Arier im Vordern Orient, Heidelberg, 1968, 295 // Вопросы древней истории. 1971. №1. С. 120–123.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Гондatti Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Из VIII книги Трудов Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М.: Типография Е.Г. Потапова, Старая Басманная, д. Мараевой, 1888. 91 с.
- Григорьевский И.П. Предание нарымских инородцев о созвездии «Лось» // Томские губернские ведомости. Часть неофициальная. 5 августа 1882. № 31. С. 464–465.
- Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (к методике исследования исчезнувших языков) // Вопросы древней истории. 1970. №4. С. 39–63.
- Дэвлет М.А. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1990. 120 с.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 235 с.
- Елизаренкова Т.Я. Аорист в «Ригведе». М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 152 с.
- Иванов Вяч. Вс. Астральные мифы // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 116–118.
- Иванов Вяч.Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор. М.: Знак, 2009. С. 49–78.
- Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 296 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
- Кейпер Ф.Б.Я. Небесная бадья // Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука, 1986. С. 156–162, 183–188.
- Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. 140 с.
- Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 184 с.
- Ковтун И.В. Сейминско-турбинские древности и индоарии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №4 (19). С. 53–70.

- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Ковтун И.В., Русакова И.Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 352–354.
- Ковтун И.В., Русакова И.Д., Миклашевич Е.А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 355–358.
- Ковтун И.В., Русакова И.Д. Ранний комплекс петроглифов Новоромановской писаницы // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 344–349.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.
- Мартынов А.И., Ломтева А.А. О хронологической и культурной принадлежности Новоромановских петроглифов // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: Изд. КемГУ; Кем. полиграфком., 1993. С. 192–202.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.
- Молданова Т.А. Орнитоморфная символика в фольклоре и верованиях хантов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. Вып. 4 (41). Сер.: Гуманитарные науки (история, археология, этнология). С. 95–97.
- Новикова Н.И. Об иранском влиянии в культуре обских угров // Советская этнография. 1991. №4. С. 29.
- Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: Аргументы и Факты Казахстан, 1994. 267 с.
- Овчинников Н. О «писаных» камнях в Томском уезде // Алтайский сборник. Барнаул: Издание Алтайского Под-Отдела Западно-Сибирского Отдела ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического Общества. Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1910. С. 1–6, Таб. 1–6.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. I и II. 412 с. (МИА №18).
- Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 255 с.
- Ошаров М. Тунгусские сказки // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Т. I: Труды по фольклору. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Сидовича, 1936. С. 275–283.
- Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск: Издание Томской губернской типографии, 1908. 82 с.
- Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томск: Издание Томского Губернского Статистического Комитета. Типография Губернского управления, 1912. 164 + 52 с.
- Панкратова Л.В., Плетнева Л.М. Архитектоника антропо-зооморфных изображений на керамике Кижировского городища // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 166–187.
- Пежемский В.С. Две легенды ербогаченских эвенков // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Т. I: Труды по фольклору. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Сидовича, 1936. С. 272–275.
- Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель; Аст; Транзиткнига, 2005. 463 с.
- Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск: Наука, 1991. 92 с.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником онаго Г.Н. Потаниным. Вып. IV: Материалы этнографические, с 26-ю таблицами рисунков. СПб.: Типография В. Киршбаума, в д. М-ва Финансов, на Дворцовой площади, 1883. 1026 с.

- Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Русакова И.Д., Баринаева Е.С. Новые петроглифы на Томи // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. Вып. 2. С. 64–77.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд-е. М.: Наука, 1994. 608 с.
- Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.
- Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.
- Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1–2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 146–162.
- Топоров В.Н. Лось // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 69–70.
- Топоров В.Н. Митра // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994а. Т. 2. С. 154–157.
- Хелимский Е.А. Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арииндроновцы»)? // Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 502–510.
- Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2009. 269 с.
- Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание. Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджаратском обществе родного языка (Ахмадабад). М.: Наука, 1977. 256 с.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. М.: Наука, 1971. В4-12 (2). Ч. 2. 120 с.: илл.
- Широкогородов С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. Владивосток: Типография Областной земской управы, 1919. Т. I. С. 47–108.
- Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
- Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. 231 с.
- Bryant E. The Quest for the Origins of Vedic Culture. The Indo-Aryan Migration Debate. Oxford: University Press, 2001. 387 p.
- Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and Language. The Indo-Iranians // Current Anthropology. February 2002. Vol. 43, N. 1. P. 63–88.

I.V. Kovtun, I.D. Rusakova TUTALSKAYA PISANITSA

The Tutalskaya petroglyph site (*pisanitsa*) rounds out the series of the Low Tom region petroglyph sites spread over 47 km from the Pisanaya village to the Polomoshnoye village of the Yashkino district, the Kemerovo region. The research workers did thorough research of the site in 1906, 1967 and 2005. A number of petroglyphs were also found in the period of 1991–1993. The specific stylistic configurations of the elk representations are the unique characteristics of the site. Narrow croups, elongated, fine necks and porrect gracile, and often «beak shaped» heads of the Tutalskaya elks were meaningful. They can be associated with «flying» deer from the deer stones of the Mongol-Zabaykalsky type being either the prototype of this stylistic canon or its Low Tom replica. A number of the elk representations can be dated due to their specific ornamentation of the body which also verifies the meaning of these compositions according to the ethnographic parallels connected with a special rite of the animal initiation and, in this case, replacing its representation. Special attention is given to the sun headed characters. Their combination with the elk figures is interpreted as symbolization of mythic calendar cycles related to the Mitra cults and their proto-Ugric analogues.

Keywords: Tutalskaya pisanitsa, the Low Tom region, initiated elks, sunheaded characters, rostral style, geometric style.

УДК 903.4

В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Донецкий областной краеведческий музей, Донецк, Украина

МАНИПУЛЯЦИИ В СТОЛБОВЫХ ЯМАХ (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы)

Авторы обращаются к материалам поселений различных культур эпохи поздней бронзы с целью проследить различные манипуляции, связанные со столбовыми ямами. Анализ доступного материала позволяет прийти к выводу, что часть приуроченных к столбовым ямам находок правомерно трактовать как следы строительных жертвоприношений, совершавшихся в ходе возведения постройки. Другие находки в ямах связаны с обрядами по установлению/блокированию контактов с иным миром. В период функционирования построек в них могли совершаться обряды, в контексте которых важную роль играли столбы. Даже после того, как столбы извлекались из ям, на местах их прежнего расположения порой производились определенные обрядовые действия, смысл которых пока неясен. Авторы выражают надежду, что их работа будет способствовать росту интереса к таким комплексам, как столбовые ямки с различными предметами – теме, которая все еще привлекает незаслуженно мало внимания.

Ключевые слова: столбовые ямы, эпоха бронзы, столбы, ритуалы.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-02

Исследователи, изучавшие постройки эпохи бронзы, уже давно обратили внимание на то, что в столбовых ямах порой оказываются различные артефакты. В частности, О.А. Кривцова-Гракова, публикуя материалы раскопок поселения саргаринско-алексеевской культуры Алексеевское, отметила присутствие в некоторых из этих ям фрагментов керамики, костей и обломков «очажных камней». По мнению автора, все эти предметы попали туда случайно, после извлечения столбов [Кривцова-Гракова, 1948, с. 82]. В.С. Горбунов [1989, с. 71] считал, что кости и фрагменты керамики, находившиеся в столбовых ямах, служили для уплотнения засыпки. Использование камней (галек), костей животных и мелких фрагментов керамики в качестве забутовки столбовых ям допускали и другие исследователи [Обыденнов и др., 2001, с. 82; Фоменко та ін., 2007, с. 407; Раззоков, 2012, с. 62]. Принципиально иную гипотезу высказал Р.А. Мимоход. Он привел убедительные аргументы в пользу того, что различные предметы, обнаруживаемые в столбовых ямах, являются следами обрядовых действий (согласно его интерпретации – строительных жертвоприношений) [Мимоход, 1999]. К аналогичным выводам пришли и некоторые другие авторы. В частности, по мнению О.И. Новиковой и Й. Шнеевайса [2002], сосуды, обнаруженные в столбовых ямах поселения Чича-1, можно связать «...с комплексом строительных ритуальных действий». Указанные исследователи предположили, что люди помещали сосуды в столбовые ямы не только при совершении строительных жертвоприношений. Порой они могли руководствоваться и другими мотивами («например, получение духа-защитника») [Новикова, Шнеевайс, 2002, с. 110].

Признавая правомерность отнесения столбовых ям, содержащих различные артефакты, к разряду культовых комплексов, отметим, что осмысление этих комплексов следует продолжать. Это мы и попытались сделать в предлагаемой статье. Прежде всего вкратце опишем известные нам следы манипуляций в столбовых ямах построек эпохи бронзы.

На поселении **Шибаетово-1** (Челябинская обл., Россия) на так называемом западном участке в столбовой яме 18 были обнаружены фрагмент керамики и небольшой слиток бронзы [Нелин, 2004, с. 154, рис. 2]. Памятник относится к *периоду поздней*

бронзы, однако датировать сооружение, к которому относится упомянутая яма, затруднительно, поскольку в раскопе была обнаружена керамика разных культур – алакульской, федоровской, саргаринско-алексеевской.

На поселении *саргаринско-алексеевской культуры Алексеевское* (Костанайская обл., Казахстан) в столбовой яме 8 землянки 1 находились обломки «бронзового украшения» [Кривцова-Гракова, 1948, с. 82]. В яме 141 той же постройки обнаружен фрагмент бронзового изделия, вероятно, ножа [Кривцова-Гракова, 1948, с. 82]. В столбовых ямах землянки 3 данного поселения были выявлены три каменных «лощила для лощения посуды». Добавим, что в той постройке вообще было довольно много таких «лощил» (галек) [Кривцова-Гракова, 1948, с. 82].

На поселении *дугавской культуры*, исследованном на **Тамбарском водохранилище** (Кемеровская обл., Россия), в жилище 1 на дне некоторых столбовых ям находились кремневые отщепы [Бобров, 1993, с. 110].

На поселении *ирменской культуры Милованово-3* (Новосибирская обл., Россия) в жилище 7 в двух столбовых ямах, начинавших ряды, находились небольшие сосуды, поставленные вверх дном. Авторы публикации, трактуя эти находки как следы обрядовых действий, совершавшихся во время строительства жилища, сочли, что столбы в данные ямы поставлены не были, иначе сосуды не сохранились бы целыми [Сидоров, Новикова, 2004, с. 112] (ср.: [Мимоход, 1999, с. 176]).

На поселении *ирменской культуры Быстровка-4* (Новосибирская обл., Россия) в яме 8 жилища 3, локализовавшейся в юго-западном углу большой камеры постройки, близ входа в малую камеру, было выявлено несколько фрагментов от одного сосуда. Автор публикации трактовал яму как «хозяйственную» [Матвеев, 1993, с. 57]. На наш взгляд, данная яма и по размерам, и по своему размещению в системе бесспорных столбовых ям вполне может быть причислена к последним.

На городище *ирменской культуры Чича-1* (Новосибирская обл., Россия) в ряде столбовых ям или рядом с ними в специальных углублениях находились сосуды. Один из них был выкрашен красной краской, что, как отметили авторы публикации, «...дополнительно свидетельствует об особом его назначении» [Новикова, Шнеевайс, 2002, с. 109].

На поселении *сузгунской культуры Чудская Гора* (Тюменская обл., Россия) в заполнении некоторых столбовых ям жилища 1 были найдены угли, комки обожженной глины и фрагменты керамики [Потемкина и др., 1995, с. 18]. Угли были обнаружены и в отдельных столбовых ямах жилищ 2 и 6 данного поселения [Потемкина и др., 1995, с. 22, 29].

Довольно много случаев присутствия в столбовых ямах различных артефактов известно в *срубной культуре*.

На поселении **Береговское-I** (Башкортостан, Россия) в столбовой яме 2 постройки V находились фрагменты керамики. В столбовой яме 4 этой же постройки обнаружены раздробленные кости животных [Горбунов, 1989, с. 71].

В раскопе II поселения **Тюбяк** (Башкортостан, Россия) рядом с постройкой 2 в столбовых ямах найдены мелкие кости животных [Обыденнов и др., 2001, с. 23]. В столбовых ямах постройки 7 иногда встречались «...мелкие обломки керамики, камни и кости в качестве забутовки или засыпки культурным слоем» [Обыденнов и др., 2001, с. 82].

На поселении **Юматовское-II** (Башкортостан, Россия) в столбовой яме были найдены три фрагмента сосуда [Горбунов, 1989, с. 71].

На поселении **Чесноково-I** (Уральская обл., Казахстан) в столбовой яме постройки оказалась кварцитовая мотыга со следами сработанности [Лопатин, 1993, с. 87].

На поселении **Мирный** (Саратовская обл., Россия) в одной из столбовых ям жертвенного комплекса находились кости овцы и птицы, фрагменты керамики и кварцитовый скол [Лопатин, Миронов, 1983, с. 156; Лопатин, 1993, с. 76–77].

На поселении **Макаровская Речка** (Саратовская обл., Россия) в столбовой яме 10, исследованной на памятнике постройки, была выявлена заготовка для пряслица из кости животного [Изотова, 2006, с. 159].

На поселении **Мокрая Песковатка** (Саратовская обл., Россия) в столбовой яме 23 постройки 1 найдена заготовка костяной втулки, возможно, предназначавшейся для оформления плети или «скипетра» [Лопатин, 2006, с. 411; Лопатин, Четвериков, 2006, с. 117].

На поселении **Раздолье-1** (Тульская обл., Россия) в некоторых столбовых ямах постройки 1 находились фрагменты сосудов и костей животных [Гак, 2011, с. 50]. Наиболее показательны находки из ямы, локализовавшейся в юго-восточной части постройки. Е.Е. Антипина установила, что все 20 бывших в яме костей принадлежали скелету одного животного – не совсем взрослой особи мелкого рогатого скота (возраст – 2,5 года). Отсюда был сделан вывод, что в данном случае мы имеем дело с остатками ритуальной трапезы, целенаправленно собранными и закопанными близ столба [Антипина, 2011, с. 172, 178]. Этот вывод встретил поддержку у Е.И. Гака, опубликовавшего материалы Раздолья-1. Исследователь отметил, что кости попали в яму в связи с совершением какого-то обряда [Гак, 2011, с. 50].

К числу столбовых, возможно, относятся две ямы, находившиеся близ очага в постройке 6 поселения **Мосоловка** (Воронежская обл., Россия). В одной из них обнаружен сосуд, в другой – сосуд, внутри которого лежала массивная кувалда-молот [Пряхин, 1993, с. 50; Мимоход, 1999, с. 175]. Уточним, что у автора публикации были некоторые сомнения относительно такой интерпретации ям, а потому он назвал их столбовыми в кавычках [Пряхин, 1993, с. 47].

В постройке 34 того же поселения, близ центра юго-западной стенки котлована, были исследованы две ямы. В одной из них оказались небольшой сосуд, развал плавающей чаши и обломок литейной формы. В другой лежал обломок какого-то каменного орудия труда [Пряхин, 1993, с. 47]. Р.А. Мимоход [1999, с. 175] счел первую из ям столбовой. Возможно, это и так, ибо объект находился в одном ряду с бесспорными столбовыми ямами. Однако автор публикации склонен был считать, что обе упомянутые ямы «...собственно столбовыми... признать нельзя» [Пряхин, 1993, с. 47].

На поселении **Вареновка-III** (Ростовская обл., Россия) в столбовой яме, локализовавшейся в юго-восточной части жилища 3, было обнаружено костяное острие. По мнению В.В. Потапова [2002, с. 79, 90], в данном случае мы сталкиваемся со строительной жертвой.

На поселении **Мокрый Чалтырь** (Ростовская обл., Россия) в столбовых ямах двух жилищ были найдены кости животных [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Капитаново-I** (Луганская обл., Украина) в столбовой яме находились черепная крышка и фаланга пальца человека [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Капитаново-II** (Луганская обл., Украина) в столбовой яме была обнаружена костяная игла [Мимоход, 1999, с. 175]. В столбовой яме на том же поселении оказался сосуд [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Степановка** (Луганская обл., Украина) в заполнении некоторых столбовых ям помещения 1 жилищно-хозяйственного комплекса (далее – ЖХК) 1 найдены фрагменты костей и керамики [Бровендер, 2012, с. 39]. В столбовых ямах помещения 2 данного ЖХК выявлены фрагменты костей (на некоторых были следы охры), керамики, кусочки охры [Бровендер, 2012, с. 41]. Кости и фрагменты керамики находились и в двух столбовых ямах ЖХК 2 [Бровендер, 2012, с. 61].

На поселении **Червонэ Озеро-3** (Луганская обл., Украина) в столбовой яме 2 постройки 1 были обнаружены «...каменное и костяное изделия, связанные с горно-металлургической деятельностью» [Бровендер, 2010, с. 206]. Упомянутая столбовая яма находилась в центре ряда ям, вытянутого по длинной оси постройки.

На поселении **Усово Озеро** (Донецкая обл., Украина) в некоторых столбовых ямах жилища 10 были найдены фрагменты костей и керамики [Березанская, 1990, с. 28]. С.С. Березанская, рассматривая конструктивные особенности данной постройки, обратила внимание на яму, располагавшуюся к западу от котлована (примерно в 25 см от его края). В этой яме оказался человеческий череп. Автор публикации отнес яму к столбовым, поскольку та «хорошо вписывается в линию столбовых ям, проходящих вдоль северной стены жилища» [Березанская, 1990, с. 28]. Такая интерпретация ямы встретила поддержку у Р.А. Мимохода [1999, с. 177]. На наш взгляд, упомянутый череп действительно мог оказаться в яме вследствие жертвоприношения. Однако доказать, что яма являлась именно столбовой, затруднительно, тем более, что почти все, кроме двух (поселения Тюбьяк и Широкая Балка-II), известные нам следы манипуляций в столбовых ямах срубных построек выявлены внутри котлованов, а не вне их.

В столбовых ямах жилища 11 поселения Усово Озеро были обнаружены фрагменты керамики [Березанская, 1990, с. 29].

По мнению Р.А. Мимохода [1999, с. 175], в одной из столбовых ям жилища 9 этого поселения находилась поврежденная матрица для отливки топоров. Стоит отметить, что в публикации материалов данной постройки говорится о размещении литейной формы «...в небольшом углублении», которое столбовой ямой не названо [Березанская, 1990, с. 27].

На поселении **Ильичевка** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме жилища 6 была найдена костяная проколка [Мимоход, 1999, с. 175]. В столбовой яме хозяйственного помещения 1 этого же поселения выявлена рукоять для закрепления колющего предмета [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Дробышево-К** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме 1 частично исследованной постройки были фрагмент стенки сосуда и осколок кремня. В яме 2 той же постройки присутствовали пять фрагментов стенок сосудов и один фрагмент верхней части сосуда (располагались, в основном, вертикально). Наконец, в яме 5 были обнаружены два фрагмента стенок сосудов [Цимиданов, 2005, с. 254].

На поселении **Николаевка** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме жилища 5 оказался развал миниатюрного сосуда [Привалова, Привалов, 1987, с. 98].

На поселении **Макри-Хая** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме была найдена костяная проколка [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Широкая Балка-II** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме III с внешней стороны у стенки котлована жилища обнаружен баночный сосуд с вдавлениями ниже края венчика [Горбов, Усачук, 1986, с. 22; Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Буйловатая-17** (Донецкая обл., Украина) в небольшой яме, выявленной при исследовании жилища, был обнаружен развал сосуда. Не исключено, что яма являлась столбовой [Колесник и др., 1991, с. 11; рис. 28].

В срубной культуре, помимо случаев, когда культурные остатки были выявлены внутри столбовых ям, зафиксированы и случаи размещения данных остатков вне ям, но в непосредственной близости от них. В частности, на поселении **Горный-1** (Оренбургская обл., Россия) в пределах котлована комплекса 2, к югу от очага, находилась яма 113. В южной ее части в период функционирования комплекса находился столб. В яме было выявлено около 4210 костей животных (преобладали челюсти и ребра коров), 152 фрагмента керамики, кусок шлака и 11 «металлических образцов» [Черных, Лебедева, 2002, с. 107].

На многослойной **Зайчишминской** стоянке (Татарстан, Россия) вокруг трех столбовых ям легкого наземного жилища зафиксировано скопление фрагментов керамики и костей животных, а также – развал баночного сосуда [Казаков, Рафикова, 1999, с. 17].

На поселении **Нижняя Красавка** (Саратовская обл., Россия) в северной части котлована постройки 2 (вблизи дополнительного выхода из нее) вокруг остатков истлевшего столба лежали, образуя полукруг, две нижние челюсти крупного рогатого скота с отделенными резцовыми отделами. Данные челюсти входили в состав скопления артефактов (размер – 3,2x1,5 м), где присутствовали кости животных, в том числе еще одна такая челюсть, компактная группа камней, тупик из нижней челюсти крупного рогатого скота*, фрагменты керамики, растиральник. Согласно автору публикации, данный объект является остатками «домашнего святилища», связанного с культом «углового столба» [Лопатин, 2009, с. 41–42].

В постройке 2 упомянутого выше поселения **Раздолье-1** был исследован не менее интересный комплекс. У юго-восточной стенки котлована находилось, по мнению автора публикации [Гак, 2011], «...место отправления жертвенного культа». Объект представлял собой «культовую площадку», образовавшуюся в результате того, что вокруг уже стоявшего столба был срезан грунт на подовальном участке размерами 2x1,5 м. К западу от столба лежали раздробленные кости бычка (возраст – 10–12 месяцев). В заполнении объекта выявлены также угли, кусочки прокаленного грунта, 17 фрагментов сосудов и кремневый скол. Е.И. Гак [2011, с. 54–56] интерпретировал описанный комплекс как остатки строительного жертвоприношения. Е.Е. Антипиной удалось установить, что на площадку были положены кости без мяса. Некоторые из них были предварительно раздроблены, причем дробление не имело прагматичных целей. Консервация костей произошла очень быстро – их целенаправленно захоронили. Отталкиваясь от своих наблюдений, Е.Е. Антипина [2011, с. 168, 178] делает вывод, что близ столба находились тщательно собранные и похороненные остатки ритуальной трапезы.

На поселении **Сачково озеро** (Самарская обл., Россия) в котловане 1 была исследована яма 6, имевшая размеры 1,4x0,9 м. В восточной части данной ямы были, в свою очередь, две столбовые ямы. На дне ямы 6 зафиксирована охристая прослойка ярко-красного цвета, а рядом с самой ямой обнаружены куски охры. Авторы сделали вполне

---

* В публикации [Лопатин, 2009, с. 41–42] говорится о нижней челюсти лошади. Это ошибка: на рисунке [Лопатин, 2009, с. 50, рис. 4.-3] – левая половина нижней челюсти крупного рогатого скота – типичное сырье для изготовления тупиков [Усачук, 1996]. На ситуацию с тупиками из Нижней Красавки уже обращалось внимание [Подобед и др., 2011, с. 97].

справедливый вывод, что присутствие в комплексе охры «...указывает на возможность отнесения этого места к ритуальным сооружениям» [Васильева и др., 2008, с. 64].

На поселении **Красное-1А** (Тульская обл., Россия) в постройке 2 интересующие нас манипуляции производились уже после того, как она прекратила функционировать. В южном углу, где ранее размещался столб, возник небольшой зольник (диаметр – 0,55 м). В его заполнении, помимо углей и кусочков прокаленного грунта, выявлены фрагменты керамики и мелкие кальцинированные косточки. В нижней части зольника лежал кусок серо-голубой каолиновой глины размерами 10x7 см. Согласно автору раскопок, зольник имел «...ритуальное значение» [Гак, 2011, с. 21–22].

Заслуживают внимания и некоторые комплексы поселения **Усово Озеро**. В жилище 4 около столбовой ямы, размещавшейся у западной стенки, концентрировалось большое количество фрагментов керамики [Березанская, 1990, табл. III]. В жилище 5 вблизи некоторых столбовых ям (локализовались у северо-западной и юго-западной стенок) концентрировались кости животных и фрагменты сосудов. Добавим, что в данном жилище обнаружен «домашний жертвенник», на котором лежали глиняные поделки в виде животных и яиц. Он тяготел к одному из столбов [Березанская, 1990, табл. IV]. На том же поселении в жилище 8 столбовая яма диаметром около 20 см, находившаяся в закругленном юго-восточном углу котлована, локализовалась в северо-восточной части более обширной ямы диаметром около 40 см. При этом в юго-западной части последней обнаружены кости животных [Березанская, 1990, табл. VI]. В жилище 9 вблизи тяготеющей к западному углу котлована ямы концентрировались фрагменты керамики [Березанская, 1990, табл. VII]. Загадочный комплекс был исследован в северном углу этого же котлована. Там, к северо-западу от скопления костей*, размещался, как считает С.С. Березанская [1990], очаг, связанный с металлургическим производством. Объект представлял собой «шапку» золы, сцементированной «какой-то жидкостью». Мощность зольного слоя достигала 45 см. В нем выявлены прослойки ошлакованной глины, а также кости, многие из которых были обожжены. В основании «очага» находились два чашевидных углубления с диаметрами 1,6 и 0,5 м, стенки и дно которых были обожжены, равно как и перемычка между ними. В меньшем углублении обнаружены шлаки, обожженные камни, угли. Поблизости от «очага» выявлены около 20 обломков глиняных матриц, в том числе фрагмент формы для отливки топора. Самое интересное заключается в том, что с двух сторон от упомянутых чашевидных углублений обнаружены столбовые ямы. В их заполнении находились зола, угли, кости животных [Березанская, 1990, с. 27; табл. VII]. Возможно, образование объекта действительно связано с металлургическим процессом. Но разжигание огня вокруг столбов – действие совершенно невероятное. Отсюда следует вывод, что на момент предположительного литья бронзы столбы в данном углу котлована уже отсутствовали. Были ли они извлечены при перестройке жилища или функционирование «очага» происходило в уже заброшенном котловане, установить затруднительно. Тем не менее тяготение «очага» к месту, где ранее стояли столбы, скорее всего, не является случайным. Возможно, мы имеем дело со следами обряда, тождественного тому, который проводился в постройке 2 поселения Красное-1А.

В данной связи следует вернуться к материалам Азии. На поселении **Красный Яр-1** (Новосибирская обл., Россия) в жилище 5, относящемся к *еловской культуре*, на

* В его состав входили череп, ребра, лопатки и кости конечностей быка. Согласно автору публикации, скопление имело «культовое назначение» [Березанская, 1990, с. 27], с чем мы полностью согласны.

материковом выступе, разделявшем камеры постройки, «...непосредственно на пятне столбовой ямы» находилось скопление костей человека. Среди них обнаружена костяная «пуговица». По мнению А.В. Матвеева [1993], данный комплекс связан с культом мертвых. Как полагает автор, кости, «...скорее всего, лежали или висели в мешке, застегивавшемся костяной пуговицей» [Матвеев, 1993, с. 73]. Это предположение трудно доказать, равно как и опровергнуть. Но для нас в данном случае важно то, что кости могли оказаться на выступе материка лишь после того, как был извлечен столб, яму от которого они перекрыли.

Семантическую связь погребений со столбовыми ямами похоже демонстрируют и материалы городища **Чича-1**. Там в ряде жилищ *ирменской культуры* были выявлены погребения младенцев, которые, «...как правило, были вписаны в ряд столбовых ям» [Молодин и др., 2004, с. 286].

Практика обрядовых манипуляций в столбовых ямах, возможно, имела место в *сабашиновской культуре*. В частности, на поселении **Виноградный Сад** (Николаевская обл., Украина) в одной из таких ям были обнаружены кусок гранита и крупный фрагмент кости быка [Фоменко та ін., 2007, с. 407]. По мнению авторов публикации, артефакты подклинивали столб [Фоменко та ін., 2007, с. 407]. Однако, на наш взгляд, нельзя исключать и того, что камень и кость оказались в яме вследствие неутилитарных действий.

Более уверенно можно констатировать существование интересующих нас обрядовых действий в *восточно-тишинецкой культуре*. Так, на поселении **Пустынка** (Черниговская обл., Украина) в столбовой яме 12 жилища 2 были выявлены фрагменты керамики [Березанская, 1974, с. 23]. В столбовой яме 9 северного помещения жилища 6 данного поселения оказались фрагменты глиняных вальков [Березанская, 1974, с. 31]. В столбовой яме 3 (центральной) хозяйственной постройки 1 обнаружены фрагменты керамики [Березанская, 1974, с. 43]. В столбовых ямах хозяйственной постройки 7 находились куски обожженной глины, кости, фрагменты сосудов, пряслице [Березанская, 1974, с. 47]. В столбовых ямах хозяйственной постройки 8 выявлены фрагменты сосудов [Березанская, 1974, с. 48].

Интересны для рассматриваемой темы и материалы *бондарихинской культуры*. На поселении **Бузовка** (Днепропетровская обл., Украина) в столбовой яме жилища был обнаружен фрагмент дерева с застрявшим в нем бронзовым наконечником стрелы [Ромашко, 1995, с. 20]. На поселении **Карьерное** (Луганская обл., Украина) в яме 7 объекта 1 (часть постройки) находились обтесанные куски песчаника. Данная яма располагалась вблизи края постройки и имела диаметр около 20 см [Иваницкий, 2012, с. 159, 165, рис. 2], что делает ее принадлежность к столбовым весьма вероятной.

Р.А. Мимоход [1999] связал существование практики жертвоприношений в столбовых ямах с культом опорного столба жилища. Исследователь со ссылкой на ведическую традицию отметил, что этот столб в «ритуально отмеченные» моменты мог восприниматься как жертвенник, ибо сочетал в себе символику мирового древа и оси мироздания, маркировал «центр мира», отождествлялся с Пурушей. Соответственно, столб мог рассматриваться как объект, близ которого, возможно, было сообщение между тремя сферами космоса [Мимоход, 1999, с. 177]. В связи с данной тематикой нелишне коснуться и некоторых связанных с опорным столбом верований, которые зафиксированы у таджиков. Этот объект в различных регионах этнической территории таджикского народа именуется по-разному («столб приветствий», «царский столб»,

«счастье дома»), но общим является почтительное отношение к нему. Столбу приносят жертвы в дни празднования Навруза и во время похорон, к нему, входя в дом, обращаются с приветствием, от него ожидают помощи во время стихийных бедствий, он рассматривается и как обитель предков [Бабаева, 1993, с. 58–59]. Перечисленные факты свидетельствуют о том, что с опорными столбами коррелировались не только строительные жертвы, но и жертвы, приносившиеся в ходе различных обрядов, которые совершались в уже функционировавшем жилище.

Как установил Р.А. Мимоход [1999, с. 175], чаще всего в столбовых ямах оказывались сосуды, в том числе фрагментированные, и кости животных. Собранные нами материалы показывают аналогичную картину. В частности, *сосуды, а чаще их фрагменты* обнаружены в столбовых ямах, по меньшей мере, 28 построек (с учетом случаев, когда керамические фрагменты находились не в самой яме, но в непосредственной близости от нее) и одного жертвенного комплекса*. Заметим, что практика помещения керамики в столбовые ямы фиксируется на огромной территории и на протяжении значительного временного отрезка. Напомним, что ее демонстрируют, например, памятники срубной, восточно-тшинецкой, лугавской, ирменской и сузгунской культур.

Кости животных выявлены в столбовых ямах или в непосредственной близости от них в 15 постройках и одном жертвенном комплексе. Данный показатель, как мы видим, значительно ниже, чем соответствующий показатель по керамике. Кроме того, практически все учтенные случаи локализации в столбовых ямах костей животных зафиксированы в срубной культуре (кроме двух, известных нам в сабатиновской и восточно-тшинецкой культурах). Очевидно, здесь мы сталкиваемся с «этнографическими» различиями манипуляций, совершавшихся в ямах.

Численное преобладание костей животных и фрагментов керамики в столбовых ямах и вблизи них над другими артефактами, имевшими ту же локализацию, представляется нам весомым аргументом в пользу того, что рассматриваемые артефакты являются в основном следами жертвоприношений. Данные письменных и этнографических источников по самым разным народам свидетельствуют, что, как правило, люди жертвовали представителям высших сил (божествам, предкам и т.д.) пищу и напитки. Это имело место, например, у индоариев [Бэшем, 1977, с. 258], иранских народов, исповадовавших зороастризм [Шишов, 2006, с. 279], индоиранцев Гиндукуша [Йеттмар, 1986, с. 116, 393 и др.], древних греков [Одиссея, XI, 25–28], славян [Боровский, 1982, с. 28; Головацкий, 2004, с. 117], народов Сибири [Токарев, 1986, с. 173; 2003, с. 41], русских нового времени [Криничная, 2011, с. 20–21]. Одной из форм жертвоприношений, которая в прошлом была широко распространена (а в ряде культур дожила и до современности), являлось жертвование скота. В ходе упомянутых обрядов их участники нередко большую часть мяса жертвенных животных съедали сами. Так, например, поступали древние германцы [Афанасьев, 1995а, с. 131], индоарии и иранцы [Бойс, 1987, с. 12], калаши [Йеттмар, 1986, с. 393], айсоры [Эйвазов, 1884, с. 324], осетины [Афанасьев, 2012, с. 123]. Подобные жертвоприношения, когда люди наделяли «адресатов» символическими долями жертвенной пищи, забирая себе долю реальную, известны у народов самых разных уголков Земли [Тайлор, 1989, с. 476]. В свете

* Увы, подсчитать число ям не представляется возможным, ибо в ряде публикаций указано лишь то, что в столбовых ямах данной постройки находились фрагменты керамики, но не уточняется, сколько было таких ям.

всех этих параллелей вполне понятно, почему в столбовых ямах остеологические находки, как правило, представлены лишь разрозненными костями. Очевидно, ситуация с фрагментами керамики аналогична. Содержимое сосудов могло съедаться (выпиваться), а сама посуда затем разбиваться. Практика обрядовой порчи сосудов имела место у многих народов [Цимиданов, 2011б, с. 11–12].

Стоит обратить внимание на один нюанс, касающийся столбовых ям срубной культуры. Похоже, кости животных и керамика редко попадали одновременно в одну яму. Во всех случаях, когда в публикации конкретизируется, какие именно из упомянутых артефактов находились в столбовой яме, там были или кости (Береговское I, постройка V, я. 4; Раздолье-1, постройка 1, Мокрый Чалтырь), или керамика (Береговское I, постройка V, я. 2; Юматовское II, Капитаново-II, Усово Озеро, жилище 11, Дробышево-К, Николаевка, жилище 5, Широкая Балка-II, яма III, Буйловатая-17). Если же кости животных и керамика все-таки коррелировались, то это, как правило, имело место в комплексах, которые в том или ином смысле являлись неординарными. Так, на поселении Мирный яма, где находились и фрагменты керамики, и кости, выявлена в пределах жертвенного комплекса. На Раздолье-1 (постройка 2) вокруг столба была сделана «культовая площадка» [Гак, 2011, с. 55]. Яма из комплекса 2 Горного-1 причислена авторами публикации к группе «сакральных и жертвенных» [Черных, Лебедева, 2002, с. 101]. В постройке 2 Нижней Красавки к столбу примыкало «домашнее святилище». На поселениях Красное-1А (постройка 2) и Усово Озеро (жилище 9) объекты, приуроченные к столбовым ямам, функционировали после того, как столбы были извлечены. В жилище 5 Усова Озера находился домашний жертвенник.

Итак, можно выделить три группы комплексов, приуроченных к столбовым ямам:

- 1) комплексы, где остатками жертвоприношения являлась керамика;
- 2) комплексы, где остатки жертвоприношения были представлены костями животных;
- 3) комплексы, где остатками жертвоприношения являлись и кости животных, и керамика.

Данная проблема заслуживает дальнейшего изучения на материалах более репрезентативной сводки. Пока же стоит отметить, что существование комплексов перечисленных групп вряд ли обусловлено локальными различиями в обрядовых манипуляциях. Это видно, в частности, из того, что на поселении Береговское-I в одной постройке были выявлены как яма с фрагментами костей, так и яма с фрагментами керамики. Скорее всего, различие содержимого ям – следствие того, что люди обращались к разным «адресатам», каждому из которых полагалась специфическая жертва.

Коснемся теперь семантики некоторых из выявленных в ямах некерамических изделий. Но прежде заметим, что в контексте рассматриваемых комплексов (по крайней мере, в некоторых случаях) основную знаковую нагрузку могла иметь яма, а не столб, в которой он был установлен. Делая такое предположение, мы исходим из того, что во многих традициях ямы нередко рассматривались как вход в потусторонний мир [Афанасьев, 1995б, с. 14; Михайлов, 2001, с. 89; Криничная, 2011, с. 9]* или, используя современную терминологию, выступали в качестве потенциального канала связи с

---

* Любопытен в данной связи один эпизод из «Одиссеи». Герой поэмы, попав в царство мертвых, перед тем как вступить в контакт с его обитателями, выкапывает мечом яму для жертвоприношения [Одиссея, XI, 24–26].

этим миром. То, что и население эпохи бронзы могло рассматривать ямы, в том числе столбовые, таким же образом, на наш взгляд, подкрепляют два аргумента:

1. В столбовых ямах жилища 7 поселения Милованово-3 обнаружены сосуды, перевернутые вверх дном. Но перевернутые сосуды, равно как и другие перевернутые предметы, обычно ассоциировались с потусторонним миром и нечистью [Смоляк, 1980, с. 182; Кармышева, 1986, с. 153, 161; Персидские народные сказки, 1987, с. 241; Дынин, 2004, с. 188], о чем одному из нас уже приходилось писать [Цимидапов, 2011а, с. 171].

2. В столбовой яме на поселении Капитаново-I находилась фаланга пальца человека. Но палец, в частности, отчлененный, в некоторых контекстах выступал в качестве медиатора между миром живых и миром мертвых [Цимидапов, 2011а, с. 169–170].

Словом, столбовые ямы вполне могли рассматриваться носителями культур бронзового века в качестве каналов связи с потусторонним миром. Необходимость в контактах с этим миром возникала, в частности, тогда, когда люди хотели получить помощь от его обитателей.

Возвращаясь к вещам из столбовых ям (включая вещи, тяготевающие к данным ямам), отметим, что среди них, помимо костей животных (изредка и человека*) и керамики, присутствуют самые разнообразные предметы. Часть последних можно разделить на несколько блоков:

1. *Колющие орудия* – четыре случая, в том числе *костяные острия* (Вареновка-III, жилище 3), *игла* (Капитаново-II), *проколка* (Ильичевка, жилище 6; Макри-Хая).

2. *Наконечники стрел* – три случая (Атасу-I, землянка 2; Бузовка).

3. *Осколки камня* – четыре случая, в том числе *кремня* (Раздолье-1, постройка 2; Дробышево-К, яма 1; Шибаево-1, яма 18) и *кварцита* (Мирное). Возможно, *обломок каменного орудия*, выявленный в яме из постройки 34 Мосоловского поселения, относится к этому же блоку артефактов.

4. *Орудия, связанные с горным делом и металлургией*, – не менее двух случаев, в том числе «...каменное и костяное изделия, связанные с горно-металлургической деятельностью» (Червонэ Озеро-3, постройка 1, яма 2) и *фрагменты матриц* (Усово Озеро, жилище 9, «очаг» в северном углу). Не исключено, что к этому блоку относятся также *матрица*, лежавшая в «небольшом углублении» в последнем жилище, *молот*, находившийся в сосуде, поставленном в одну из ям постройки 6 Мосоловского поселения, *развал плавильной чаши и фрагмент матрицы*, выявленные в одной из ям постройки 34 этого же поселения.

5. *Пряслица* – два случая (Макаровская Речка; Пустынка, постройка 7).

6. *Гальки* – два или три случая (Алексеевское, землянка 3);

То, что в столбовые ямы относительно часто попадали *колющие предметы***, на наш взгляд, может быть объяснено следующим. Открытие канала связи, т.е. нарушение границы между мирами, считалось крайне опасным для людей, в частности, чреватым наступлением засухи или эпизоотии. Поэтому к числу важных ритуалов относилось

* Упомянув о костях человека в столбовых ямах, обратим внимание на зафиксированный А.Т. Болотовым [1993, с. 392] в конце 1760-х гг. рассказ о ярком случае наведения порчи с помощью человеческой кости, тайно закопанной в столбовую яму при установке новых ворот.

** Возможно, к этому же блоку относится и фрагмент бронзового ножа (?) из ямы 8 землянки 1 Алексеевского поселения.

восстановление данной границы, выпроваживание за пределы «своего» мира представителей «чужого» мира [Байбурин, 1990, с. 12–13]. Именно эту цель и могло преследовать помещение в ямы острых предметов, ибо последние во многих традициях считались способными отворачивать злые силы [Подобед, Цимиданов, 2010, с. 114–115; Подобед и др., 2013, с. 33–34].

Аналогичную функцию могли выполнять и *осколки камня*. Нам уже приходилось писать о том, что кремень, равно как и иные камни, мог использоваться в ритуалах по обновлению нарушенной границы между мирами [Цимиданов, 1995]. Не исключено, что аналогичной была семантика *галек*. Впрочем, применительно к последним правомерно выдвинуть и иное предположение: гальки могли использоваться в обрядах по вызыванию дождя. Данное предположение базируется на этнографических материалах по народам Средней Азии [Короглы, 1976, с. 66–89].

Блокировать канал связи призвана была, вероятно, и мотыга, найденная в столбовой яме на поселении Чесноково-Г*. Выдвигая данное допущение, мы исходим из того, что в эпоху бронзы мотыги, вероятно, использовались в ритуалах создания магических границ [Иванова, Цимиданов, 1998].

Применительно к некоторым из найденных в столбовых ямах предметов возможно дать две диаметрально противоположные трактовки. К таковым относятся, в частности, *пряслища*. Эти изделия являлись деталями веретен, а последние использовались в самых разнообразных обрядах и магических действиях (см., например: [Боряк, Герасимчук, 1990, с. 31–36; Глушкова, 2006, с. 51–52; Авилова, 2010, с. 40–43]). Но, оказываясь в канале связи, веретено (или – символизировавшее его пряслище) прежде всего играло роль медиатора между мирами [Боряк, Герасимчук, 1990, с. 34–35; Полидович, Полидович, 1999, с. 220; Цимиданов, 1999, с. 222]. Роль же медиаторов, как известно, двояка. Они используются как для размыкания канала связи, так и для замыкания его. Отсюда дать однозначную трактовку пряслищам из столбовых ям трудно. Заметим попутно, что не только поселенческие, но и погребальные комплексы порой ярко демонстрируют медиативность пряслищ. Так, в кургане №1 могильника эпохи поздней бронзы Актау (Казахстан) фрагментированное пряслище было выявлено близ разрыва в кромлехе (снаружи) [Баландина, Астафьев, 1996, с. 135].

К «двусмысленным» предметам относятся также *атрибуты металлургов*. У многих народов железного века кузнецы считались посредниками между мирами. Соответственно, их и боялись, и нуждались в их связях с иным миром [Байбурин, 1990, с. 13]. Очевидно, подобные представления были связаны и с металлургами эпохи бронзы. Отсюда их атрибуты могли использоваться как для вступления в контакт с иным миром, так и для замыкания канала связи. Здесь стоит упомянуть любопытный комплекс, применительно к которому трактовку связанным с металлургией артефактам дать все-таки можно. На поселении *трушниковской культуры Мало-Красноярка* (Восточно-Казахстанская обл., Казахстан) постройка, где производилось литье, на определенном этапе была разобрана, после чего столбовые ямы целенаправленно забили шлаком [Черников, 1960, с. 43]. На наш взгляд, целью

---

* По мнению Р.А. Мимохода [1999, с. 176], мотыга находилась в столбовой яме и на поселении Атасу-Г, Казахстан, помещение 2 федоровской культуры. Однако, строго говоря, из текста публикации, на которую ссылается исследователь, не вполне ясно, была ли яма именно столбовой [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 30].

данного действия было стремление заблокировать каналы связи. Данная связь была, вероятно, необходима в период функционирования постройки, но когда литье прекратилось, надобность в ней отпала.

К числу медиативных предметов, выявленных в столбовых ямах, относятся, вероятно, и *наконечники стрел* с поселений Атасу-I и Бузовка. Медиативная функция стрел хорошо известна по данным фольклора и этнографии. В частности, стрела считалась «транспортным средством» для переправы в иной мир [Михайлов, 2005, с. 59; Цимиданов, 2007, с. 25–27]. Кроме того, она являлась символом мировой оси, соединяющей миры [Андреев, Саенко, 1992, с. 189]. Отсюда нельзя исключать того, что стрела из Атасу-I и Бузовки попала в столбовые ямы в ходе обряда по размыканию канала связи. Однако, если мы учтем, что данные орудия, будучи острыми, наделялись функцией отвращать злые силы [Андреев, Саенко, 1992, с. 157], то стрела в столбовой яме, напротив, может быть трактована как предмет, призванный замкнуть канал.

Тупик из нижней челюсти крупного рогатого скота, присутствовавший в размещавшемся близ столба «домашнем святилище» постройки 2 поселения Нижняя Красавка, с некоторой натяжкой можно трактовать как атрибут для размыкания канала связи. Выдвигая такое допущение, мы исходим из того, что в так называемой грабительской шахте кургана Большой Дедуровский Мар (Оренбургская обл., Россия), вырытой носителями вольско-лбищенской культурной группы, тупик коррелировался с артефактами, которые связаны с представлениями о пути в иной мир [Подобед и др., 2011, с. 104, 113–114]. Правда, тупик Нижней Красавки сделан из челюсти животного, а тупик Большого Дедуровского Мара – из тазовой кости. В итоге нет уверенности, что семантика обоих изделий была тождественной, а потому слово «натяжка» в данном случае вполне уместно.

В столбовых ямах и вблизи них, как отмечалось выше, присутствовали и другие изделия: слиток бронзы (Шибаетово-1), «бронзовое украшение» (Алексеевское, землянка 1, я. 8), растиральник (Нижняя Красавка, постройка 2), заготовка костяной втулки (Мокрая Песковатка, постройка 1, я. 23), рукоять орудия (Ильичевка, хозяйственное помещение 1), обтесанные куски песчаника (Карьерное). Для выдвижения каких-либо предположений относительно семантики перечисленных изделий данных пока недостаточно.

Столь же трудно интерпретировать выявленные в столбовых ямах или близ них угли и комки обожженной глины (Чудская гора, жилища 1, 2, 6; Раздолье-1, постройка 2; Красное-1А, постройка 2; Усово Озеро, жилище 9; Пустынка, хозяйственная постройка 8). Ясно лишь то, что упомянутые субстанции связаны с представлениями об огне. То же, возможно, касается и охры (Сачково озеро, котлован 1; Степановка, ЖХК 1, помещение 2). Не исключено, что в данных случаях мы имеем дело со следами каких-то очистительных действий, но для рассмотрения этой проблемы археологических материалов пока недостаточно.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. В ряде культур эпохи бронзы, особенно срубной, практиковались различные манипуляции, связанные со столбовыми ямами.

2. Часть приуроченных к столбовым ямам находок, но далеко не все, правомерно трактовать как следы строительных жертвоприношений, совершавшихся в ходе возведения постройки. К таковым относятся прежде всего кости животных и керамика, выявленные в ямах.

3. Некерамические изделия и камни, находившиеся в ямах, скорее всего, связаны с обрядами по установлению контактов с иным миром, в одних случаях, или блокированием канала связи с этим миром – в других.

4. В период функционирования построек в них могли совершаться обряды, в контексте которых важную роль играли столбы. Следы таких обрядов – кости и керамика, выявленные вне столбовых ям, но вблизи них, в том числе на специально подготовленных площадках. Учитывая, что столбы (а также и другие вертикально размещающиеся объекты) у многих народов воспринимались как символ связи миров [Терлецкий, 2009, с. 184], можно допустить, что данные обряды преследовали цель заручиться поддержкой высших существ, когда в том возникала необходимость.

5. Даже после того, как столбы извлекались из ям, на местах их прежнего расположения порой производились определенные обрядовые действия, смысл которых, впрочем, выяснить пока трудно.

В заключение отметим, что столбовые ямы, в которых присутствовали различные артефакты, все еще привлекают незаслуженно мало внимания. Авторы выражают надежду, что их статья, как и работа Р.А. Мимохода [1999], будет способствовать росту интереса к подобным комплексам.

Библиографический список

Андреев В.Н., Саенко В.Н. О семантике стрел в скифском погребальном обряде // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1992. Т. III. С. 157–162.

Антипина Е.Е. Археозоологические коллекции из поселений эпохи поздней бронзы на территории Тульской области // Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. С. 166–201.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Современный писатель, 1995а. Т. 2. 400 с.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Современный писатель, 1995б. Т. 3. 416 с.

Афанасьев Г.Е. Спорные вопросы о методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // Российская археология. 2012. №2. С. 113–126.

Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX в.). Душанбе: Дониш, 1993. 156 с.

Баландина Г., Астафьев А. Опыт реконструкции и интерпретации погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актауского могильника // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара: Диалог, 1996. Вып. 1. С. 133–155.

Березанская С.С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев: Наукова думка, 1974. 176 с.

Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 150 с.

Бобров В.В. Жилища лугавской культуры в Ачинско-Мариинской лесостепи // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. Барнаул, 1993. С. 118–132.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1987. 304 с.

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3 т. Т. 2: 1760–1771. М.: ТЕРРА, 1993. 544 с.

Боровский Я.Е. Мифологический мир древних киевлян. Киев: Наукова думка, 1982. 104 с.

Боряк О.О., Герасимчук О.В. Веретено та пряслиця у слов'янській міфологічній традиції // Народна творчість та етнографія. 1990. №1. С. 30–36.

Бровендер Ю.М. Поселение Червонэ Озеро-3 донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы // Донецкий археологический сборник. 2009/2010. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2010. № 13/14. С. 203–221.

- Бровендер Ю.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск, 2012. 236 с.
- Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М.: Наука, 1977. 616 с.
- Васильев Ю.М. Мемориальные погребения (кенотафы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Издательский дом «Наука», 2003. С. 39–42.
- Васильева И.Н., Козин Е.В., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Поселение Сачково Озеро // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 58–102.
- Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. 224 с.
- Глушкова Т.Н. История изучения древнего плетения и ткачества в отечественной археологии. Сургут: РИО СурГПУ, 2006. 96 с.
- Головацкий Ю.Ф. Виклади давньослов'янських легенд, або міфологія // Українські традиції. Харків, 2004. С. 87–127.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н. Отчет о работе Новоазовской экспедиции в 1986 г. // Научный архив ИА НАН Украины, 1986/46.
- Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в Лесостепном Приуралье. Куйбышев: КГПИ, 1989. 135 с.
- Дынин В.И. «Перевернутый мир» русских народных верований // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. Вып. 10. С. 175–193.
- Иваницкий В.Р. Поселение бондарихинской культуры Карьерное в среднем течении Северского Донца // Донецкий археологічний збірник. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2012. №16. С. 158–176.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В. Ямные погребения с мотыгами в Северо-Западном Причерноморье // Доба бронзи Доно-Донецького регіону. Київ; Вороніж, 1998. С. 40–42.
- Изотова М.А. Поселение эпохи поздней бронзы Макаровская Речка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 154–172.
- Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. Альметьевск, 1999. 120 с.
- Кармышева Б.Х. Архаические символы в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 139–181.
- Колесник А.В., Горбов В.Н., Усачук А.Н., Подобед В.А. Отчет о работах экспедиции Донецкого областного краеведческого музея и областной организации Общества охраны памятников в 1991 г. // Научный архив ИА НАН Украины, 1991/165.
- Короглы Х. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976. 240 с.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник: Труды ГИМ. М., 1948. Вып. XVII. С. 57–164.
- Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 632 с.
- Лопатин В.А. Поселения // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье / САИ. Вып. В1-10. Саратов, 1993. С. 66–87.
- Лопатин В.А. Песковатское поселение и могильник срубной культуры (к вопросу о «комплексах памятников») // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. I. С. 411–413.
- Лопатин В.А. Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 38–51.
- Лопатин В.А., Миронов В.Г. Работы Заволжского отряда // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 154–156.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И. Родовой некрополь Песковатского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 107–131.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 181 с.

Мимоход Р.А. Строительные жертвоприношения в жилищах со столбовой конструкцией на поселениях срубной культуры // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. Запорожье, 1999. С. 175–181.

Михайлов Ю.И. Мироззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенекс Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с.

Нелин Д.В. Шибаево-1: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1: Исторические науки. 2004. №2. С. 150–180.

Новикова О.И., Шнеевайсс Й. Контекст местонахождения сосудов как свидетельство обрядовых действий (по материалам поселения Чича-1) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 109–111.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: Изд-во Баш. гос. пед. ун-та, 2001. 159 с.

Персидские народные сказки. М.: Наука, 1987. 504 с.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Фаворит, 2011. Вып. 12. С. 86–124.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. №5(17). С. 23–44.

Подобед В.А., Цимиданов В.В. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецкий археологический збірник. 2009–2100. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2010. №13/14. С. 98–120.

Полидович Ю.Б., Полидович Е.А. Прядение и качество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 109. С. 217–223.

Потапов В.В. Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка-III в Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Азов, 2002. Вып. 18. С. 70–94.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995. 207 с.

Привалова О.Я., Привалов А.И. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 94–107.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. Кн. первая. 106 с.

Раззоков Ф.А. Новые исследования поселения Саразм в Таджикистане // Записки Института истории материальной культуры. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНОВ, 2012. №7. С. 56–65.

Ромашко В.А. Поздний бронзовый век в пограничье Лесостепи и Степи Левобережной Украины (XII–X вв. до н.э.). Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 1995. 92 с.

Сидоров В.А., Новикова О.И. Неопубликованные материалы поселения Милованово-3 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 104–124.

Смоляк А.В. Ульчи // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. С. 182–187.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.

Терлецкий Н.С. Некоторые представления о посохе у населения Центральной Азии // Иран-Наме. 2009. №4(12). С. 184–192.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1986. 576 с.

Усачук А.Н. К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 66–71.

Хоменко В.М., Товкайло М.Т., Трубх О.О. Дослідження Миколаївської експедиції на Південному Бузі // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. Київ; Запоріжжя: Дике поле, 2007. С. 405–408.

Цимиданов В.В. Веретено в обрядах населення срубної культури // Текстиль епохи бронзи Євразійських степей. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 109. С. 224–227.

Цимиданов В.В. Раскопки поселения бронзового века у пос. Дробышево (Среднее Подонцовье) // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Слов'янськ: Печатный двор, 2005. С. 252–271.

Цимиданов В.В. Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск сходжений // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2007. Вып. 1(40). С. 17–36.

Цимиданов В.В. Культурно-хронологическая интерпретация погребений энеолита – эпохи бронзы кургана «Розкопана Могила» (Донбасс) // Археологический альманах. Донецк, 2011а. №25. С. 156–179.

Цимиданов В.В. Сны и происхождение некоторых представлений о потустороннем мире // Літопис Донбасу. Донецьк, 2011б. №19. С. 10–35.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. №88. 272 с.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. Поздняя фаза: комплекс №2 // Каргалы. Т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 92–109.

Шишов А. Таджики: (этнографическое исследование). Алматы, 2006. 392 с.

Эйвазов П. Некоторые сведения о селе Койласар и об Айсорак // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. четвертый. Отдел первый. С. 284–326.

V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov
MANIPULATIONS IN POLE PITS
(Bronze Age cultures of Asia and Eastern Europe)

The authors refer to the materials of the settlements of various cultures of the late Bronze Age in order to investigate diverse manipulations in the pole pits. Analyzing the available material the authors have come to the conclusion, that some of the findings connected with the pole pits should be interpreted as the traces of sacrifices offered in the course of the construction of the pits. The other findings are associated with the rites of establishing/blocking the contacts with the other world. These rituals, where the use of poles was meaningful, would have been performed in the pits during their life-cycle. Even after the poles had been removed from the pits, some ritual actions were occasionally performed in these places, though the significance of the rituals is not clear yet. The authors hope that their work will contribute to considerable interest in such complexes as the pole pits along with the various objects found there, since not much attention has been paid to the subject.

Keywords: pole pits, the Bronze Age, poles, rituals.

УДК 902(51)

А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КИТАЙСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

При исследовании погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии обнаружены металлические зеркала, монеты, шелковые изделия и предметы с лаковым покрытием, которые были изготовлены в ремесленных мастерских Китая. Эти находки являются важными элементами материальной культуры кочевников. Они демонстрируют результаты военно-политических, торговых и других контактов номадов с населением южных оседло-земледельческих центров. Имеющиеся письменные свидетельства не позволяют решать весь комплекс проблем, связанный с интерпретацией импортных изделий, которые найдены в рассматриваемых археологических объектах. Зафиксированные при раскопках материалы существенно расширяют возможности реконструкции многих сторон жизнедеятельности кочевых объединений, а также позволяют отразить мировоззренческие представления отдельных групп скотоводов. Китайские изделия фиксируются в памятниках тюрок со 2-й половины VI в. н.э., когда была создана одна из крупнейших кочевых империй – Первый (Великий) Тюркский каганат. В статье отражена выявленная авторами источниковая база средневекового китайского импорта, сформированная в таблицы по каждой обозначенной категории находок. Два металлических зеркала изучались с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра. Часть предметов демонстрируется на иллюстрациях. Рассмотрены особенности использования китайских изделий в обрядовой практике раннесредневековых номадов. Имеются перспективы дальнейших исследований по обозначенным направлениям с привлечением большего количества материалов.

Ключевые слова: Центральная Азия, раннее средневековье, тюркская культура, Китай, археологические памятники, импорт, ремесленные изделия, монеты, металлические зеркала, шелк, китайский лак, мировоззрение, рентгенофлуоресцентный анализ.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-03

Введение

Контакты кочевников Центральной Азии с Китаем фиксируются с древности. Они не прекращались и в эпоху средневековья. Одним из показателей различного рода отношений стало появление в предметном комплексе номадов рассматриваемого региона предметов, произведенных в ремесленных центрах Поднебесной империи. Наибольшее распространение в памятниках кочевников получили металлические зеркала и монеты, а также шелковые вещи и изделия, покрытые лаком. Такие находки представляют значительный интерес для исследователей по нескольким причинам. Специфика распространения данных предметов отражает направления, характер и степень интенсивности контактов номадов с оседлым населением средневекового Китая, а также является показателем существования торговых путей в различные исторические периоды. Обнаруженные в археологических памятниках изделия из Поднебесной империи нередко становятся важными маркерами для уточнения датировки исследованных комплексов Центральной Азии. Фиксируемые особенности использования китайских вещей кочевниками демонстрируют место этих предметов в быту и в ритуальной практике, отражая социальную дифференциацию и некоторые стороны мировоззрения скотоводов обширной территории. Эти важные факторы определяют необходимость специального изучения китайских изделий из археологических памятников Централь-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

ной Азии. Однако в ходе такой работы возникает целый ряд затруднений различного характера. Одним из существенных обстоятельств является качество издания результатов раскопок прошлых лет. Полноценное исследование китайских вещей требует непосредственного их рассмотрения «вживую», что не всегда возможно. Поэтому в большинстве случаев археологи вынуждены работать с публикациями материалов, которые далеко не всегда представляют важные находки в полной мере. Другая проблема – недостаток специальной литературы и ограниченный круг работ, посвященных целенаправленному изучению древних и средневековых предметов китайского импорта. Это серьезным образом усложняет атрибуцию находок и возможность их использования для реконструкции различных сторон истории кочевников Центральной Азии.

Безусловно, что часть затруднений, в том числе обозначенного плана, могла быть устранена при условии доступа отечественных археологов к китайской научной литературе и источникам. На это указывает даже поверхностное знакомство с многочисленными трудами. Вместе с тем имеются основания для утверждения того, что и китайскими коллегами решены далеко не все вопросы. В частности, в их исследованиях практически не рассмотрены особенности распространения китайских изделий за пределами Поднебесной империи, в среде кочевников Центральной и Северной Азии. Одним из наиболее показательных периодов в этом плане является раннее средневековье, когда культурные, торговые и политические контакты кочевников и оседло-земледельческих центров были весьма разноплановыми и интенсивными. В настоящей статье представлена общая характеристика распространения предметов китайского импорта в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Центральной Азии, определена значимость этих находок в качестве хронологических маркеров, а также сделаны наблюдения по поводу места привозных вещей в обрядовой практике кочевников.

Источниковой базой исследования стали материалы раскопок более 350 погребальных памятников тюркской археологической культуры на территории Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Монголии, Казахстана и Кыргызстана. Случайные находки из музейных коллекций в данной работе привлекались только в качестве аналогий, так как для решения многих поставленных вопросов был важен контекст обнаружения изделий в конкретном захоронении. Общая датировка рассматриваемых памятников определяется в рамках 2-й половины V – XI в. н.э.

В ходе исследования использовались результаты, полученные отечественными археологами при рассмотрении как общих, так и частных аспектов распространения китайских изделий в памятниках кочевников Центральной Азии [Богданова-Березовская, 1975; Лубо-Лесниченко, 1975, 1994; Хаславская, 2000; Кубарев, 2005, с. 30–31; и др.]. Некоторые вопросы в рамках этой тематики представлялись ранее в публикациях авторов настоящей статьи [Тишкин, 2007, 2008; Серегин, 2007, 2008а–б, 2012; Тишкин, Серегин, 2011а–б; и др.]. Далее они представлены в значительно дополненном и переработанном виде. Надеемся, что изложенные результаты исследования будут интересны китайским, монгольским и другим зарубежным коллегам.

Монеты

Монеты традиционно рассматриваются как достаточно показательные хронологические маркеры. В случае их обнаружения у исследователя при наличии нумизматического определения появляется возможность относительного уточнения времени создания раскопанного комплекса. Существенными датирующими характеристиками

обладают китайские монеты, для которых в большинстве случаев установлены дата выпуска и хронологический период, на протяжении которого производилась отливка. Поэтому вполне закономерно, что их обнаружение привлекает повышенное внимание археологов.

В погребальных комплексах тюркской культуры Алтае-Саянской горной страны и Монголии китайские монеты являются редкой находкой (рис. 1; табл. 1). По нашим данным, такие изделия обнаружены в четырех захоронениях раннесредневековых кочевников Тувы, в двух памятниках Алтая, в двух погребениях Минусинской котловины и в одном объекте, исследованном на территории Монголии. Чаще всего в могиле находилась одна монета. Наибольшее количество указанных изделий зафиксировано в захоронении знатной тюркской женщины в Монголии – 7 экз. [Евтюхова, 1957, рис. 8].

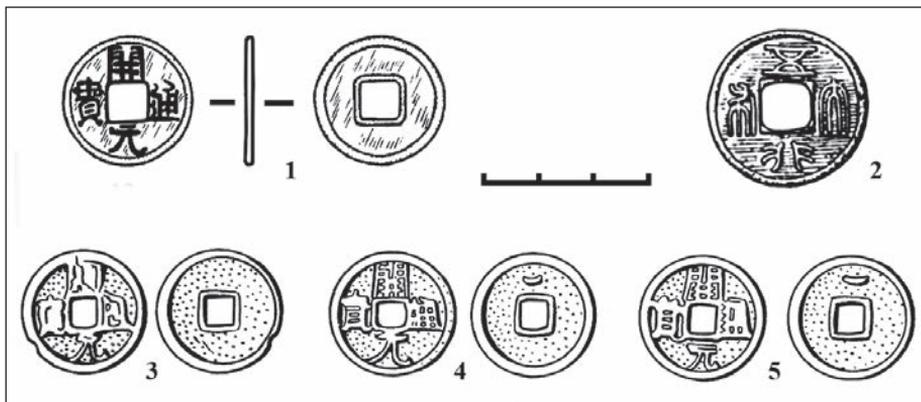

Рис. 1. Монеты из погребений раннесредневековых тюрков Центральной Азии: 1 – Юстыд-I, курган №8 (по: [Кубарев, 2005, табл. 18.-12]); 2 – Кудыргэ, мог. 15 (по: [Гаврилова, 1965, табл. XXI.-2]); 3–5 – Сабинка-I, курган №2, мог. 3 (по: [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, рис. 9.-1])

Таблица 1

Китайские монеты из погребений тюркской культуры на территории Алтае-Саянской горной страны и Монголии

№	Название памятника	Количество монет	Датировка автора публикации	Публикация
1	Аймырлыг-V-1	1	–	Овчинникова, 1982, рис. 3.-1
2	Аймырлыг-V-5	1	–	Овчинникова, 2004, рис. 8.-11
3	Бай-Тайга-59-1	1	713–741	Грач, 1966, рис. 22
4	Джаргаланты, к. 2	7	IX в.	Евтюхова, 1957, рис. 8
5	Капчалы-II, к. 19	1	середина IX в.	Евтюхова, 1948, рис. 116
6	Кудыргэ, к. 15	1	575–577	Гаврилова, 1965, табл. XXI.-2
7	Монгун-Тайга-58-IV	1	713–741	Грач, 1960, рис. 78
8	Сабинка-I, к. 2, м. 3	3	621–659	Савинов и др., 1988, рис. 9.-1
9	Юстыд-I, к. 8	1	621–760	Кубарев, 2005, рис. 16.-8

В погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии практически не найдено монет, относящихся к дотанскому времени. Известно, что в конце I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. за пределами Поднебесной империи наибольшее распространение получили монеты «у-шу» («у-чжу»), выпуск которых осуществлялся с 118 г. до н.э. вплоть до 581 г. н.э., а обращение на территории Китая длилось до 621 г. [Кляшторный, 2006, с. 115]. Такие изделия достаточно часто встречаются в памятниках Забайкалья и Монголии [Миняев, 2001; Ковалев и др., 2011], где известны также в качестве случайных находок [Тишкин, Мунхбаяр, Серегин, 2009, с. 336]. Значительно реже они обнаруживаются на территории Южной Сибири [Длужневская, Савинов, 2007, с. 64] и получили определенное распространение в среде раннесредневековых кочевников. Находки монет «у-шу» зафиксированы в археологических объектах середины – 2-й половины I тыс. н.э. Лесостепного Алтая, Новосибирского Приобья, Кузнецкой котловины, Монголии [Троицкая, Новиков, 1998, с. 30; Масумото, 2001; Илюшин, 2005, с. 171; Кляшторный, 2006; Кузнецов, 2007; и др.]. Кроме того, монеты такого типа известны в коллекциях Минусинского музея [Лубо-Лесниченко, 1975]. В памятниках же раннесредневековых тюрок Центральной Азии экземпляры «у-шу» пока не обнаружены.

Монеты, относящиеся к периоду существования на территории Китая Южных и Северных династий (IV–VI вв.), являются наименее изученными в русскоязычной нумизматической литературе [Быков, 1969, с. 15–16]. По всей видимости, именно к подобным экземплярам относится находка из могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, табл. XXI.-2] (рис. 1.-2; 2.-6). Первоначально монета была датирована 26 г. до н.э. – 220 г. н.э. [Киселев, 1951, с. 467; Гаврилова, 1965, с. 43], но впоследствии ее хронология была уточнена. При публикации материалов некрополя рассматриваемая находка отнесена, со ссылкой на определение известного специалиста А.А. Быкова (однако без представления оснований для такой атрибуции), к 575–577 гг. [Гаврилова, 1965, с. 43]. Экземпляр из Кудыргэ не относится к «у-шу». Монеты указанного типа в целом достаточно единообразны [Камышев, 1999, с. 59], хотя китайские специалисты выделяют значительное количество их вариантов [Чжунго гу цянъши, 2001; Кляшторный, 2006, с. 115]. Судя по всему, рассматриваемая находка из Кудэргэ представляет собой один из экземпляров, отлитых в последние годы существования Северной Ци (550–577). Безусловно, что в данном случае все вопросы будут сняты при получении четкого и подробного определения специалиста-нумизмата. Особенно это важно в связи с тем, что монета из могильника Кудыргэ рассматривается многими археологами как важный показатель не только для уточнения датировки памятника, но и для определения хронологических рамок кудыргинского этапа тюркской культуры [Азбелев, 2000, с. 5; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 206; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 10; и др.].

Все остальные китайские монеты из погребений тюркской культуры Центральной Азии относятся к танскому времени. В 621 г. был осуществлен первый выпуск монет «кайюань тунбао», ставших самыми долговечными в истории Поднебесной империи и получивших наибольшее распространение за ее пределами. При этом, помимо находок оригинальных изделий, фиксируются многочисленные подделки и подражания, что также является показателем их «популярности» [Воробьев, 1963, с. 63; Зеймаль, 1999, с. 192–206].

Рис. 2. Импортные изделия из погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии: 1 – Джаргаланты, курган №2 (по: [Евтюхова, 1957, рис. 4.-1]); 2 – Юстыд-ХIV, курган №2 (по: [Кубарев, 2005, рис. 16, цв. вклейка]); 3 – Шибе-II, курган №18 (по: [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIV.-2]); 4 – Шибе-II, курган №3 (по: [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII.-1]); 5, 8 – Юстыд-XXIV, курган №13 (по: [Кубарев, 2005, рис. 34, цв. вклейка]); 6 – Кудыргэ, мог. 15 (по: [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 11]); 7 – Юстыд-I, курган №8 (по: [Кубарев, 2005, рис. 28, цв. вклейка]); 9 – Туэкта, курган №3 (по: [Киселев, 1949, табл. LI]). Без масштаба

Монеты «кайюань тунбао», обнаруженные в ходе исследования погребальных комплексов раннесредневековых тюрок, судя по имеющимся определениям, относятся к различным выпускам. Наиболее ранние экземпляры, встреченные при раскопках могильника Сабинка-I в Минусинской котловине, датированы 621–659 гг. [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 100] (рис. 1.-3–5). Достаточно точно определен период выпуска монет «кайюань тунбао» из памятников тюркской культуры Тувы. В погребениях могильников Мойгун-Тайга и Бай-Тайга, судя по описаниям автора раскопок, были обнаружены совершенно одинаковые экземпляры. А.Д. Грач [1960, с. 62; 1966, с. 107], сославшись на определение А.И. Мухлинова, отнес находки к 713–741 гг. (время одного из девизов правления императора Танской династии Сюань-цзуна). Опираясь на схему определения выпуска китайских монет, представленную в работах М.В. Воробьева [1963], Г.В. Кубарев [2005, с. 138] определил отливку экземпляра «кайюань тунбао» из могильника Юстыд-I (рис. 1.-1; 2.-7) 621–760 гг. Отметим, что данная датировка получила подтверждение и в других материалах этого раннесредневекового некрополя.

В остальных случаях время выпуска китайских монет из погребальных комплексов тюркской культуры не определялось либо обозначалось в широких рамках, не позволяющих уточнить хронологию памятника.

Длительный период бытования и многочисленные выпуски китайских монет ограничивают возможности их использования для уточнения датировки археологического комплекса. Ярким примером такой ситуации является сосуществование в кладках монет «у-шу», «кайюань тунбао» и экземпляров, выпущенных в начале II тыс. [Камышев, 1999]. С другой стороны, определение даже общей хронологии находки может иметь большое значение при отсутствии других датирующих материалов, а также в случае длительного времени существования предметов, обнаруженных в археологическом комплексе.

Обратим внимание на то, что возможность установления точной даты или периода выпуска китайских монет напрямую зависит от ряда условий. Определение хронологии рассматриваемых изделий основывается, в первую очередь, на анализе их внешних признаков, поэтому большое значение имеет качество публикации. К примеру, рисунки находок из памятников тюркской культуры, за редким исключением, включают только изображение аверса монеты, тогда как порой датирующими являются знаки на обратной стороне. Не менее важно подробное описание, в том числе приведение метрических показателей, которые также отражают принадлежность экземпляра к определенному типу монет. Кроме того, на сегодняшний день актуальным остается изучение результатов работ китайских специалистов, которые, если и известны отечественным нумизматам, то археологами пока не привлекаются. В целом можно утверждать, что в настоящее время датирующие возможности китайских монет реализуются далеко не в полной мере. Продолжение специального изучения подобных изделий, зафиксированных при изучении памятников кочевников, представляется весьма перспективным. При этом важными могут стать и данные поэлементного состава сплава, из которого сделана каждая монета.

Итак, китайские монеты достаточно редко встречаются в памятниках тюркской культуры Южной Сибири и Монголии. Бытование таких предметов в среде кочевников если и было связано с использованием их как эквивалента стоимости [Щербак, 1960],

то, безусловно, только этим не ограничивалось. Не лишенным оснований представляется утверждение о том, что китайские монеты могли носиться как амулеты [Басова, Кузнецов, 2005, с. 135]. Свидетельством изменения первоначальных функций изделий можно считать благожелательные надписи, нанесенные на отдельных экземплярах [Добродомов, 1980; Кляшторный, 2006, с. 117; и др.]. Кроме того, существует предположение, что китайские монеты использовались для украшения одежды в качестве нашивных блях, являлись частью ожерелий, подвесок, входили в состав наборного пояса и т.д. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 30; Камышев, 1999, с. 59; Масумото, 2001, с. 52; Филиппова, 2005, с. 15; и др.]. С другой стороны, во всех случаях, когда определено расположение рассматриваемых изделий в могилах раннесредневековых тюрок Алтае-Саянской горной страны и Монголии, они находились в районе пояса умершего человека. Вероятно, данная ситуация отражает ношение монет в поясной сумочке, остатки которой сохранились в некоторых погребениях [Овчинникова, 1982, с. 213; Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 96]. Только в одном захоронении такая находка была помещена в районе головы погребенного [Евтюхова, 1957, с. 212]. Отметим, что основной характеристикой распространения рассматриваемых изделий, помимо их редкости, является то, что они зафиксированы почти всегда, за единственным исключением, в погребениях мужчин.

Зеркала

Металлические зеркала также являются достаточно редкими находками в памятниках тюркской культуры (рис. 3). Проведенный анализ доступных материалов раскопок позволил выявить всего 19 экз., обнаруженных в захоронениях раннесредневековых кочевников Алтая (11), Тувы (6) и Монголии (2) (табл. 2). Большая их часть (12 предметов) представлена целыми зеркалами, остальные изделия найдены в виде фрагментов.

В погребальных комплексах раннесредневековых тюрок обнаружены металлические зеркала нескольких типов. Особенности их оформления указывают на китайское происхождение большинства изделий либо на случаи копирования таких образцов*. Хронология зеркал различна, но все они обнаружены в памятниках, относящихся ко 2-й половине VII – XI в. н.э.

К одному из наиболее распространенных типов изделий из Поднебесной империи относятся экземпляры из памятников Юстыд-XIV [Кубарев, 2005, табл. 46.-4] (рис. 2.-2; 3.-1), Мойгун-Тайга [Грач, 1958, рис. 8, 9] (рис. 3.-5), Джаргалынты [Евтюхова, 1957, рис. 3] и, вероятно, Даг-Аразы-II [Овчинникова, 1990, рис. 33.-17] (рис. 3.-8). Это зеркала округлой формы с центральной шишкой-петлей, вокруг которой помещены загадочные животные в зарослях винограда. По поводу этих изображений «диких животных на указанных и подобных экземплярах имеется несколько интерпретаций [Стратанович, 1961, с. 62; Лубо-Лесниченко, 1975, с. 18, 44–45; Масумото, 2005, с. 296; и др.]. Важными являются заключения Г.Г. Стратановича [1961, с. 62], который специально исследовал эту проблему. В результате оказалось, что такой сюжет был широко распространен от Средней Азии до Вьетнама, а его истоки «... лежат в южно-китайском и вьетнамском вполне реалистичном образе: «ихневмоны на лозах винограда» [Тишкин, Серегин, 2011, с. 20].

* Редкое исключение, судя по всему, представляют находки из памятников Ак-Кобы-III [Кубарев, 2005, табл. 95.-3] и Катанда-II [Гаврилова, 1965, рис. 7.-6]. Этим зеркалам не найдено аналогий в пределах китайского импорта. Не исключено, что изделия происходили с территории Средней Азии.

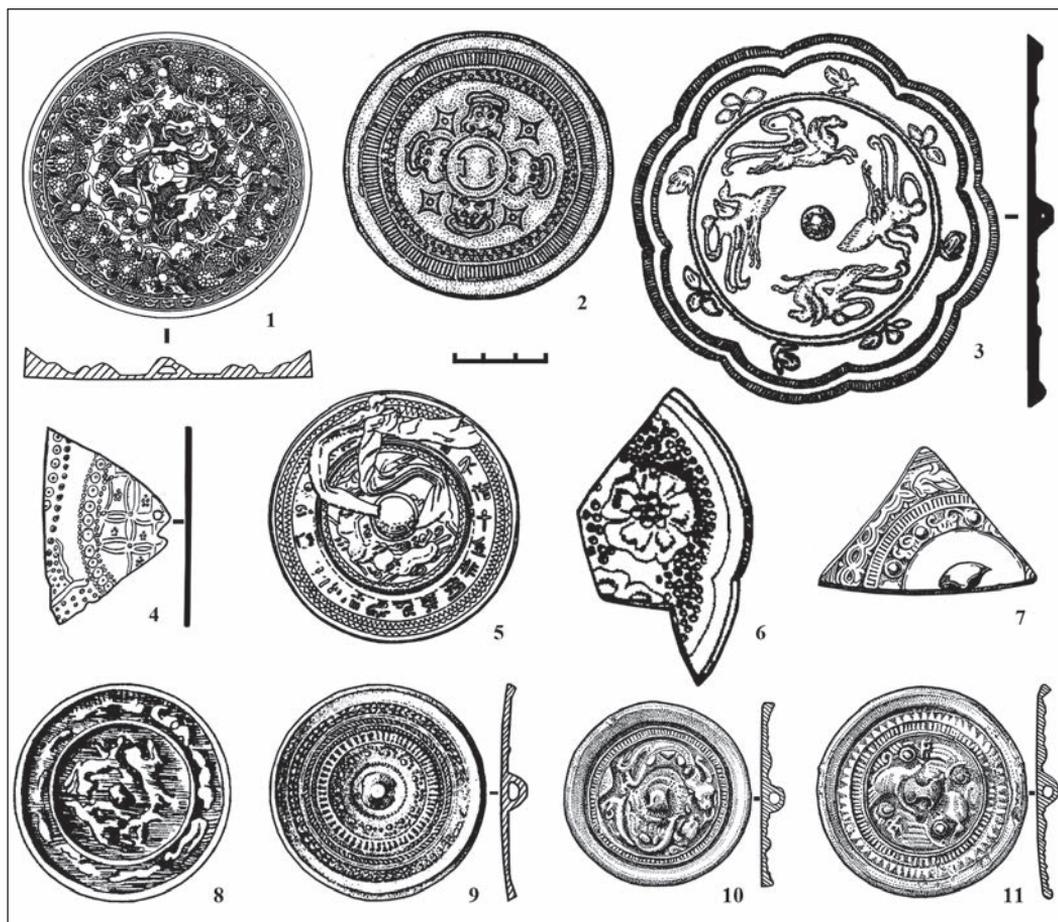

Рис. 3. Металлические зеркала из погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии: 1 – Юстыд-ХIV, курган №2 (по: [Кубарев, 2005, табл. 46.-4]); 2 – Улуг-Бюк, курган №1 (по: [Длужневская, 2000, рис. IV.-7]); 3 – Курота-II, курган №46 (по: [Суразаков, 1990, рис. 22.-1]); 4 – Каменный Лог (по: [Соенов и др., 2002, рис. 1.-13]); 5 – Монгун-Тайга-57-XXVI (по: [Kenk, 1982, abb. 9.-2]); 6 – Саглы-Бажи, курган №19 (по: [Грач, 1968, рис. 50.-5]); 7 – Курай-III, курган №2 (по: [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 34]); 8 – Даг-Аразы-II-6 (по: [Овчинникова, 1990, рис. 33.-17]); 9 – Бертек-34 (по: [Савинов, 1994, рис. 107.-3]); 10 – Шибе-II, курган №3 (по: [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII.-3]); 11 – Шибе-II, курган №18 (по: [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIV.-4])

Имеются некоторые нюансы в оформлении рассматриваемых зеркал. Внутреннее орнаментальное поле у двух экземпляров (см., например, рис. 2.-1; 3.-1) отделено валиком в виде виноградной лозы, а во внешнем – изображены иволги среди виноградных побегов. Внешнее поле другого изделия, отделенное ободком, заполнено китайской надписью, перевод которой стал предметом внимания ряда исследователей [Итс, 1958; Лубо-Лесниченко, 1975; и др.] (рис. 3.-5). Для всех обозначенных зеркал характерен высокий бортик, обрамленный лентой из стилизованных пальметок или поясом

из треугольников и горизонтальных линий. Изделия такого типа имеют многочислен-
ные аналогии на обширных территориях [Распопова, 1972, рис. 2; Лубо-Лесниченко,
1975, рис. 15–20; Грушин, Тишкин, 2004, рис. 1.-1; Молодин, Соловьев, 2004, рис. XIV,
табл. XVIII.-43; и др.] и датируются VII–IX вв. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 18].

Таблица 2

Металлические зеркала из памятников тюркской культуры
Алтае-Саянской горной страны и Монголии

№	Памятник	Вид зеркала	Публикация
1	Ак-Кобы-III, к. 2	Целое	Кубарев, 2005, табл. 95.-3
2	Аймырлыг-ХIII-1	Целое	Овчинникова, 2004, рис. 11-3
3	Бертек-34	Целое	Савинов, 1994, рис. 107.-3
4	Даг-Аразы-II-6	Целое	Овчинникова, 1990, рис 33.-17
5	Джаргалынты, к. 2	Целое	Евтюхова, 1957, рис. 3
6	Каменный Лог	Фрагмент	Соенов и др., 2002, рис. 1.-13
7	Катанда-II, к. 5	Фрагмент	Гаврилова, 1965, рис. 7.-6
8	Курай-III, к. 2	Фрагмент	Евтюхова, Киселев, 1941, рис 29.-34
9	Курота-II, к. 46	Целое	Суразаков, 1990, рис 22.-1
10	Монгун-Тайга-57-XXVI	Целое	Грач, 1958, рис. 8, 9
11	Наинтэ-Сумэ	Фрагмент	Боровка, 1927, табл. IV.-1
12	Саглы-Бажи-I, к. 19	Фрагмент	Грач, 1968, рис. 50.-5
13	Узунтал-VI, к. 1	Целое	Савинов, 1982, рис. 11
14	Узунтал-VIII, к. 1	Фрагмент	Савинов, 1982, рис. 5.-9
15	Улуг-Бюк-II, к. 1	Целое	Длужневская, 2000, рис. IV.-7
16	Черби, к. Б-18	Фрагмент	Вайнштейн, 1958, с. 218
17	Шибе-I, к. 3	Целое	Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII
18	Шибе-I, к. 18	Целое	Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIV
19	Юстыд-XIV, к. 2	Целое	Кубарев, 2005, табл. 46.-4

По заключению Е.И. Лубо-Лесниченко, к танскому времени относится находка из
могильника Улуг-Бюк в Туве [Длужневская, 2000, с. 182, рис. IV.-7] (рис. 3.-2). Орна-
мент круглого зеркала представлен симметрично расположенными изображениями че-
тырех голов животных и ромбов между ними. Е.И. Лубо-Лесниченко отметил, что на-
ходка не имеет аналогий, но может быть датирована концом VII – 1-й половиной VIII в.

Более очевидным является определение восьмилопастных зеркал, получивших
широкое распространение за пределами Поднебесной империи. Среди находок из па-
мятников тюркской культуры известно два таких экземпляра [Грач, 1968, рис. 50.-5; Су-
разаков, 1990, рис. 22.-1] (рис. 3.-3, 6). Важным показателем зеркал этого типа, помимо
характерной формы, является система орнаментации. На оборотной стороне одного из
рассматриваемых изделий изображены феникс и цилинь; во внешнем орнаментальном
поле помещены летящие иволги, чередующиеся со стилизованными цветками (рис. 3.-3).
Второе зеркало сохранилось в виде небольшого фрагмента, однако понятно, что оно
относится к группе лопастных зеркал с орнаментом из шести чередующихся розеток в
виде стилизованных цветков водяного каштана и мальвы на точечном фоне (рис. 3.-6).
Хронология восьмилопастных зеркал с обозначенным орнаментом определяется в
рамках VII–IX вв. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 54–55, 58, 60 и др.]. Отметим широ-

кий круг аналогий таких изделий в памятниках сротскинской культуры Лесостепного Алтая [Могильников, 1996, рис. 1.-1; Тишкин, Горбунов, 1998, рис. 1.-12; Горбунов, Тишкин, 2001, рис. 1.-25; Могильников, 2002, рис. 133.-8; и др.].

Судя по всему, к предметам китайского импорта относится целое зеркало из погребения могильника Узунтал [Кляшторный, Савинов, 2005, фото на с. 215]. При его изготовлении сохранены характерные для изделий из Поднебесной империи центральная шишка-петля и деление валиками на концентрические зоны, однако отсутствует орнамент. Довольно близкая аналогия этой находке, на которой присутствуют следы брака при отливке, встречена в ходе раскопок одного из раннесредневековых погребений Лесостепного Алтая [Горбунов, 1992, рис. 3; Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXXI]. Отмечено, что в поздний период эпохи Тан получают распространение некачественные зеркала и начинается резкий упадок техники их изготовления [Масумото, 2005, с. 296]. Также китайскими, судя по внешним характеристикам, является ряд фрагментов, определение типа которых, в связи с плохой сохранностью или небольшим размером осколка, весьма затруднительно [Вайнштейн, 1958, с. 218; Савинов, 1982, рис. 5.-9].

Изучение зеркал из памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии показывает, что далеко не все такие изделия относятся к танскому времени. Так, находки из могильника Шибе-II (рис. 2.-3-4; 3.-10-11) (раскопки Ю.Т. Мамадакова) имеют ряд характеристик, сближающих их с произведениями китайских ремесленников предшествующего периода: изображения стилизованных драконов, орнамент в виде четырех шишек и др. [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII, XXIV]. Необычен и небольшой (нестандартный) размер обозначенных изделий (5,8 и 6,6 см в диаметре), нетипичный для китайских зеркал 2-й половины I тыс. н.э. Указанные находки происходят из погребений VI-VII вв. и, возможно, являются копиями зеркал ханьского времени. Орнамент, включающий ряд элементов, не характерных для танских зеркал (ряд шишечек, отделенных лентой из горизонтальных полосок, и др.), имеет также экземпляр из могильника Курай-III [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 34] (рис. 3.-7). По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко [1975, с. 41], изделие датируется IV-VI вв. Хронология погребения, из которого происходит указанная находка, определяется в рамках 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 228]. Вполне вероятно, что рассматриваемое зеркало является поздней копией. Судя по всему, подобная же ситуация отмечена в ходе исследований могильника Наинтэ-Суме в Монголии. В состав сопроводительного инвентаря погребения, датирующегося 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII в., входил фрагмент зеркала [Боровка, 1927, табл. IV.-1], который, судя по сохранившейся части орнамента в виде продолжающихся полудуг, расположенных вокруг центральной шишки-петли, относится к экземплярам ханьского времени [Changan Hanging, 2002].

Хронологически наиболее позднее металлическое зеркало из раннесредневековых комплексов Алтая представлено находкой из скального погребения Каменный Лог [Соенов и др., 2002, рис. 1.-13] (рис. 3.-4). По ряду признаков данный фрагмент может быть отнесен к предметам, произведенным в X-XI вв. В то время, по наблюдению Е.И. Лубо-Лесниченко [1975, с. 25], рельефные и массивные зеркала танского времени сменяются тонкими изделиями с более мелким и изящным орнаментом. Началом эпохи Сун (X в.) Д.Г. Савинов [1994, с. 149] предложил датировать зеркало из погребения Бертек-34 (рис. 3.-9). Однако такое определение противоречит датировке самого за-

хоронения, по комплексу характеристик сопроводительного инвентаря относимого ко 2-й половине VII – 1-й половине VIII в. [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 162]. К тому же зеркала, изготовленные во время Сун, отличаются от рассматриваемого экземпляра по ряду показателей [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 25–28]. Более близкие аналогии находке из погребения Бертек-34 по системе орнаментации (большое количество нешироких лент, расположенных вокруг центральной шишки-петли и отделенных друг от друга узкими валиками) имеются среди зеркал дотанского периода [Changan Hanging, 2002]. В таком случае зеркало может являться поздней копией.

Дополнительная информация о металлических зеркалах из раннесредневековых памятников Алтая была получена в ходе анализа состава сплава изделий. Изучались два предмета из коллекций Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Исследования проводились рентгенофлуоресцентным спектрометром ALPHA SERIES™ Альфа-2000 (производство США) в комплекте с испытательным стендом, с КПК и другими приспособлениями. Этот прибор имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ.

Тестирование осуществлялось неоднократно и в различных частях изделий. В настоящей публикации приведены только результаты, полученные с участков, предварительно очищенных от окислов. Оба исследованных раннесредневековых металлических зеркала демонстрируют характерный медно-оловянно-свинцовый сплав.

1. Зеркало из кургана №3 памятника Шибе-II: Cu – 65,3%; Sn – 27,17%; Pb – 7,48%; Ni – 0,05%.

2. Зеркало из кургана №18 памятника Шибе-II: Cu – 66,3%; Pb – 18,03%; Sn – 15,61%; Ni – 0,06%.

Охарактеризованные образцы имеют близкий набор показателей. Это подтверждает, что предметы были изготовлены по единой технологии, характерной для производства изделий в средневековом Китае. Значительное сходство состава металла может свидетельствовать об изготовлении зеркал в каком-то одном ремесленном центре. Полученные анализы дополняют специальные исследования И.В. Богдановой-Березовской [1975, с. 140–141], указавшей, что оловянистая бронза со свинцом являлась прекрасным сплавом для изготовления орнаментированных зеркал, а соответствующее содержание в них олова, свинца, конкретных примесей и следов индия может быть хорошим индикатором для установления подлинности импортных изделий из Китая. К сожалению, рентгенофлуоресцентным анализом зафиксировать очень незначительное присутствие индия (In) в зеркалах не представляется возможным. Для этого необходимо привлечение других методов.

«Размытый» и нечеткий орнамент на зеркалах указывает на то, что в данном случае мы имеем дело с копиями, сделанными далеко не с оригиналов. Вопрос, где осуществлялось такое производство, остается открытым. Можно лишь предположить, что китайские мастера изготавливали такую продукцию для кочевников, которым смысл изображений, имевшихся на зеркалах, был не важен. На основе анализов, полученных с помощью рентгенофлуоресцентного метода, можно сделать вывод о том, что рассмотренные изделия предположительно сделаны китайскими ремесленниками и являются в Центральной Азии предметами импорта.

Возможности интерпретации особенностей распространения металлических зеркал в обществе раннесредневековых тюрков связаны с изучением подобных изделий как

одного из элементов погребально-поминальной практики кочевников. Очевидно, что разработка обозначенной тематики весьма перспективна, так как только в этом случае появляется возможность объяснения места предмета в представлениях номадов.

Одним из элементов ритуальной практики является расположение вещей в могиле, которое, безусловно, не было случайным. Почти все целые зеркала в погребениях кочевников тюркской культуры помещены в районе головы умершего. В трех других случаях подобные изделия были обнаружены в районе пояса человека и на костяке лошади. Несколько иная закономерность наблюдается в отношении фрагментов зеркал. В тех ситуациях, когда удалось зафиксировать точное расположение, они были помещены в районе пояса умершего, и лишь однажды – у головы. Причем в последнем случае в могилу было помещено два обломка зеркала.

Итак, в погребальной практике кочевников тюркской культуры выделяются две основные традиции в расположении зеркал среди других предметов сопроводительного инвентаря. Они могут быть объяснены с точки зрения их использования в повседневной жизни или с учетом специфики мировоззренческих представлений номадов. Помещение зеркал в районе пояса умершего, по всей видимости, обусловлено тем, что они носились в поясной сумочке-футляре. Не исключено, что фрагменты зеркал подвешивались прямо на пояс [Руденко, 2004, с. 126], что демонстрируется их редким расположением у ноги умершего. Менее однозначной представляется интерпретация частого расположения изделий у головы умершего человека. Объяснение этой закономерности может быть связано с непосредственной утилитарной функцией зеркала, которое помещалось рядом с головой, чтобы умерший мог «смотреться» в него [Худяков, 2001, с. 95, 98]. Другое объяснение следует искать в наличии определенных представлений, связанных с указанной частью тела. Особое отношение к голове человека возникло в древности [Медникова, 2004, с. 40] и имело различное проявление. Возможно, некоторые специфические элементы ритуала, зафиксированные при исследовании ряда погребений эпохи средневековья в Южной Сибири, могут быть обозначены именно с этой точки зрения [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, с. 78–79].

В контексте объяснения перечисленных наблюдений определенным интерес представляют сведения о специфике использования металлических зеркал в обряде жителей Поднебесной империи – регионе, с которым связано происхождение большинства рассматриваемых находок из памятников номадов северо-западных районов центрально-азиатского региона. В древних и средневековых погребениях Китая рассматриваемые изделия часто фиксируются среди других предметов сопроводительного инвентаря [Масумото, 2005, с. 302]. В некоторых случаях зеркала помещали отражающей стороной на груди покойного, считая, что это защитит его от злых духов [Хазанов, 1964, с. 90; Филиппова, 2000, с. 106]. Кроме того, был распространен обычай подвешивать зеркало над изголовьем кровати для того, чтобы отогнать нечистую силу [Маракуев, 1947, с. 169]. В данном случае возникает вопрос о степени проникновения культурных традиций китайского общества в среду кочевников. С одной стороны, очевидно, что комплексы мировоззренческих представлений номадов и жителей Поднебесной империи различаются коренным образом, что усугублялось сложными политическими отношениями. В то же время постоянные контакты элиты скотоводов с китайскими дипломатами, торговцами и чиновниками не проходили бесследно. К примеру, вполне возможно, что некоторые орнаментальные сюжеты китайских зеркал могли восприниматься и переосмысливаться

кочевниками. Не лишены оснований представляется предположение о том, что номады выбирали для подделки типы зеркал с определенными, более понятными им изображениями [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 23]. В период раннего средневековья этому могло способствовать упрощение символики танских зеркал, которая стала менее каноничной и более доступной для не китайских народов [Масумото, 2005, с. 301]. Таким образом, можно рассматривать предположение о восприятии номадами традиций в размещении зеркал в погребении. Добавим, что факт заимствования элитными слоями номадов отдельных черт обряда жителей Поднебесной империи подтверждается материалами погребальных и поминальных комплексов кочевников «гунно-сарматского» и тюркского периодов [Худяков, 2002, с. 148; Филиппова, 2005, с. 19].

Необходимо также учитывать то, что обозначенные закономерности в расположении зеркал в погребении характерны для многих культур кочевников раннего железного века и средневековья степного пояса Евразии [Тишкин, Серегин, 2011а, с. 111–115]. Объяснение схожести обозначенных традиций может заключаться в универсальности представлений, связанных с использованием металлических зеркал. Однако даже их условная реконструкция сопровождается значительными затруднениями. К примеру, изучение места зеркал в ритуальных традициях раннесредневековых номадов Центральной Азии может основываться только на данных археологии в связи с отсутствием, за редким исключением [Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 313], каких-либо упоминаний в письменных источниках. Поэтому комплекс вопросов, связанных с выделением предметов культа для периода раннего средневековья и возможной интерпретацией металлических зеркал с этой точки зрения, остается открытым.

С большей уверенностью можно утверждать, что находка импортного зеркала или его копии свидетельствует об определенном социальном статусе погребенного. В большинстве случаев при изучении раннесредневековых погребений кочевников с зеркалами на территории северо-западных районов Центральной Азии зафиксированы и другие ценные вещи, часть которых относится к предметам импорта (шелк, ювелирные и лаковые изделия, монеты). Дополнительную информацию о специфике социальной структуры обществ номадов раннего средневековья дает тот факт, что металлические зеркала зафиксированы исключительно в женских погребениях. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, а также немногочисленные антропологические определения [Алексеев, 1960, табл. 3; Гаврилова, 1965, с. 61; Поздняков, 2006, табл. II, IV]. Судя по имеющимся сведениям письменных источников, женщины из знатных семей занимали высокое положение в обществе раннесредневековых тюрок. Это находит подтверждение в материалах раскопок «элитных» погребений представительниц слабого пола, в которых зачастую обнаружены китайские металлические зеркала [Евтюхова, 1957; Савинов, 1994; Длужневская, 2000; Кубарев, 2005].

Шелк

Среди предметов китайского импорта в раннем средневековье наибольшее распространение получил шелк (табл. 3). Период использования изделий из ткани ограничен несколькими десятилетиями [Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 412], что позволяет, при условии определения датировки такой находки, уточнить хронологию всего археологического комплекса. Основанием для установления времени изготовления шелковой ткани является система орнаментации. Изображения на подобных изделиях из погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии неоднократно рассматривались ис-

следователями [Бентович, Гаврилова, 1972; Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989; Кубарев, 2005], поэтому мы ограничимся наиболее общей характеристикой находок с этой точки зрения, сконцентрировав внимание на других аспектах их изучения.

Таблица 3

Шелк из памятников тюркской культуры Центральной Азии

№	Памятник	Место и вид изделия	Публикация
1.	Аймырлыг V-1	На костяке (одежда?)	Овчинникова, 1982
2.	Аймырлыг XIII-1	Прошитый кусок с лентой у головы	Овчинникова, 2004
3.	Ак-Кобы	На костяке (одежда, накидка?); шелковый узелок	Кубарев, 2005
4.	Ак-Кобы-III, к. 2	Фрагмент шелка на зеркале	Кубарев, 2005
5.	Аргалыкты-I, к. 4	На костяке (одежда?)	Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989
6.	Аргалыкты-X, к. 11	Остатки халата; свернутая лента в кожаной сумочке	Трифонов, 2000
7.	Бай-Даг, к. 75	На костяке (одежда?)	Кызласов, 1979
8.	Бай-Тайга-59-1	На костяке	Грач, 1966
9.	Барбургазы-I, к. 20	Кукла	Кубарев, 2005
10.	Барбургазы-II, к. 9	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
11.	Джаргалынты, к. 2	Два мешочка; футляр для зеркала; чепрак лошади	Евтюхова, 1957
12.	Джолин-I, к. 9	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
13.	Егиз-Койтас, к. 3	Обрывки шелкового пояса	Кадырбаев, 1959
14.	Жана-Аул	Наплечная одежда (халат?)	Худяков, Кочеев, 1997
15.	Ибыргыс-Кисте, к. 3	Остатки халата	Худяков, 2004
16.	Кара-Коба-I, к. 25	Обрывки ткани (одежда?)	Могильников, 1990
17.	Кара-Коба-I, к. 85	Шелк двух видов, на костяке (одежда?)	Могильников, 1997
18.	Кара-Чоога, к. 4	Шелковая лента (92x3 см)	Вайнштейн, 1954
19.	Катанда-II, к. 1	На костяке (одежда?)	Захаров, 1926
20.	Катанда-III, к. 11	Шелк сложен в сумке	Мамадаков, Горбунов, 1997
21.	Кокэль, к. 2	Шелк на костяке (одежда?)	Вайнштейн, 1966
22.	Кокэль, к. 6	На костяке (одежда?)	Вайнштейн, 1966
23.	Кокэль, к. 13	На костяке (одежда?)	Вайнштейн, 1966
24.	Кокэль, к. 22	На костяке (одежда?); мешочек	Вайнштейн, 1966
25.	Кокэль, к. 23	На костяке (одежда?); мешочек	Вайнштейн, 1966
26.	Кокэль, к. 47	На костяке (одежда?)	Вайнштейн, 1966
27.	Кудыргэ, к. 9	На костяке (одежда?)	Гаврилова, 1965
28.	Кудыргэ, к. 11	На костяке (одежда?)	Гаврилова, 1965,
29.	Курай-IV, к. 1	Три мешочка на поясе	Евтюхова, Киселев, 1941
30.	Курай-VI, к. 1	Остатки ткани под головой	Евтюхова, Киселев, 1941
31.	Мойгун-Тайга-57-XXVI	Мешочек для зеркала; на костяке (одежда)	Грач, 1960
32.	Мойгун-Тайга-58-IV	Кукла; шелковая полоска с 75 узелками	Грач, 1960
33.	Мойгун-Тайга-58-V	Кукла	Грач, 1960
34.	Мойгун-Тайга-58-VIII	На костяке (одежда?)	Грач, 1960
35.	Мойгун-Тайга-58-X	Поясная сумочка; на костяке (одежда, покрывало?)	Грач, 1960

Продолжение таблицы 3

№	Памятник	Место и вид изделия	Публикация
36.	Наинтэ-Суме	На костяке (одежда?)	Боровка, 1927
37.	Сабинка, к. 1, м. 2	На костяке (одежда?)	Савинов и др., 1988
38.	Саглы-Бажи, к. 19	Лента у головы	Грач, 1968
39.	Талдуаир-I, к. 6	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
40.	Талдуаир-I, к. 7	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
41.	Туэкта, к. 3	Шелк на груди (одежда?); мешочек на груди	Евтюхова, Киселев, 1941
42.	Туэкта, к. 4	Три мешочка в тайнике	Киселев, 1951
43.	Уландрык-I, к. 10	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
44.	Хана, к. 1	На костяке (одежда?)	Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967
45.	Черби, к. Б-18	Остатки войлочного халата, обшитого шелком	Вайнштейн, 1958
46.	Юстыд-I, к. 8	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
47.	Юстыд-XII, к. 29	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
48.	Юстыд-XIV, к. 1	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
49.	Юстыд-XIV, к. 2	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
50.	Юстыд-XXIV, к. 13	На костяке (одежда?); мешочек	Кубарев, 2005

Анализ сохранившегося орнамента позволяет выделить несколько основных групп шелковых тканей из памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Первая группа представлена шелковыми тканями с изображением драконов с «деревом жизни» в медальонах, между которыми помещены стилизованные пальметки [Захаров, 1926, табл. VI; Боровка, 1927, рис. 7; Бентович, Гаврилова, 1972, рис. 3–4; Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 408; Кубарев, 2005, табл. 53–55, 64, 76.-1; и др.] (рис. 4.-1, 2)*. Такие находки относятся к образцам так называемого сасанидско-китайского смешанного стиля. Период их наиболее широкого распространения ограничен концом VII – 1-й половиной VIII в. [Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 413; Кубарев, 2005, с. 30]. Ко второй группе могут быть отнесены шелковые ткани с растительным, цветочным и геометрическим орнаментом [Кубарев, 2005, табл. 19, 37.-3, 51.-11, 75.-1, 92.-2] (рис. 4.-3). Время бытования изделий с такими изображениями, судя по имеющимся сведениям, ограничено VIII в. [Кубарев, 2005, с. 31]. Третья группа шелковых тканей представлена изделиями с орнаментом в виде ромбов, в которые вписаны еще два ромба [Грач, 1960, рис. 83; Кубарев, 2005, табл. 75.-2] (рис. 4.-4, 7). Хронология подобных изделий может быть установлена на основании датировки памятников в рамках VIII в. Кроме того, известны безузорные шелковые ткани, изготовление которых осуществлялось на протяжении длительного промежутка времени (рис. 2.-8).

Широкое распространение шелка в среде кочевников Центральной Азии определялось несколькими обстоятельствами. Безусловно, важной была эстетическая составляющая. Одежда из орнаментированных шелковых тканей демонстрировала определенное положение человека в обществе. Не меньшее значение имели гигиенические свойства рассматриваемого материала [Доде, 2006, с. 164–166]. Очевидно, изделия из шелка стали

* Схожая система орнаментации, но с некоторыми отличиями представлена на фрагменте шелка из погребения могильника Джаргалынты в Монголии. По мнению автора раскопок [Евтюхова, 1957, с. 214], данная находка имеет иранское происхождение.

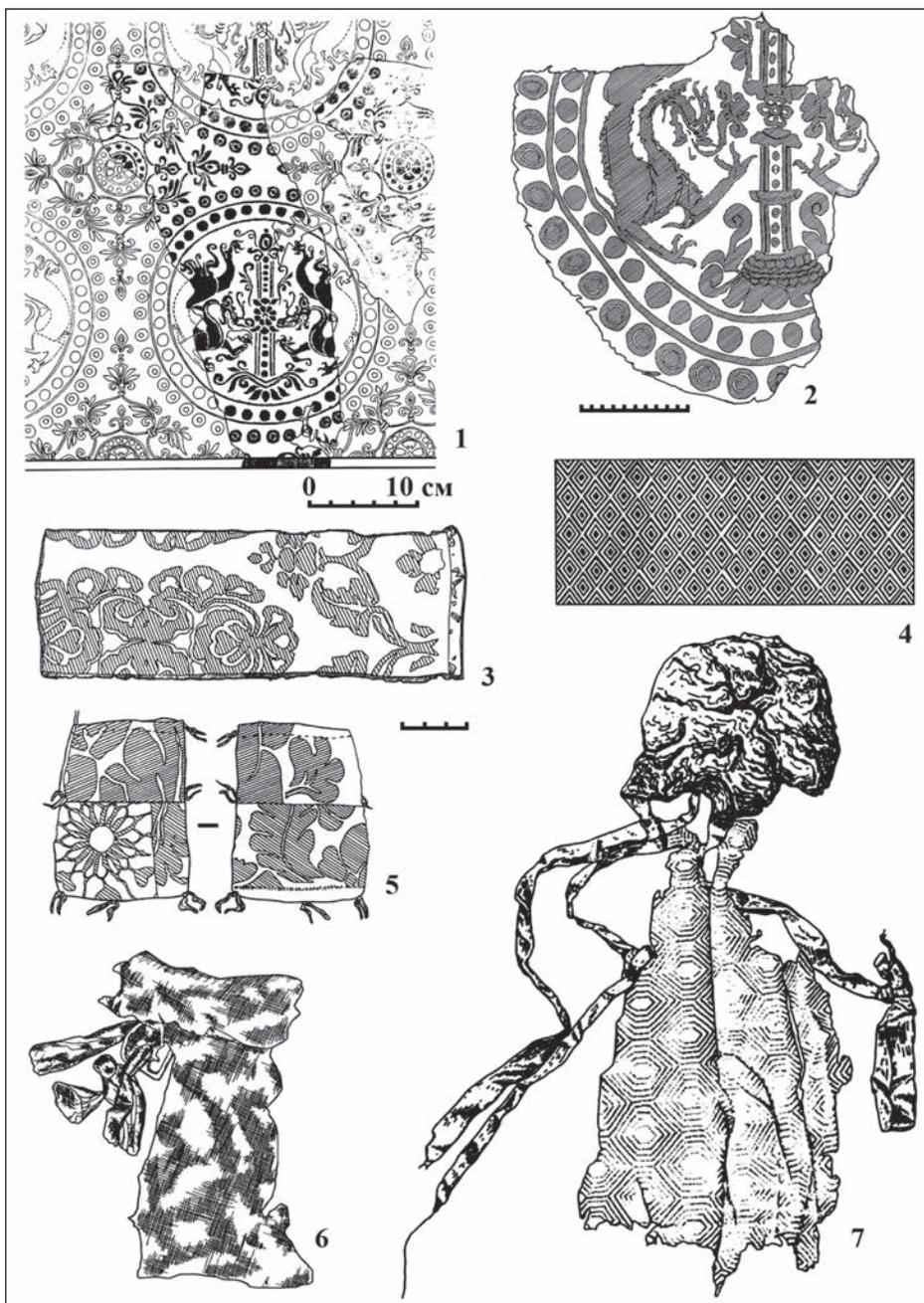

Рис. 4. Шелковые изделия из погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии: 1 – Катанда-II, курган №1 (по: [Бентович, Гаврилова, 1972, рис. 4]); 2 – Юстыд-XXIV, курган №13 (по: [Кубарев, 2005, табл. 53]); 3 – Юстыд-XXIV, курган №13 (по: [Кубарев, 2005, табл. 51.-11]); 4 – Барбургазы-I, курган №20 (по: [Кубарев, 2005, табл. 75.-2]); 5 – Юстыд-XXIV, курган №13 (по: [Кубарев, 2005, табл. 51.-13]); 6 – Ак-Кобы (по: [Кубарев, 2005, табл. 92.-3]); 7 – Монгун-Тайга-58-IV (по: [Kenk, 1982, abb. 17.-37])

неотъемлемой частью материальной культуры кочевников, что отразилось в их использовании не только в быту, но и в погребальном обряде. Остатки шелковых тканей зафиксированы в 50 захоронениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии [Серегин, 2012]. Не исключено, что такие предметы присутствовали в большем количестве могил, однако по различным причинам не сохранились. Отметим, что далеко не во всех случаях авторами раскопок приведено описание таких находок, еще более редко они сопровождаются иллюстрациями. Тем не менее имеющаяся информация позволяет сделать ряд выводов о специфике использования шелка в обрядовой практике населения тюркской культуры.

Из этнографических материалов известно, что кочевники рассматриваемого региона зачастую хоронили умершего в той одежде, что человек носил при жизни [Дьяконова, 1975, с. 49–50]. Вероятно, такая ситуация демонстрируется и результатами исследования погребальных памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Именно частями одежды представлена большая часть шелка из захоронений. В погребениях кочевников 2-й половины I тыс. н.э. ткань сохранилась достаточно фрагментарно. Вместе с тем характер расположения и степень концентрации шелка на костяке умершего человека позволяют в ряде случаев определить вид одежды. Чаще всего на погребенном зафиксированы остатки шелкового халата или кафтана [Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 407; Худяков, Кочеев, 1997, с. 12; Кубарев, 2005, с. 28–29], в некоторых случаях утепленного войлоком [Вайнштейн, 1958, с. 218; Кубарев, 2005, с. 27]. Встречена и меховая одежда в виде шубы, покрытой шелком [Могильников, 1997, с. 201; Кубарев, 2005, с. 29]. Интерес представляют находки шелковых лент [Вайнштейн, 1954, с. 148; Грач, 1968, с. 106], одна из которых, вероятно, использовалась для фиксации волос. В погребении тюркской культуры, исследованном в Казахстане, встречены остатки шелкового пояса [Кадырбаев, 1959, с. 184, рис. 20.-а].

В некоторых захоронениях, судя по имеющимся материалам, находилось несколько видов одежды. Остатки кафтана и двух рубах обнаружены в погребении тюркской культуры на могильнике Мойгун-Тайга в Туве. Реставрация этих тканей показала, что данные фрагменты шелковых одежд были свернуты и положены на грудь умершего [Грач, 1958, с. 29]. Похожая ситуация зафиксирована при исследовании одного из погребений могильника Катанда-III на Алтае, где свернутая одежда из шелка находилась в сумке рядом с человеком [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117]. Из этнографии тувинцев известно, что в погребение нередко помещалась «дополнительная» одежда, которая может пригодиться умершему человеку в загробном мире [Дьяконова, 1975, с. 50].

Характер расположения шелка на умерших позволяет предположить, что в некоторых случаях ткань использовалась как покрывало или погребальный саван [Грач, 1960, с. 127]. Похожая ситуация встречена в ходе раскопок одного из раннесредневековых захоронений Лесостепного Алтая [Горбунов, Тишкин, 2003, с. 284–286]. Возможно, более поздним проявлением данной традиции является зафиксированный у тувинцев обряд, согласно которому тело умершего человека заворачивали в войлок, а на лицо ему клали шелковый платок [Дьяконова, 1975, с. 49].

Другим вариантом использования китайского шелка в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Центральной Азии было создание из ткани специальных кукол, «заменивших» человека в кенотафах. Известно три таких захоронения, раскопанных на памятниках Алтая и Тувы [Грач, 1960, с. 137, 141; Кубарев, 2005, с. 374] (рис. 4.-7). Сооружение кенотафов кочевниками рассматриваемой общности предполагало соблюдение

всех норм обрядности – наличие погребальной камеры, инвентаря и сопроводительного захоронения лошади. Отличием является только отсутствие умершего человека в силу невозможности, по различным причинам (к примеру, в результате гибели в дальнем военном походе), похоронить его на родине [Серегин, 2008]. Вероятно, ткань на куклах, обнаруженных в кенотафах на месте предполагаемого человека, символизировала шелковые одежды.

Интересными находками в погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются небольшие шелковые мешочки (рис. 2.-5, 9; 4.-5, 6). Судя по расположению в могиле, чаще всего они носились на поясе [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 105; Вайнштейн, 1966, с. 302–304] либо в кожаной сумочке [Овчинникова, 1982, с. 213–214; Кубарев, 2005, с. 371, 376]. Кроме того, зафиксировано помещение рассматриваемых предметов на груди человека [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 113], а также в специальном тайнике [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 114]. В ряде случаев в шелковых мешочках находились предметы, связанные, вероятно, с определенными культовыми представлениями. Особое внимание обращают на себя находки человеческих зубов [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 105; Евтюхова, 1957, с. 210; Вайнштейн, 1966, с. 302–304]. По мнению Л.Р. Кызласова [1969, с. 22], это были амулеты, помогавшие от зубной боли. С одной стороны, данная интерпретация выглядит вполне логичной. Вместе с тем имеются основания для предположения о более сложных представлениях, реализованных в данном элементе погребального ритуала раннесредневековых тюрок. Так, уже в верхнем палеолите фиксируется использование человеческих зубов в качестве амулетов [Медникова, 2004, с. 127]. Суеверия, связанные с необходимостью сохранять зубы и оберегать их от какого-либо негативного воздействия, известны у многих традиционных обществ [Фрэзер, 1986, с. 43–44]. Не исключено, что похожие представления имелись и у кочевников Центральной Азии. Их универсальный характер подтверждается находками человеческих зубов в шелковых, кожаных или войлочных мешочках при исследовании погребений кочевников рассматриваемого региона различных хронологических периодов от раннего железного века до монгольского времени [Кубарев, 1984, с. 43; Войтов, 1990, с. 140; Полосьмак, 2001, с. 74; и др.].

Среди других своеобразных находок, обнаруженных в шелковых мешочках, отметим туго свернутую шелковую ленту, свернутый в кольцо конский волос, небольшие камни, косточка миндаля, рыбы позвонки, а также различные изделия неизвестного назначения, главным образом, деревянные и костяные предметы. По мнению некоторых исследователей, эти вещи носили ритуальный или магический характер и могли являться своего рода оберегами [Овчинникова, 1982, с. 213–214; 1990, с. 38; Кубарев, 2005, с. 58–59]. В одном из шелковых мешочков находились китайские монеты [Евтюхова, 1957, с. 212], особенности использования которых кочевниками Центральной Азии рассмотрены выше. Не исключено, что ритуальное назначение имела шелковая полоска с 75 узелками, встреченная в исследованном кенотафе тюркской культуры [Грач, 1960, с. 127].

Помимо мешочков с предметами, предположительно связанными с определенными культовыми действиями, в погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии зафиксированы шелковые сумочки-футляры, имевшие вполне понятное функциональное назначение. В них находились металлические зеркала, а также роговые или деревянные гребни [Евтюхова, 1957, с. 210; Грач, 1958, с. 21]. Наконец, в одном из захоронений Монголии были найдены остатки кожаного чепрака для лошади, украшенного большим фрагментом орнаментированной шелковой ткани [Евтюхова, 1957, с. 213].

Заключение

Анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии показывает, что китайские изделия представляли собой весьма важный элемент материальной культуры кочевников. Вещи, изготовленные в ремесленных центрах Поднебесной империи, попадали кномадам различными путями. В письменных источниках имеются многочисленные сведения о «подарках», отправляемых скотоводам. Многие исследователи полагают, что это была завуалированная форма дани, выплачиваемая беспокойным северным соседям в обмен на политическую лояльность и прекращение набегов [Крадин, 2001, с. 25]. Нет сомнений в том, что значительная часть китайских изделий захватывалась кочевниками как раз в ходе таких военных операций с целью грабежа, главным образом, на приграничных территориях. Вместе с тем известны сведения, позволяющие утверждать, что в отдельные периоды между раннесредневековыми номадами и Китаем существовал налаженный обмен товарами посредством функционирования разветвленных торговых путей.

По имеющимся в нашем распоряжении материалам, китайские изделия впервые фиксируются в памятниках тюрок во 2-й половине VI в. н.э. Это время активной экспансии племен номадов, создавших одну из крупнейших кочевых империй раннего средневековья – Первый Тюркский каганат. Однако количество предметов китайского импорта в памятниках рассматриваемого периода весьма незначительно. Основная масса изделий из ремесленных центров Поднебесной империи обнаружена в погребальных комплексах, датирующихся 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII в. н.э. Это объясняется тем, что после воссоздания кочевой империи (II Восточно-тюркского каганата) у номадов рассматриваемой общности вновь появилась возможность получения импортных вещей. Вероятно, значительная часть привозных изделий появилась в памятниках скотоводов Центральной Азии в результате выгодных торговых договоров с Китаем, заключенных по итогам успешной для кочевников войны 721–723 гг. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 109]. В археологических комплексах тюрок, датирующихся более поздним временем, предметы импорта встречаются, но уже не столь многочисленны. Данное обстоятельство связано с крушением каганата и вхождением кочевников рассматриваемой общности в империю уйгуров и кыргызов. Наиболее поздние предметы китайского импорта в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии относятся ко 2-й половине X – XI в. н.э.

Китайские изделия имели большую ценность у номадов Центральной Азии раннего средневековья. Их помещение в могилу означало, что умерший человек при жизни отличался высоким социальным и имущественным статусом. Судя по всему, китайские вещи относились к предметам роскоши, отражая уровень богатства кочевника и его принадлежность к элите общества. Помимо социального фактора, значение китайских изделий определялось тем, что они могли выполнять некоторые ритуальные функции. Вопрос о выделении предметов культа у раннесредневековых кочевников Центральной Азии до сих пор остается открытым. Вместе с тем рассмотренные материалы позволяют предположить, что определенное ритуальное значение имели китайские зеркала и их фрагменты, а также монеты, которые носились кочевниками в качестве амулетов. Показательным является хранение некоторых предметов (предположительно относимых к культовым) в специальных мешочках из китайского шелка.

Дальнейшее исследование особенностей распространения китайских предметов у номадов Центральной Азии раннего средневековья имеет большие перспективы.

К примеру, значительный интерес представляет изучение китайских изделий из лака. В настоящее время в памятниках тюркской культуры известно всего два случая обнаружения лаковых чашечек. Оба погребения женские и весьма схожи по обряду [Евтюхова, 1957; Длужневская, 2000]. Кроме того, известна одна такая находка из кургана кыргызской культуры [Евтюхова, 1948, рис. 4, 5]. Возможности датировки подобных вещей в настоящее время ограничены. Изучение технологии изготовления лаковых изделий находится на начальном этапе [Тишкин, 2007, с. 176–181], поэтому имеющихся данных недостаточно для точной региональной и хронологической локализации конкретных находок.

В завершение отметим, что большое значение для реконструкции особенностей контактов кочевников Центральной Азии будут иметь не только изыскания частного характера, но и обобщающие работы, реализация которых позволит рассматривать специфику распространения китайских изделий у кочевников региона в широких хронологических и территориальных рамках.

Библиографический список

- Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятое историческое чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 4–5.
- Алексеев В.П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 284–312.
- Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 306–315.
- Басова Н.В., Кузнецов Н.А. Украшения и амулеты из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 134–136.
- Бентович И.Б., Гаврилова А.А. Мугская и катандинская камчатые ткани // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 31–37.
- Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. С. 131–149.
- Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.
- Быков А.А. Монеты Китая. Л.: Сов. художник, 1969. 79 с.
- Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 217–237.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966. С. 292–334.
- Воробьев М.В. К вопросу определения старинных китайских монет «кайюань тунбао» // Эпиграфика Востока. 1963. Вып. XV. С. 123–139.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 86–87.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 281–287.
- Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. 1958. №4. С. 18–34.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 73–150.

Грач А.Д. Исследования в Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966. С. 81–107.

Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. М.: Наука, 1968. Вып. 114. С. 105–111.

Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Т. X. С. 239–243.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 178–188.

Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН, 2007. 197 с.

Добродомов И.Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних тюрков // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980. С. 94–97.

Доде З.В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог / Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.: Памятники исторической мысли, 2006. Вып. VI. С. 77–184.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. 110 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1965 г.) // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Зеймаль Е.В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. М.: Наука, 1999. С. 192–206 (Археология СССР).

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Итс Р.Ф. О надписи на китайском зеркале из Тувы // Советская этнография. 1958. №4. С. 35–37.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ. 1959. Т. 7. С. 162–203.

Камышев А.М. Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. 1999. Вып. IV. С. 57–65.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА №9).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.

Кляшторный С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии // Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. С. 115–119.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Матренин С.С., Гребенников И.Ю. Раскопки поселения Баян булаг в Южной Гоби (ханьская крепость Шоусянчэн) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 58–93.

- Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. №5. С. 21–32.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кузнецов Н.А. Монеты из памятников верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 212–222.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 156–169.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 155 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 326 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Грифонов Ю.И. Китайская камчатая ткань из древнетюркского кургана в Туве // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 406–416.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области (Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева (т. 98)). Томск: ТГПИ, 1947. С. 167–174.
- Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 49–52.
- Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 295–304.
- Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетей, 2004. 208 с.
- Миняев С.С. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 295–305.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А. Находка китайского зеркала в Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 158–162.
- Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд-во ГАИГИ, 1997. С. 187–234.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №2. С. 71–86.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-II на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 184 с.
- Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. №3. С. 210–218.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М.: РУСАКИ, 2004. С. 86–110.
- Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I тыс. н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 136 с.
- Распопова В.И. Зеркала из Пенджикента // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 65–69.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. №1–2 (12–13). С. 111–156.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 104–124.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.

Серегин Н.Н. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов Центральной Азии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 115–121.

Серегин Н.Н. Китайские монеты из погребений тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 190–193.

Серегин Н.Н. Комплексное изучение металлических зеркал из раннесредневековых памятников кочевников Южной Сибири // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск: Том. гос. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 197–205.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н. Китайский шелк в погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая и Центральной Азии // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Амфора, 2012. С. 175–179.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 117–124.

Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-азиатский этнографический сборник. М., 1961. Вып. 2. С. 47–78 (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. Т. 73).

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 56–96.

Тишкин А.А. Китайские изделия в материальной культуре кочевников Алтая (2-я половина I тыс. до н.э.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 176–184.

Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их рентгенофлюоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 78–81.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 194–198.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА, 2011. 136 с.: ил.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011а. 144 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Средневековые металлические зеркала из памятников Алтая: итоги комплексного изучения // Туухийн товчоон. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2011б. Т. VI. С. 133–143 (на рус. яз.).

Тишкин А.А., Мунхбаяр Б.Ч., Серегин Н.Н. Комплексное изучение монеты «у-шу» из сомона Алтай (Ховдский аймак, Монголия) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 336–339.

Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 143–156.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 100–108.

Филиппова И.В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 25 с.

Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // Советская этнография. 1964. №3. С. 89–96.

Хаславская Л.М. О некоторых аспектах этнокультурных контактов кочевников Южной Сибири с Китаем // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 189–195.

Худяков Ю.С. Бронзовые зеркала пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. Вып. 7. С. 94–102.

Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрок Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. Вып. 9. С. 137–153.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3. С. 10–18.

Щербак А.М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска // ВДИ. 1960. №2. С. 139–141.

Erdelyi L., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 335–370.

Kenk R. Frühmittelalterliche Graber aus West-Tuva. Munchen: Verlag C.H. Beck, 1982. 100 p.

Чжунго гу цянъши (Старинные монеты Китая) / сост. Тан Шифу. Шанхай: Б.и., 2001. 658 с. (на кит. яз.).

A.A. Tishkin, N.N. Seregin

CHINESE ITEMS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF EARLY MEDIEVAL TURKIC TRIBES OF CENTRAL ASIA

A large number of metal mirrors, coins, silk products, and items with varnish coating, made in craft workshops of China were found while examining the funeral complexes of the early medieval Turkic tribes. These findings are considered to be important elements of the material culture of nomads. They represent the military, political, trade, and other contacts of nomads with the population of the southern settled and agricultural centers. The available written certificates do not provide enough information to solve all the complex problems associated with the interpretation of the imported products found in the named archaeological sites. The materials recorded in the course of the excavation work significantly expand the possibilities of reconstructing many aspects of the life-style of nomadic communities as well as reflecting the world outlook of some cattle-farmers groups. The Chinese items are recorded in the sites of Turkic tribes dated to the 2nd half of the 6th century AD, when one of the largest nomadic empires – the First (Great) Turkic khaganate was built up. The table of Medieval Chinese import divided into the categories of findings is presented in the article. Two metal mirrors were examined by means of an X-ray fluorescent spectrometer. The pictures of some items are also shown in the article. The article considers the use of these Chinese products in the rites of the early medieval nomads. There are prospects for further research of the subject as more material becomes available.

Keywords: Central Asia, early Middle Ages, Turkic culture, China, archaeological sites, import, craft products, coins, metal mirrors, silk, Chinese varnish, outlook, X-ray analysis.

ВЫЯВЛЕНИЕ, ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ В ДОЛИНЕ БУЯНТА (Монгольский Алтай)*

В ходе регулярных археологических обследований в долине Буянта (приток Ховда, Западная Монголия) выявлена серия «оленных» камней. Некоторые такие изваяния уже ранее были известны, и сведения о них отражены в публикациях. Однако часть своеобразных скульптур обнаружена автором статьи впервые. В ходе их документирования обозначились проблемы достоверной фиксации не только имеющихся изображений, но и самих обелисков. Для такой работы привлекались современная аппаратура и разные методики копирования. В процессе исследований важным обстоятельством является понимание связи изваяний с конкретным археологическим комплексом. В этом плане показательными могли бы стать раскопки непо потревоженных курганов. Однако подобные случаи, к сожалению, пока неизвестны. Исследования херексура, начатые Буянтской российско-монгольской экспедицией на памятнике Улаан худаг-I, еще не завершены. Обнаруженный рядом с оградой «оленный» камень отличается от большинства подобных скульптур отсутствием предметов вооружения. На насыпи одного из крупных херексуров в урочище Баян булаг найдено несколько «оленных» камней. На двух из них видны следы красной краски, использованной для заполнения выбитых изображений. В статье дается сводная информация о других находках и полученных результатах.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, экспедиция, археологический комплекс, «оленный» камень, река Буянт, документирование, методика копирования, фотофиксация, изображения, херексур, поминальник, картирование, предметы вооружения.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-04

В течение нескольких лет Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция, созданная в ходе выполнения совместных научно-исследовательских проектов тремя университетами (Алтайский, Ховдский, Улаанбаатарский), обследует на территории Монгольского Алтая памятники историко-культурного наследия [Тишкин, Нямдорж, Дашковский, Нямсурен, Мунхбаяр, 2006; Тишкин, 2006–2007, 2009–2012; Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Тишкин, Нямдорж, Серегин, Мунхбаяр, 2008; и др.]. Одно из направлений такой работы – выявление, комплексная фиксация и всестороннее изучение своеобразных изваяний, которые получили в археологии обозначение «оленные» камни. Районом регулярных полевых изысканий стала долина Буянта (правый приток реки Ховд). В результате были получены сведения о более десяти «оленных» камнях (рис. 1). Значительная часть их непосредственно связана с курганами (херексурами). Изучаемая территория географически приурочена к восточным отрогам Монгольского Алтая. Участок среднего течения Буянта, где предпринимаются регулярные обследования, представляет собой широкую равнину, обрамленную невысокими хребтами и одиночными горками. Там располагается значительное количество археологических объектов. В ходе проведенных экспедиционных работ удалось обнаружить ранее неизвестные «оленные» камни, а также осуществить мониторинг уже выявленных памятников. Задача данной статьи – дать целостное представление

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

о полученных результатах. Детальная публикация всего материала планируется после соответствующей обработки имеющихся данных и их неоднократной проверки.

В процессе обследований реализовывались разноплановые фиксации и картирование, а также делались описания и производилось копирование изваяний аржано-майэмирского времени. С помощью GPS-навигатора получены географические координаты и отметки высот тех археологических комплексов, на которых располагаются «оленные» камни. Особое внимание было уделено копированию изображений, что позволяет более детально отразить имеющиеся на изваяниях реалии разного назначения. Полученные данные способствуют реконструкции исторического процесса в начальный период формирования кочевых культур. Они обеспечивают необходимой информацией изучение социальной структуры, хозяйства и системы мировоззрений населения Евразии в период поздней древности. Особо важную роль имеющиеся материалы выполняют при воссоздании костюмов центральноазиатских кочевников, а также при типологическом исследовании оружия и военного снаряжения.

При выполнении полевых работ и изучении имеющихся публикаций об «оленных» камнях Западной Монголии обозначилась проблема грамотного документирования как самих изваяний, так и памятников, с которыми они связаны. При осуществлении данной исследовательской практики оказалось, что выполнять ее сложно и трудоемко. Но только тщательная и детальная фиксация создает мощное информативное поле для более объективных реконструкций. Опыт такой деятельности отражен на примере проведенных работ в долине Буянга. Прежде чем представить полученные результаты, необходимо кратко изложить способ копирования «оленных» камней на микалентную бумагу. Данный эстампажный метод был апробирован на петроглифах красноярским художником В.Ф. Капелько [1986], но редко используется при изучении изваяний.

Известно, что в конце XIX в. копии изображений на камнях удавалось получить В.В. Радлову и А.В. Адрианову. При этом они применяли тонкую белую ткань (коленкор или миткаль) [Миклашевич, 2011, с. 218]. Некоторые исследователи Центральной Азии для получения эстампажей пробовали разную бумагу. В.Ф. Капелько стал использовать микалентное полотно, которое предназначено в качестве упаковочного материала. Первые опыты им были осуществлены в 1973 г. Оказалось, что микалентная бумага, когда ее намочить водой, не крошится и не растекается, а при высыхании не сжимается и сохраняет зафиксированный облик. Ширина рулона, который нами используется в работе, больше 1,5 м, а длина его значительная (более 100 м). Это позволяет выполнять копирование самых разных изваяний. Бумага хорошо склеивается. Она прочна при употреблении, мягкая и эластичная, а при намачивании становится прозрачной. При использовании данного материала в ходе копирования изображений получается оттиск не только выбитых рисунков, но и фактуры камня. Копии на микалентной бумаге имеют прекрасный выставочно-экспозиционный потенциал.

Выполнение эстампажей хотя и требует определенных знаний и навыков, но это не очень сложная процедура. Ее можно кратко представить следующим образом*. Сначала обелиск щетками очищается от пыли, сухой травы, птичьего помета, лишайников и других явных загрязнений. Изваяние можно помыть. Но, как показывает опыт, этого желательно не делать, чтобы не удалить, например, древнюю краску или следы ритуального кормления

---

* Автор благодарен к.и.н. А.Н. Мухаревой за консультации при осуществлении копирования «оленных» камней.

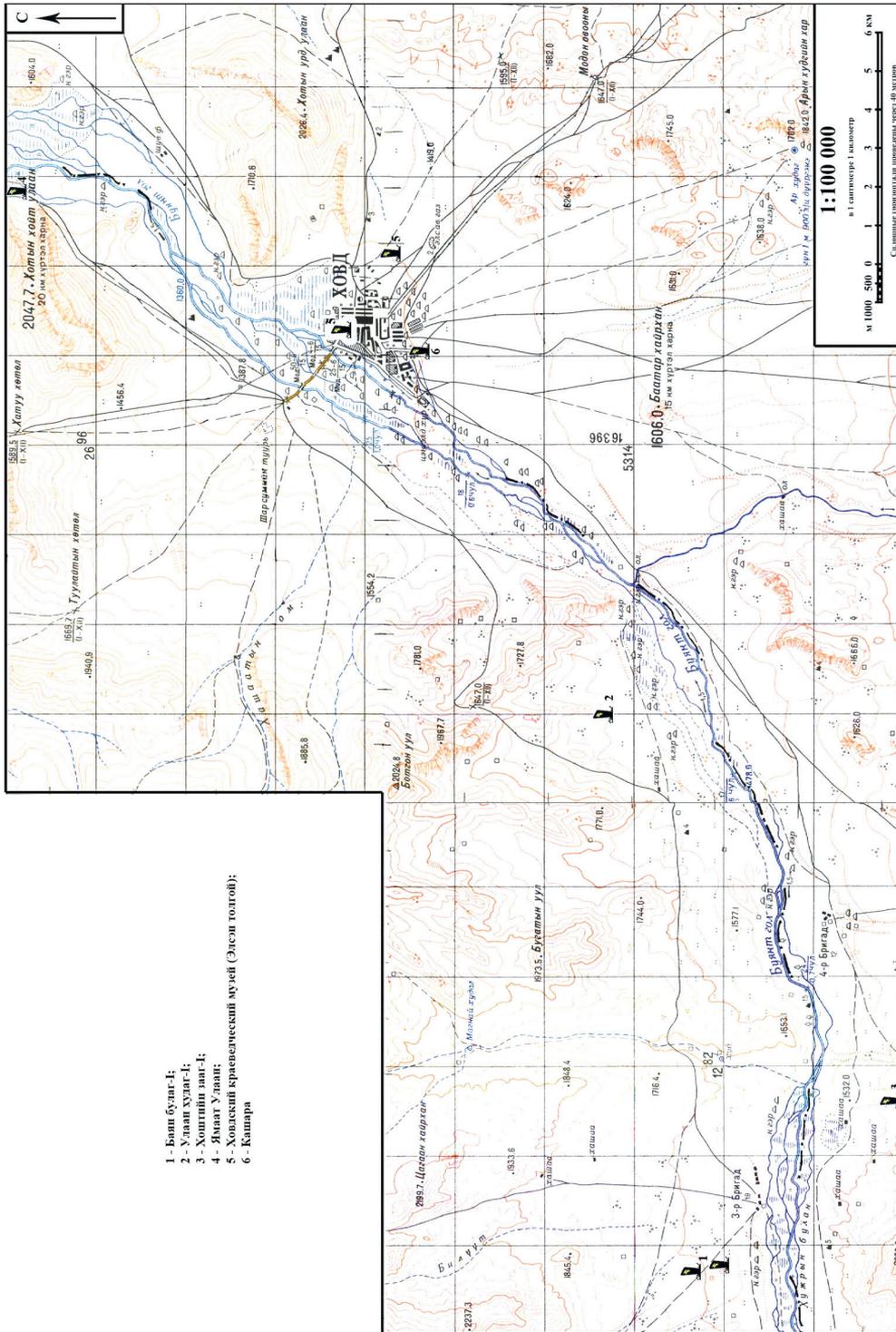

Рис. 1. Местонахождение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай)

идолов. Затем нужно отмерить и отрезать необходимое количество микалентной бумаги для того, чтобы набить ее с помощью мокрых поролоновых губок сначала в один слой на три стороны «оленного» камня (если он лежит) либо на всю поверхность (когда он стоит). Этот процесс лучше выполнять на камне, который более или менее согрелся под солнцем. Если погода прохладная, то в воду можно добавить небольшое количество муки (примерно одну ложку с горкой на 3 л воды). Это необходимо для лучшего соприкосновения бумаги с камнем, а также для склеивания волокнистых поверхностей между собой. В морозную погоду использование микалентного полотна неэффективно. В таком случае лучше копировать на прозрачную пленку специальными фломастерами. Микалентную бумагу необходимо укладывать гладкой стороной на камень. С одной стороны, это обеспечивает возможность снятия копии без задиров и повреждений, а с другой – через наружную шершавую поверхность быстро впитывается вода, которая способствует растягиванию микалентной бумаги и заполнению выбитых изображений. Обязательно нужно накладывать второй слой этого специального полотна, чтобы на камень не проникла краска при поверхностной протирке. Его также укладывают гладкой стороной вниз и тщательно набивают, чтобы не было вздутий. После укладки второго слоя бумаге необходимо дать хорошо просохнуть. После этого на нее наносится темная масляная (художественная) краска с помощью саржевой (подкладочной или атласной) ткани. Натирание лучше производить ладонью и равномерно. Особенно это важно для объективности выявляемых изобразительных линий. Ткань должна быть хорошо пропитана краской, но так, чтобы она не мазала. Натирать нужно всю поверхность покрытого изваяния быстро, равномерно и интенсивно, но не затирая изображения. После того, как вся процедура закончена, следует подождать, когда краска полностью высохнет. Обязательно нужно внимательно следить за равномерностью и интенсивностью нанесенного тона. Полученную микалентную копию важно тщательно и детально сфотографировать до того, как полотно с проявившимися изображениями и фактурой будет снято. Такое фотографирование позволяет не только получить необходимые информационные и демонстрационные материалы. Важность данной миссии заключается в переводе объемных изображений в плоскостные. Конечно же, многократное фотографирование необходимо осуществлять на всех этапах фиксации памятника и связанного с ним изваяния. Это также длительный и трудоемкий процесс, требующий хорошего дневного освещения. При необходимости следует применять ночную съемку со специальной подсветкой. Такая практика, в частности, была реализована участниками Буянтской экспедиции при изучении знаменитого комплекса у поселка Баян зурх в 2011 г.

В долине Буянты наибольшее количество «оленных» камней обнаружено на левом берегу в урочище Баян булаг (рис. 1), где в своеобразной долине располагается несколько археологических комплексов. Основу одного из них составляют огромные херексуры, которые хорошо видны на снимках из космоса (рис. 2). Рядом с ними имеются «поминальники», тюркские оградки и другие каменные сооружения. Указанный памятник, получивший обозначение Баян булаг-1, имеет свою топографическую и планиграфическую специфику. Визуальное изучение его еще до конца не закончено. Следует отметить, что курган №1 (западный) отличается от двух других крупных каменных конструкций параметрами, особенностями оформления и отсутствием «оленных» камней. Он, по всей видимости, является более ранним в рассматриваемой группе и характеризуется как крупный херексур «с платформой».

Рис. 2. Памятник Баян булаг-I (снимок с космоса)

сброшенные сверху «оленные» камни. Информация о двух целых изваяниях с изображениями воинских и других атрибутов уже кратко публиковалась [Тишкин, 2009, 2012]. Но их детальное изучение еще продолжается. Этому способствует проведенное копирование на микалентную бумагу и прозрачную пленку.

«Оленный» камень, получивший обозначение №1 (рис. 4–5), тщательно обработан и имеет следующие размеры: длина – 1,61 м, ширина в центре – 0,33 м, толщина – 0,31 м. В верхней части изваяния широкой (7–9 см) и сплошной линией выбита полоса (рис. 3–5), которую В.В. Волков [2002, с. 17] однозначно трактовал в качестве ленты-диадемы. Однако при тщательном рассмотрении этого элемента, а также в ходе зарисовки и копирования всего «оленного» камня становится совершенно ясно, что это, скорее всего, изображение головного убора с характерными чертами. Следующая хорошо фиксируемая выбивка действительно демонстрирует нашейное украшение, которое как бы висит, о чем свидетельствует наклон имеющейся по периметру стелы линии лунок. Между нижним краем головного убора и «ожерельем» на лицевой части скульптуры выделяются три наклонных и почти параллельных желобка слабой изогнутости (рис. 3–5). Смысл такого элемента, широко распространенного на подобных изваяниях, до сих пор до конца не ясен. Предлагается довольно большое количество частных интерпретаций,

С двумя другими «царскими» объектами (рис. 2) связаны изваяния аржано-майэмирского («раннескифского») времени. На двух «оленных» камнях, зафиксированных на кургане №2 (северный), отражена одна и та же изобразительная схема (рис. 3), но для ее воплощения были выбраны блоки разной породы. Отличаются качество отделки и параметры рассматриваемых скульптур.

Диаметр ограды кургана №2 по линии Ю–С составляет 121,65 м, а по линии З–В – 124,5 м. С западной стороны (в основном полукругом с юга на север) располагаются поминальники в виде камней, выложенных кольцами диаметрами от 1,2 до 2,5 м. Их насчитывается более 60. Центральная насыпь херексура, от которой отходят восемь «лучей»-«дорожек», имеет размеры 32х34 м. В настоящее время у ее юго-восточной полы лежат

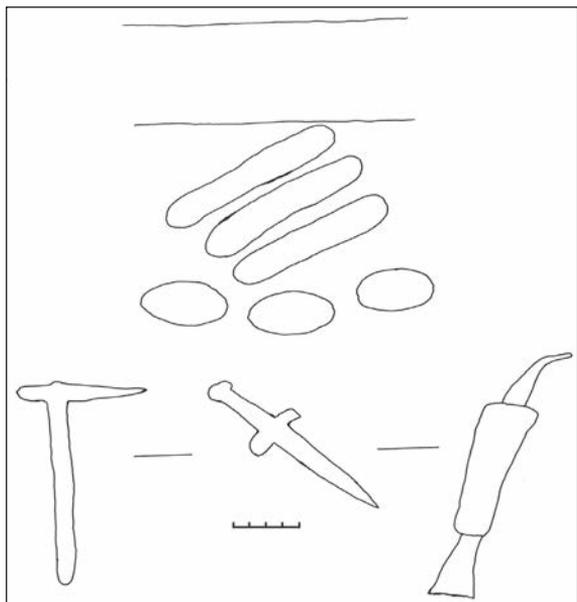

Рис. 3. Баян булаг-I. Херексур №2.
Схема изображений на
«оленном» камне №1

Рис. 4. Баян булаг-I. Херексур №2.
Фрагмент «оленного» камня №1
(фото микалентной копии)

неоднократно представленных в публикациях [Кубарев, 1979, с. 49–50; Савинов, 1994, с. 91–92; Волков, 2002, с. 17; Турбат, 2008, с. 226; и мн. др.]. В конечном итоге многие исследователи признают в выбитых коротких параллельных линиях антропоморфный символический знак (например, раскраска или основные детали лица), несущий дополнительную смысловую нагрузку. Так это или иначе еще предстоит выяснить при дальнейшем комплексном изучении «оленных» камней. Большая часть зафиксированных изображений может найти соответствующие подтверждения при проведении археологических раскопок и получении находок древних изделий, о чем свидетельствуют уже осуществленные параллели [Кубарев, 1979, Волков, 1981, 2002; Савинов, 1994; и др.]. В данном случае имеющиеся выбивки конкретного оружия (кинжал, чекан и лук в горите), которые, несомненно, олицетворяют воина, демонстрируют неоднократно указанную возможность. Принципиально важным является схема размещения предметов вооружения (рис. 3), которая, стоит надеяться, отражает реальное положение: чекан на

Рис. 5. Баян булаг-I. Херексур №2. «Оленный» камень №1 (фото микалентной копии)

поясе с правой стороны, кинжал спереди, а лук в горите слева. Следует обратить внимание еще на один очень важный, на наш взгляд, момент. Вся композиция на рассматриваемом изваянии смещена сильно кверху (рис. 4–5), занимая примерно лишь треть часть длины всего каменного блока. Данное обстоятельство связано, вероятно, с тем, что «оленный» камень стоял глубоко в насыпи, а видимая на поверхности изобразительная композиция маркировала конкретное погребение. Такое наблюдение требует дополнительной аргументации и конкретной демонстрации. Оно в определенной мере соотносится с уже зафиксированными ситуациями и может рассматриваться как отражение реальной традиции или моделирование ее в другом масштабе [Кубарев, 1979; Полосьмак, 1993; Тишкин, 1996; Турбат, 2008; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, 2010; и др.].

Следующий представляемый «оленный» камень памятника Баян булаг-I, получивший обозначение №2 (рис. 6), – своего рода уменьшенная копия предыдущего изваяния. Его размеры такие: длина – 1,32 м, ширина в центре – 0,24 м, толщина – 0,28 м. Спе-

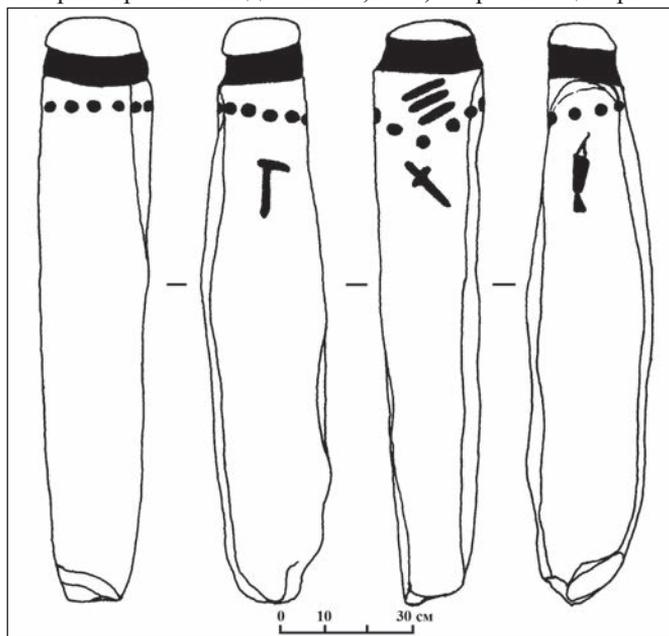

Рис. 6. Баян булаг-I. Херексур №2.
«Оленный» камень №2 (рисунок)

цифической особенностью скульптуры является оформление нашейного украшения на лицевой части. Другие изображения (чекан, кинжал и т.д.) также имеют отличительные признаки при рассмотрении частных деталей. Эти и другие зафиксированные показатели будут дополнительно рассматриваться в специальных публикациях.

В 2010 г. при осмотре и описании указанного херексура №2 в насыпи обнаружен обломок нижней части еще одного (ранее неизвестного) «оленного» камня (рис. 7). Его размеры – 0,53x0,33x0,25 м. В связи с этой находкой можно рассматривать дальнейшую перспективу выявления других изваяний аржано-майэмирского времени на данном объекте. Это положение подтверждают находки на другом херексуре Баян булага-I (рис. 2), получившем обозначение №3 (южный). В его насыпи обнаружено скопление четырех «оленных» камней. Параметры данного херексура с «лучами» и с более 130 сопутствующими выкладками следующие: внешний диаметр кольцевой выкладки составляет по линии Ю–С – 124,5 м, а по линии З–В – 122,2 м. Ширина этой оформленной ограды – 2,5–3,9 м, высота – около 0,5 м, а в некоторых местах больше. Разрыв кольца фиксируется в юго-восточном секторе. Диаметр центральной насыпи по линии Ю–С – 29,2 м, по линии З–В – 29,5 м. В центре находится огромная западина глубиной более 2 м, диаметром по линии Ю–С – 13 м, а по линии З–В – 10,5 м. В западной половине имеется несколько меньших западин. Это, вероятно, следы ограбления нескольких

гробниц, с которыми были связаны обнаруженные «оленные» камни. Высота кургана более 4 м. Между центральной насыпью и кольцевой оградой хорошо просматриваются девять «лучей»-«дорожек» (рис. 2). Они так же, как и на кургане №2, не совпадают с направлениями сторон света.

Рядом с этим огромным херексуром с востока–северо-востока, к северу, западу и к югу фиксируются поминальники разных параметров. Например, поминальник №1 имеет диаметр 1,2 м, а сооружение №22 – диаметр 2,7 м, а высоту – 0,25 м. К северо-западу от указанного объекта №1 отмечено 36 поминальников, которые расположены по дуге и внутри нее. Основной массив каменных конструкций аналогичного назначения находится в 88 м к западу от внешнего края отмеченной кольцевой ограды херексура №3. Сооружения располагаются в три ряда. Всего там выявлено 64 поминальника. Еще далее к западу от них имеется неровная линия из восьми аналогичных выкладок. К югу от отмеченного

западного массива и далее к юго-востоку количество существенно увеличивается и достигает 133 объектов. Среди них стоит выделить крупный и овальный поминальник №121, который имеет размеры 3,5x2,8 и высоту 0,2 м. Объект №129 располагается строго на юге, хотя цепочка продолжается далее к юго-востоку. У южного края кольцевой ограды, почти вплотную, имеется сплошная выкладка размерами 3,4x2,7, высотой 0,35 м.

На херексуре №3, географические координаты которого N – 47° 55.842'; E – 91° 21.648', а высота над уровнем моря 1588 м (дана по показанию GPS-навигатора), обнаружено скопление из четырех «оленных» камней. Особенностью изваяний кратко представленного кургана является не только их количество, но и имеющееся разнообразие, в котором отражены социальные показатели и мировоззренческие представления древних кочевников.

«Оленный» камень №1 лежал на вершине центральной насыпи лицевой стороной вниз. Он был частично перекрыт

Рис. 7. Баян булаг-I. Херексур №2. Нижняя часть найденного «оленного» камня

Рис. 8. Баян булаг-I. Херексур №3. «Оленный» камень №1 (фото микалентной копии)

Рис. 9. Баян булаг-I. Херексур №3. «Оленный» камень №2 (фото микалентной копии)

грабительскими выбросами. При изучении этого необычного по форме изваяния, сделанного из крупного валуна длиной 1,03 м, отмечены следы красной краски на трех косых линиях в верхней части, а также традиционный набор изображений предметов вооружения (кинжал, чекан, лук в горите) и наличие с двух боковых сторон по серьге. Отсутствовал такой элемент, как выбитая широкая и сплошная линия, обозначающая диадему или головной убор. Специфической деталью скульптуры является оформленное лунками ожерелье с округлой застежкой и украшением-подвеской в виде лежащей лошадки (рис. 8).

Следующий «оленный» камень №2 длиной 1,27 м находился в центральной грабительской воронке под камнями и был обнаружен по заметному изображению одной серьги. На плоской лицевой стороне вверху у него оформлены три косые линии, а ниже имеется изображение крупного кинжала (рис. 9) со следами краски. Еще одна серьга, аналогичная по форме предыдущей, зафиксирована на противоположной стороне.

Третий «оленный» камень (длиной 1,43 м) находился рядом с предыдущим на склоне грабительской воронки, ближе к верхушке, и был не столь тщательно оформлен, как предыдущие, хотя на лицевой стороне просматриваются три косые линии, сплошная полоса выбивки, демонстрирующая головной убор или диадему, «ожерелье» и, скорее всего, кинжал (рис. 10). К сожалению, грубый рельеф боковых сторон не позволяет уверенно говорить о других традиционных изображениях.

Четвертое изваяние (рис. 11) длиной 1,18 м лежало сверху насыпи. Три его плоскости имели выбивку предметов вооружения, трех косых линий и так называемую диадему. Остальные возможные реалии отсутствовали.

Все найденные на кургане-херексуре №3 изваяния лежали лицевой стороной вниз. Данное обстоятельство позволяет предположить, что грабители это сделали специально. Вытаскивая и опрокидывая вертикально стоявшие на вершине насыпи своеобразные скульптуры, они как бы за-

Рис. 10. Баян булаг-I. Херексур №3. Часть «оленного» камня №3 (фото микалентной копии)

крывали (отводили) воплощенный образ умершего человека. Зафиксированные «оленные» камни скопированы с помощью микалентной бумаги. Стоит еще раз отметить, что на двух из них видны следы красной краски, использованной для заполнения выбитых изображений.

Следующий памятник, выявленный в урочище Улаан худаг и получивший одноименное название (рис. 1), находится примерно в 8 км к юго-западу от г. Ховда, на левом берегу Буянта [Тишкин, Нямдорж, Серегин, Мунхбаяр, 2008, с. 69–70]. На плане этого комплекса обозначено более 30 крупных сооружений, рядом с которыми и отдельно находятся многочисленные выкладки. В центре памятника располагается крупный херексур, который может быть предварительно датирован аржано-майэмирским временем. Остальные объекты памятника являются сооружениями, типичными для археологии Западной Монголии. В ходе полевых работ 2009 г. основное внимание было уделено указанному кургану, обозначенному под номером 10. Этот херексур до раскопок представлял собой различимую на современной поверхности внешнюю ограду из камней диаметром более 36 м. Внутри нее выделялась насыпь диаметром свыше 10 м и высотой более 1 м, частично разрушенная при ограблении или осквернении. От центральной насыпи к ограде отходили четыре «луча» или «дорожки», которые ориентированы близко к сторонам света.

С западной стороны херексура дугой располагались поминальные конструкции. Часть их разрушена или потревожена. Всего было отмечено 17 таких сооружений (рис. 12). Еще три аналогичных выкладки зафиксированы внутри дуги на одной линии. Все эти объекты имеют диаметр от 1 до 2,5 м и высоту около 0,1 м.

К востоку от херексура обнаружен лежавший и частично засыпанный грунтом «оленный» камень, который, несомненно, был связан с рассматриваемым комплексом. Место обнаружения изваяния имеет следующие географические координаты: N – 47° 56.504'; E – 91° 30.405' (высота над уровнем моря 1488 м). Этот камень был извлечен из грунта и изучен отдельно [Тишкин, 2009]. К сожалению, на одной из сторон скульптуры, которая находилась на поверхности и испытывала всевозможные воздействия, изображения сохранились плохо. На других гранях хорошо фиксируются детали шейного украшения. Отмеченная наклонность боковых линий демонстрирует то, что «ожерелье» было изображено висящим. На длинной грани выбиты три косых желобка.

Рис. 11. Баян булаг-I. Херексур №3.
«Оленный» камень №4
(фото микалентной копии)

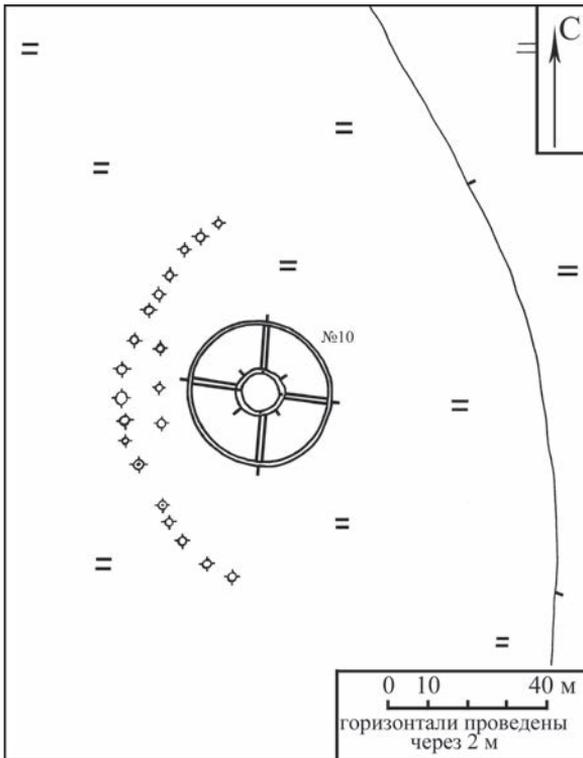

Рис. 12. Памятник Улаан худаг-I. Херексур №10.
Часть плана, на котором представлена схема
расположения «поминальников»

Особенность их заключается в том, что верхняя линия не совсем параллельна двум другим. Кроме того, расстояние, на котором она находится от среднего желобка, немного больше, чем от центрального до нижнего. На одной из широких граней камня хорошо фиксируется серьга. Еще одна отличительная черта рассматриваемого изваяния заключается в отсутствии изображений предметов вооружения. Параметры специально подготовленного каменного блока следующие: длина – 1,44 м, ширина в центре – 0,3 м, толщина – 0,17 м. Имеющиеся изображения смещены к верхней части скульптуры. Данный «оленный» камень представляет значительный научный интерес. Кроме зарисовки его и фотофиксации, была изготовлена копия из микалентной бумаги (рис. 13). Стоит отметить отсутствие детально выраженного головного убора при наличии характерной скошенности верхней части. Подобным образом оформлено множество стел Горного Алтая, но на них, как правило, отсутствуют какие-либо изображения (см., например: [Тишкин, 1996]). На «оленном» камне из Улаан худага-I есть ряд атрибутов, характерных для изваяний так называемого евразийского типа.

Рис. 13. Улаан худаг-I. «Оленный»
камень, обнаруженный у херексура
№10 (фото микалентной копии)

Вокруг кургана №10 был разбит раскоп площадью более 1000 кв. м. Для исследования существенного по размерам каменного сооружения, кроме участников указанной экспедиции, были привлечены студенты Ховдского государственного университета под руководством Ч. Мунхбаяра. В результате проведенных работ удалось выявить все существенные особенности конструкции. Зачистка херексура сначала осуществлялась по периметру кольцевой выкладки, затем выявлялись «лучи»-«дорожки», выбиралось пространство в секторах и изучалась центральная насыпь. В ходе работ весь выбранный грунт выносился за пределы раскопа. Параллельно с проведением детальной зачистки осуществлялась графическая фиксация выявленных конструкций, в результате чего получен подробный план херексура (рис. 14).

Центральная насыпь диаметром около 13,5 м имеет специфическое оформление. После зачистки довольно четко оформилась крепида диаметром 10 м в виде кольца-стенки. От центральной насыпи к внешней кольцевой ограде располагались

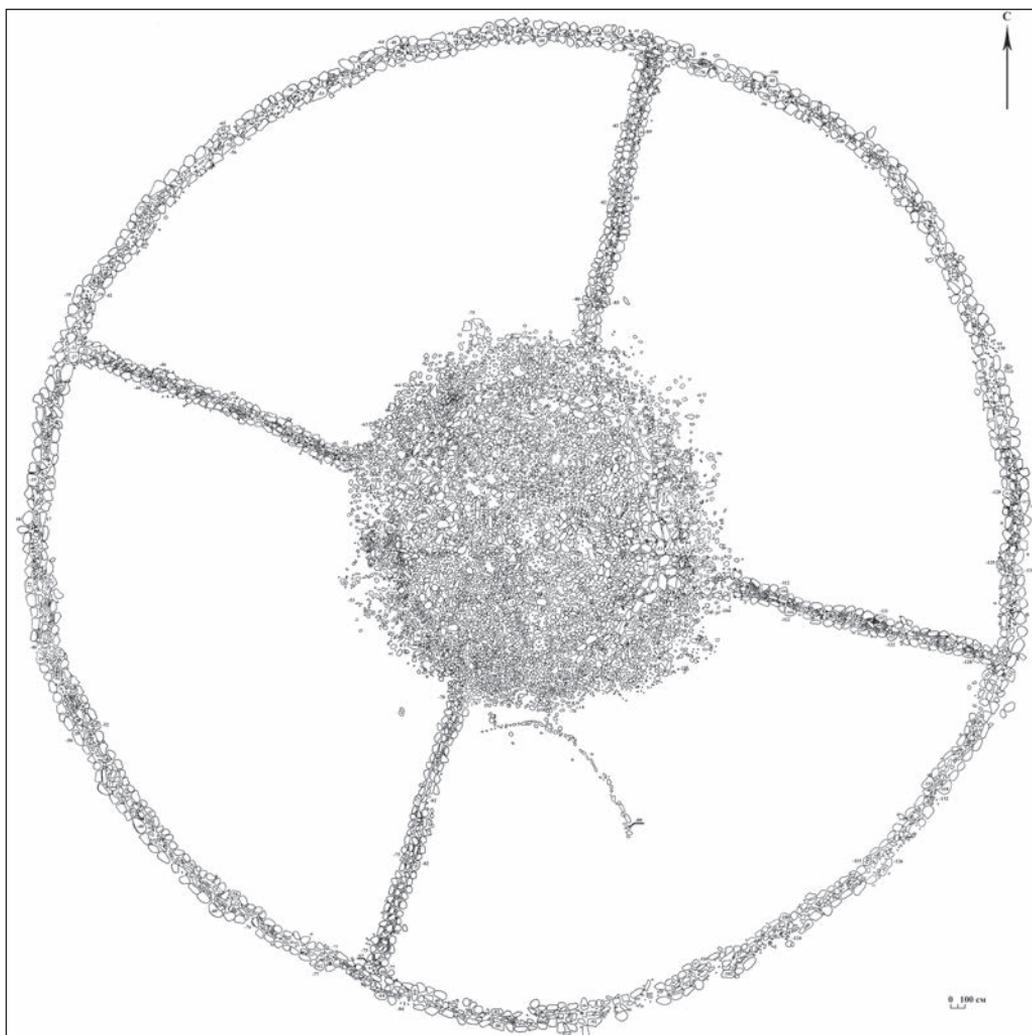

Рис. 14. Улаан худаг-I. План зачищенной каменной конструкции херексура №10

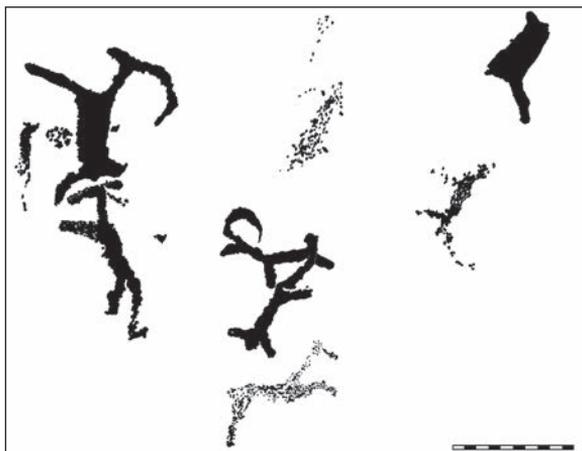

Рис. 15. Улаан худаг-I. Петроглифы на валуне из ограды херексура №10

но-майэмурского времени отражает лишь часть исследовательской практики, поскольку после зачистки дальнейшие раскопки до 2012 г. не предпринимались. В северо-западном секторе херексура на одном из валунов, составляющих его внешнее кольцо, зафиксированы петроглифы (рис. 15; прорисовка А.Н. Мухаревой).

Рис. 16. «Оленный» камень в урочище Хошоотийн зааг (фото микалентной копии)

«лучи»-«дорожки», которые имели отклонение от фиксируемых сторон горизонта. Их конструкция и оформление отражали специфические особенности. В юго-восточном секторе был выявлен «кус» из вкопанных камней (рис. 14).

Внешняя кольцевая ограда диаметром около 36 м, несмотря на имеющиеся разрушения, в целом сохранила свою целостность. Она была выложена двумя рядами крупных валунов, между которыми находилось заполнение из более мелких камней. Прделанная работа по изучению этого крупного херексура аржано-

майэмурского времени отражает лишь часть исследовательской практики, поскольку после зачистки дальнейшие раскопки до 2012 г. не предпринимались. В северо-западном секторе херексура на одном из валунов, составляющих его внешнее кольцо, зафиксированы петроглифы (рис. 15; прорисовка А.Н. Мухаревой). Валун, на котором выполнены изображения, оказался не очень большого размера, гладким, более или менее правильной округлой формы. Цвет патины темный. Рисунки на валуне композиционно расположены по кругу, выполнены в технике выбивки, по цвету не отличаются от фона камня и слабо различимы. Фигуры двух козлов и хищников рядом с ними, а также незаконченное изображение животного (?) справа выполнены частыми, не очень глубокими выбоинами средней величины. Остальные изображения нанесены более редкими, поверхностными выбоинами. В целом все рисунки сюжетно и стилистически соотносятся с периодом возможного создания херексура, учитывая то, что крайние изображения композиции было бы невозможно нанести на камень после сооружения ограды, так как этому мешали бы валуны, расположенные рядом [Тишкин, Мухарева, 2011].

В урочище Хошоотийн зааг, которое находится на правом берегу Буянта (рис. 1), зафиксирована цепочка из четырех херексуров. На самом южном кургане лежал «оленный» камень (рис. 16). Место его обнаружения имеет такие географические координаты: N – 47° 53.144' – E 91° 27.821' (высота над уровнем моря 1619 м). Параметры изваяния следующие: длина – 1,22 м, ширина в центре – 0,26 м, толщина – 0,3 м. Несмотря на то, что для «оленного» камня был подобран

не совсем удачный гранитный блок, все же верхняя часть оформлена соответствующим образом (имеет характерную скошенность). Расположение трех косых линий, зафиксированных на длинной грани, отражает такую же особенность, что и на предыдущем «оленном» камне их урочище Улаан худаг. Кроме этих изображений, имеются две серьги, выбитые на противоположных сторонах скульптуры.

«Оленные» камни из Хошоотийн заага-I и Улаан худага-I схожи между собой и отражают своеобразную специфику. Главная особенность, наряду с серией других, заключается в отсутствии изображений предметов вооружений, явно олицетворявших воинов. Возможно, что эти скульптуры демонстрируют другие этносоциальные и/или половозрастные показатели погребенных предков.

Следующий обследованный комплекс памятников называется Ямаат Улаан. Он находится в 10 км по дороге от г. Ховда на левом берегу Буянта (рис. 1). В 2000 г. изучение археологических объектов в этом месте предприняла группа исследователей из Санкт-Петербурга, Барнаула и Ховда [Батмунх, 2008, с. 9]. Позже Ч. Мунхбаяр и Ю.И. Ожередов во время обследования долины Буянта сфотографировали памятники, отметили их на карте. Состоялась публикация полученных сведений, в том числе о зафиксированных изваяниях [Ожередов, 2012].

Участниками Буянтской экспедиции археологические объекты в урочище Ямаат Улаан обследовались и изучались в августе 2010 г. Там находится стоящий «оленный» камень с серией изобразительных реалий. Географические координаты его расположения такие: N – 48° 04.896' – E 91° 40.638'. Высота над уровнем моря – 1348 м. «Оленный» камень вкопан лицевой частью на юг–юго-восток (рис. 17). К северу от него в 0,55 м располагается каменная оградка из нескольких плит размерами 1,2x1,12 м и высотой не более 0,1 м. Высота «оленного» камня над современной поверхностью – 1,32 м. Ширина этого обелиска – 0,49 м, толщина – 0,22 м. На нем зафиксированы такие изображения: «диадема», кинжал (длиной 15 см), горит с луком, две серьги диаметром по 10 см, чекан с рукоятью (длиной 22,5 см). Особенностью данного изваяния являлось наличие пояса шириной 4 см (рис. 17). В 2010 г. «оленный» камень был скопирован с помощью микалентной бумаги. Осуществлена всесторонняя фотофиксация данного объекта. Следует отметить, что изученное изваяние уже давно известно в научной литературе [Батмунх, 2000; 2008; и др.]. Однако детального и системного рассмотрения всех имеющихся реалий и соотнесение их с многочисленными археологическими материалами до сих пор не осуществлено. Следует еще раз отметить, что представленный «оленный» камень имеет ряд специфических особенностей.

Возле Ховдского краеведческого музея (в ограде) стоят два «оленных» камня [Батмунх, 2008, т. 68], которые, как выяснилось, были туда доставлены в 1970-е гг. из урочища Элсэн толгой. В 2010 г. эти изваяния были

Рис. 17. «Оленный» камень на памятнике Ямаат Улаан (фото микалентной копии)

Рис. 18. Элсэн толгой. «Оленный» камень №1 у музея (фото микалентной копии)

кан и кинжал расположены на одной плоскости (рис. 20). Длина изображенного кинжала оказалась 15,5 см. Рукоять чекана имеет длину 11,5 см, а боек – 5 см. Лук и горит изображены маленькими (общая длина всего около 18 см).

На некоторых выбитых изображениях обоих изученных «оленных» камней сохранились следы красной краски.

Обследовалось также место, где ранее предположительно стояли эти изваяния (рис. 1). Оно представляет собой небольшую возвышенность в окрестностях г. Ховда

впервые скопированы на микалентную бумагу. Отдельные изображения также дублировались еще с помощью прозрачной пленки и фломастеров. Кроме того, осуществлена многоплановая фотофиксация и сделано описание скульптур. По словам директора музея Х. Бямбасурена, первый «оленный» камень (рис. 18) закопан в землю примерно на 60 см. Из-за того, что изваяние тащили волоком, верхняя часть оказалась отбита, а часть стороны стерта. Фотографий первоначального местонахождения нет. Этот «оленный» камень возвышается над асфальтированной поверхностью на 1,94 м (рис. 18). Ширина его в центре – 0,33 м, у основания – 0,4 м, вверху – 0,3 м. Толщина у основания – 0,14 м, в центре – 0,26 м, вверху – 0,25 м. На нем имеется множество изображений, среди которых доминируют олени (длина одного из них (нижнего) – 1,1 м). Предметы вооружения представлены кинжалом (длина – 22,5 см), чеканом (рукоять длиной 0,35 см, боек – 0,11 см), щитом (высота – 0,21 м, ширина у основания – 17 см, а вверху – 19,5 см), луком в горите (длиной 30 см) (рис. 19). С левой стороны сохранилась серьга диаметром 11 см. Кроме всего, зафиксировано изображение лошадки длиной 11 см.

Второй «оленный» камень (рис. 20), стоящий слева от входа сохранился лучше. Он сделан из крупнозернистого гранитного блока. Его высота над современной поверхностью – 1,44 м, ширина – 0,28 м, толщина – 0,17 м. Вверху фиксируются две серьги диаметром по 11,5 см. Ширина их кольцевой выбивки составляет около 1 см. Три косые линии располагаются традиционно. Их параметры одинаковые – длина 10 см, ширина – 1 см. Ожерелье продемонстрировано выбитыми лунками размерами 4х3 см. Чекан и кинжал расположены на одной плоскости (рис. 20). Длина изображенного кинжала оказалась 15,5 см. Рукоять чекана имеет длину 11,5 см, а боек – 5 см. Лук и горит изображены маленькими (общая длина всего около 18 см).

Рис. 19. Элсэн толгой. Изображение горита с луком на «оленном» камне №1 (фото фрагмента микалентной копии)

(к востоку от центра). Географические координаты его такие: N – 47° 59.435' – E 91° 40.207'. Высота над уровнем моря 1446 м. Никаких археологических объектов там не обнаружено.

В ходе дальнейшего осмотра ближайших к Ховду херексуров найден крупный обломок «оленного» камня (географические координаты N – 47° 59.271'; E – 91° 39.346', высота над уровнем моря 1420 м). Его длина 1,18 м, ширина – 0,43 м, толщина – 0,38 м. На обломке имелось изображение серьги диаметром 12 см, шириной около 1 см (рис. 21). В связи с тем, что объект находился на дороге и в аварийном состоянии, то его доставили в музей Ховдского государственного университета. Размеры находившегося рядом херексура такие: диаметр 42 м, высота 2 м. Географические координаты центра насыпи следующие: N – 47°59.269'; E – 091°39.393'.

Изваяния, зафиксированные в долине Буянты, исходя из их месторасположения и оформления, отражают памятники, установленные над гробницами реальных людей, имевших разный социальный статус в обществе ранних кочевников. Данная традиция появляется в Центральной Азии в предскифское и «раннескифское» время и широко распространилась в ходе миграционных процессов [Савинов, 1994]. Несмотря на известную условность при оформлении «оленных» камней евразийского типа, все же эти скульптуры обладают существенным информационным потенциалом, который до конца еще не исчерпан, и предстоит дальнейшая многоаспектная научно-исследовательская работа [Ковалев, 2000; Марсадолов, 2004; Ольховский, 2005; и др.].

В заключение необходимо отметить важный момент, касающийся связи «оленных» камней с определенным типом херексуров и их первоначальным положением [Савинов, 1994; Волков, 2002; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007; и др.]. Необходимо указать, что большинство изваяний смещено с первоначального места их расположения. Но исследователями уже отмечено, что они часто устанавливались в центре курганных насыпей. Этот показатель с каждым годом наполняется объективными данными. Об этом, в частности, свидетельствуют изваяния, зафиксированные в долине Буянты на памятнике Баян булаг-I. Важно отметить, что «оленные» камни могли выступать социальными маркерами людей, погребенных в херексурах. Приведенные примеры таких скульптур отличаются не только изображенными реалиями, но и оформлением. В научной литературе сформировалась устойчивая точка зрения, что изваяния отражают реализацию идеи героя-воина. В какой-то мере это действительно так. Однако выявленные многочисленные «оленные» камни демонстрируют нам более разнообразный и существенный срез представлений древних кочевых социумов. Они являются хорошими маркерами, демонстрирующими различные отношения к предкам. Имеются обелиски с атрибутами вождей и предводителей, о чем

Рис. 20. Элсэн толгой. «Оленный» камень №2 у музея (фото микалентной копии)

Рис. 21. «Олений» камень, обнаруженный на окраине г. Ховда

свидетельствуют параметры скульптур, а также изображения поясов, предметов вооружения, деталей одежды, украшений и др. При этом значительное количество «оленных» камней отражают более «скромный» спектр изобразительных показателей. И, наконец, надо отметить, что без знания монгольских материалов трудно понимать археологию ранних кочевников других сопредельных территорий.

Библиографический список

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Капелько В.Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов (открытие и разработка метода) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИИФиФ СО РАН, 1986. С. 105–111.
- Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 138–179.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 99–105.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 104–117.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- Марсадолов Л.С. Артели мастеров по камню // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. СПб.: С-Петербург. ун-т, 2004. С. 283–289.
- Миклашевич Е.А. Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 214–232 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII).
- Ожередов Ю.И. Антропоморфные каменные изваяния у горы Хотын-Хойт-Улан (к археологической карте Ховдского аймака) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 211–214.
- Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.: 156 ил.
- Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Уюке // ALTAICA. 1993. №3. С. 21–31.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1994. 208 с.
- Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–54.

Тишкин А.А. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 489–492.

Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 382–387.

Тишкин А.А. «Оленные» камни в долине Буянта (Западная Монголия) // Туухийн товчоон. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2009. Т. IV. С. 97–104 (на рус. яз.).

Тишкин А.А. «Оленные» камни Западной Монголии как отражение культа предков и вождей: результаты изучения археологических объектов в долине Буянта // Культ предков, вождей, правителей и отражение его в погребальном обряде. М.: Ин-т археологии РАН, 2010. С. 32–33.

Тишкин А.А. «Оленные» камни в долине Бодонча (Монгольский Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 256–265.

Тишкин А.А. Изображения предметов вооружения на «оленных» камнях Монгольского Алтая // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. М.: Ин-т археологии РАН, 2012. С. 28–29.

Тишкин А.А., Мухарева А.Н. Петроглифы на камнях из курганных сооружений (по материалам исследований в Монгольском Алтае) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 560–564.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсурен Л., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археологические и социозтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 107–114.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч. Плановые археологические обследования в долине Буянта (Западная Монголия) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 67–73.

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 165–167.

Турбат Ц. Оленные камни Западной части Монгольского Алтая // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск: Томск. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 223–233.

Батмөнх Б. Ховд аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2000. 160 т. (на монг. яз.).

Батмөнх Б. Монгол Алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2008. 141 т. (на монг. яз.).

A.A. Tishkin

IDENTIFYING, DOCUMENTING AND STUDYING «DEER» STONES IN THE BUYANT VALLEY (Mongolian Altai)

During regular archaeological inspections in the Buyant valley (Hovd's tributary, Western Mongolia) a series of «deer» stones were found. Some of these sculptures were known before, and the data are already published. However, a number of peculiar sculptures were found by the author of the article for the first time. While documenting the sculptures we faced with the problems of reliable recording of the images as well as the obelisks. The up-to-date equipment and various techniques of copying were involved in the process. In the course of research it's important to understand the connection between the sculptures and a concrete archaeological complex. In this case the excavation of untouched barrows could become representative. However such cases are not known. The Buyant Russian-Mongolian expedition started the research of khereksur in the site Ulaan hudag-I, but the work has not been completed yet. The «deer» stone found near the fence differs from the majority of similar sculptures due to the lack of the arms items. Several «deer» stones were found on the embankment of one of the large khereksur in the natural boundary Bayan bulag. The traces of red paint used for filling the beaten-out images are visible on two of them. The article presents the summary of other findings and the results obtained.

Keywords: The Mongolian Altai, expedition, archaeological complex, «deer» stone, the Buyant river, documenting, copying technique, photofixing, images, khereksur, ritual complex, mapping, arms objects.

О ВОЗМОЖНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ «РОГАТЫМ» ЛОШАДЯМ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскопками на Алтае памятников пазырыкской культуры скифо-сакского времени была выявлена целая серия изделий из органических материалов уникальной сохранности. Среди них выделяются конские маски-оголовья, «превращавшие» коня в рогатое животное – оленя, козла, грифона. Вопросам семантики древних маскированных лошадей посвящена обширная литература, имеется несколько графических реконструкций. Сопоставление масок, зафиксированных в пазырыкских курганах, с некоторыми артефактами и изобразительными комплексами, обнаруженными на территории от Китая до Британских островов, позволяет предполагать наличие на огромных пространствах Евразии в середине – 2-й половине I тысячелетия до н.э. каких-то мифов, персонажами которых выступали всадники верхом на рогатом животном. Вероятная героическая составляющая таких мифов делала их особенно актуальными в эпоху раннего железа, когда роль воина-вождя-героя действительно была велика. Осуществляемая интерпретация позволяет раскрыть отдельные стороны мировоззрения древних народов. Существенную помощь в этом процессе могут оказать не только материалы соседних территорий, но и весьма отдаленных регионов.

Ключевые слова: Алтай, эпоха раннего железа, пазырыкская культура, конские маски-оголовья, изображения «рогатого» коня.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-05

В ряду уникальных изделий из органических материалов, сохранившихся благодаря вечной мерзлоте в курганах урочища Пазырык на Алтае, особое место занимают великолепные конские маски-оголовья, документирующие существование у носителей пазырыкской культуры ритуальной практики маскирования коня в рогатое животное. Вопросам семантики маскированных лошадей посвящена обширная литература. По-видимому, эта практика основывается на широко распространенной в древности традиции считать диких животных более сакральными по сравнению с домашними (см.: [Черемисин, 2005]). Следует отметить, что исследователи основное внимание уделяют материалам именно Пазырыкских курганов и, прежде всего, самой, пожалуй, эффектной находке этого типа – оголовью коня №10 из кургана I, имитирующему рога оленя [Руденко, 1953, табл. LXXI-1; рис. 1].

Бестиарий превращений коня в рогатое животное довольно разнообразен: раскопки I, II, III и V Пазырыкских курганов дали конские оголовья с изображением рогов или головы оленя, рогатого львиного грифона, головы барана [Руденко, 1953, табл. LXXI, LXXII]. Последовавшие впоследствии

Рис. 1. Конская маска-оголовье из I Пазырыкского кургана (по: [Руденко, 1953])

Рис. 2. Маскированный конь из 11 Берельского кургана. Реконструкция (по: [Im Zeichen..., 2008])

народов (см.: [Черемисин, 2005, с. 131]). Некоторые данные не исключают возможности включения в зону распространения этой традиции и территории Центральной и Западной Европы.

Простая констатация наличия традиции маскирования коня в рогатое животное вызывает ряд вопросов. Как воспринимали древние коня в оголовье? Именно как рогатого коня или, по их представлениям, он полностью перевоплощался в оленя, козла, барана, быка? Какова была функция этих маскированных лошадей или их перевоплощений? Обычные жертвы? «Проводники» в потусторонний мир? Транспортные животные? Если «да», то какие – верховые или тягловые? Имеющиеся в нашем распоряжении данные допускают (подразумевают?) разные варианты ответов на эти вопросы.

Рис. 3. Всадник верхом на олене. Петроглифы Семиречья (по: [Марьяшев, 1979])

открытия в I Туэктинском, II Башадарском и 11 Берельском курганах добавили в этот список горного козла [Руденко, 1960, табл. XXXVIII, LXIX, LXX; Samašev u.a. 2002, Abb. 27; рис. 2]. Материалы же петроглифов Центральной Азии не только добавили сюда быка, но вместе с крылатыми конями с рогами горного козла, украшавшими кулах вождя из Иссыка, распространили эту традицию и на племена сакского круга [Черемисин, 2005, с. 131–132; Акишев, 1978, с. 18, рис. 9]. Отголоски этой же традиции фиксируются у европейских скифов [Кузьмина, 1977, с. 104] и в материалах этнографии тюрко-монгольских

народов (см.: [Черемисин, 2005, с. 131]). Некоторые данные не исключают возможности включения в зону распространения этой традиции и территории Центральной и Западной Европы.

Судя по оснащению, конь с рогами оленя из I Пазырыкского кургана был животным верховым. В этом случае пазырыкский вождь мог восприниматься соплеменниками как всадник, оседлавший оленя. Подобный сюжет – всадник

верхом на олене – неоднократно встречен в искусстве древних культур, территориально достаточно удаленных друг от друга. В петроглифах Семиречья известна сцена, изображающая всадников на лошадях, лучников, крупных оленей и всадника верхом на олене. Датируется она в пределах сакского или тюркского времени [Марьяшев, 1979, с. 224–227, рис. 14; рис. 3]. Любопытную аналогию ей мы наблюдаем далеко на Западе, в Германии. На погребальной урне, обнаруженной в Лазе (земля Шлезвиг-Гольштейн), процарапана схематическая композиция, в которую, помимо зигзагообразного орнамента и непонятной фигуры в виде песочных часов, входят стреляющий стрелок из лука,

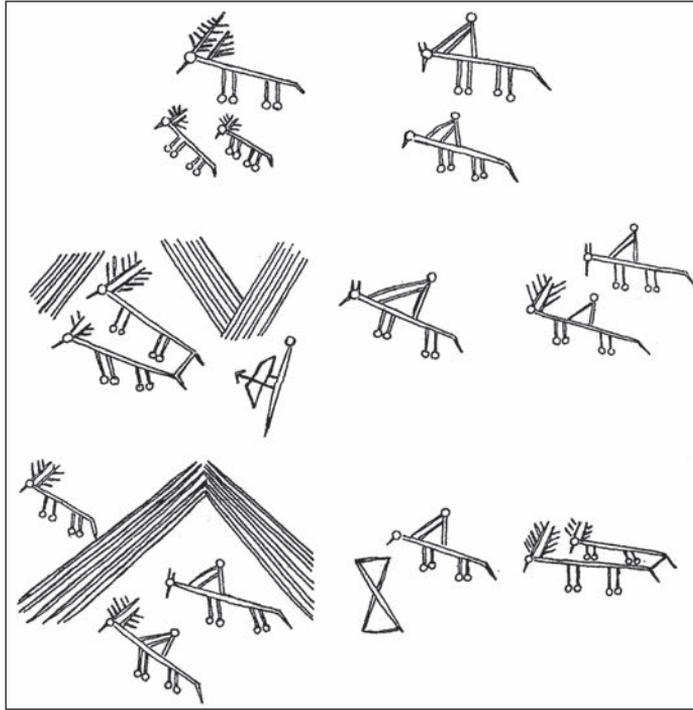

Рис. 4. Рисунок на погребальной урне из Лазе (по: [Vajda, 1968])

восемь безоружных всадников, шесть из которых на лошадях, два на оленях и еще восемь оленей без всадников. Четыре из них объединены в две пары, состоящие из более крупного и более мелкого животного. В области хвоста они соединены между собой короткой линией. То, что рисунок нанесен на погребальную урну, делает предположение, что это иллюстрация какого-то мифа, наиболее предпочтительным. Обычно урну относят к лаузитской культуре, хотя нельзя полностью исключать и ее датировку эпохой латена [Vajda, 1968, S. 340–343, Abb. 8.-2; рис. 4].

Многочисленны композиции с участием всадников на оленях и в широко известном скоплении петроглифов в Валькамонике на территории Ломбардии. Исследователи связывают эти композиции с культурой кельтов. Всадники на оленях, как правило, вооружены, в ряде случаев их изображения итифалличны, иногда в композицию входят и «пляшущие человечки» (кстати, упомянутый всадник на олене из Семиречья тоже выбит рядом с «хороводом»). По крайней мере в одном случае у оленя показан очень пышный хвост, что невольно наводит на мысль о маскированном коне [Anati, 1961, p. 169, 171; Botheroyd, 2004, S. 161, 342–344; рис. 5].

Можно упомянуть и золотые серьги конца IV в. до н.э. из некрополя Нимфея и золотое кольцо из коллекции Харари, на которых верхом на олене в посадке амазонки скачет Артемида с факелом [Williams, Ogden, 1994, p. 173–174; рис. 6], и изображения Дианы с копьем верхом на олене на римских глиняных лампах начала н.э. [Die Unsterblichen..., 2012, S. 128, Abb. 9.-8)].

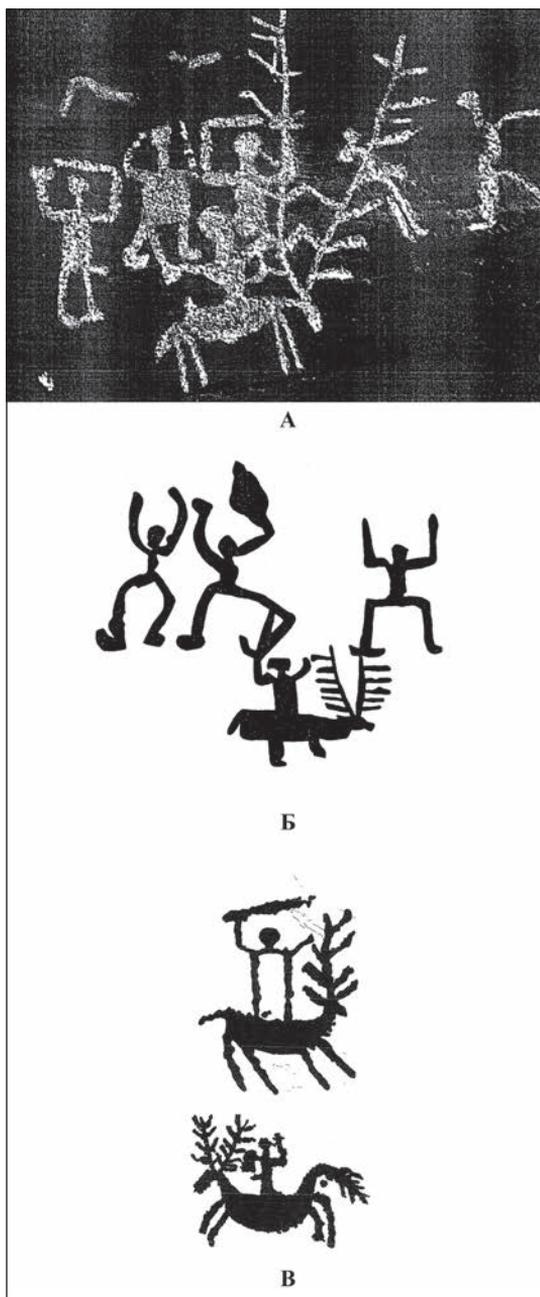

Рис. 5. Всадники верхом на оленях.
Петроглифы Валькамоники
(по: [Anati, 1961, А, Б; Botheroyd, 2004, В])

здесь было большое количество ям со множеством артефактов, в том числе с черепками с посвятельными (?) надписями греческими буквами и фрагментами железной скульптуры коня. Рядом с ямами был спрятан «клад» из шести золотых монет в бронзовом «порт-

Есть, наконец, и свидетельства существования каких-то обрядов или ритуалов с участием реальных оленей в упряжи. Так, в могиле 34 раннелатенского могильника в Вильнёв-Ронвий (деп. Марн, Франция) захоронен олень в удилах. Животное было убито ударом в голову. Есть несомненная связь этого захоронения с могилой воина высокого социального ранга и есть все основания говорить, что это – погребальная жертва [Pauli, 1983, S. 468–479, Abb. 4; Birkhan, 1997, S. 703–704; рис. 7].

Погребение взнузданного оленя может помочь в интерпретации еще одной находки. При добыче галечника со дна Дуная около г. Пфальхайм (земля Баден-Вюртемберг, ФРГ) были подняты великолепной работы биметаллические ажурные удила, надежно датируемые раннелатенским временем. Сама по себе эта находка не является экстраординарной: для кельтов вообще были характерны жертвоприношения в водные источники. Интерес вызывают размеры удил. Даже с учетом того, что лошади кельтов были меньше современных, они слишком малы для коня, но сопоставимы по размеру с удилами из погребения оленя во Франции [Pauli, 1983, S. 459–468, Abb. 1].

Не исключено, что в один ряд с этими находками можно поставить и любопытное граффити на керамике, найденное при исследовании известного кельтского оппидума Манхинг (земля Бавария, ФРГ). Речь идет о крупном фрагменте сосуда в форме ситутлы, который можно датировать среднелатенским временем. Он залегал в средней части оппидума, на участке, который имел, видимо, какое-то культовое назначение:

моне». Интересующий нас фрагмент располагался в нижней половине сосуда, дно и придонная часть которого утрачены. На нем в профиль показан галопирующий вправо олень. Рисунок выполнен довольно схематично и небрежно, нечетко прорисованы рога, нет ушей, зигзагообразной линией передана грива, отсутствующая у реального оленя, но типичная для мифических зверей кельтов. Есть подозрение, что автор этого граффити попытался показать крыло с оперением. Голова, область шеи

Рис. 6. Артемида на олене. Золотые серьги из Нимфея (по: [Williams, Ogden, 1994])

и грудь оленя заполнены спиралевидными линиями. Четко прорисованный кружок в уголке рта очень сильно напоминает изображение удила [Krämer, 1996; рис. 8]. Автор публикации этого фрагмента считает маловероятным, что здесь изображен взнузданный олень, так как в этом случае должны быть показаны еще и псалии. Однако при общей схематичности и небрежности рисунка это возражение не выглядит убедительным.

Петроглифы и рисунок на погребальной урне свидетельствуют о том, что в середине – 2-й половине I тыс. до н.э. на огромных пространствах Евразии были актуальны какие-то мифы, персонажами которых выступают всадники верхом на оленях (воины или охотники). Широко распространенная в древности практика героизации племенных вождей требовала их отождествления с мифологическими персонажами с использованием обыгрываемых в мифе аксессуаров и атрибутики. При жизни вождя это отождествление проявлялось в ритуалах с участием маскированных лошадей или взнузданных оленей либо в тиражировании предметов, подчеркивающих его высокий социальный статус. Так, лошадь с головой оленя есть на серии серебряных монет середины I в. до н.э. с надписью VIATEC, кото-

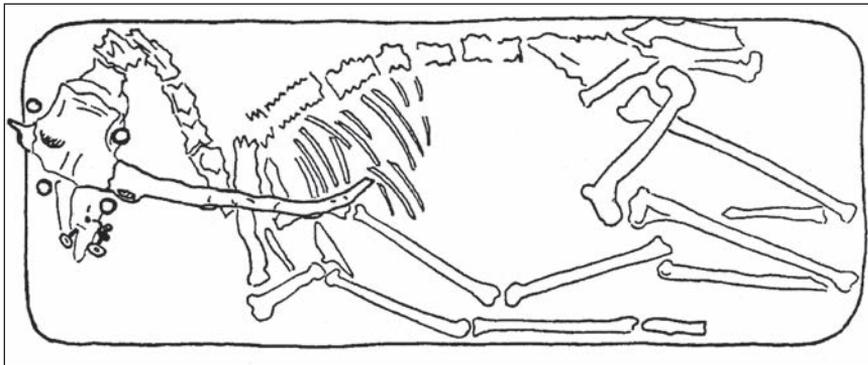

Рис. 7. Погребение оленя в удилах в Вильнёв-Ронвий (по: [Pauli, 1983])

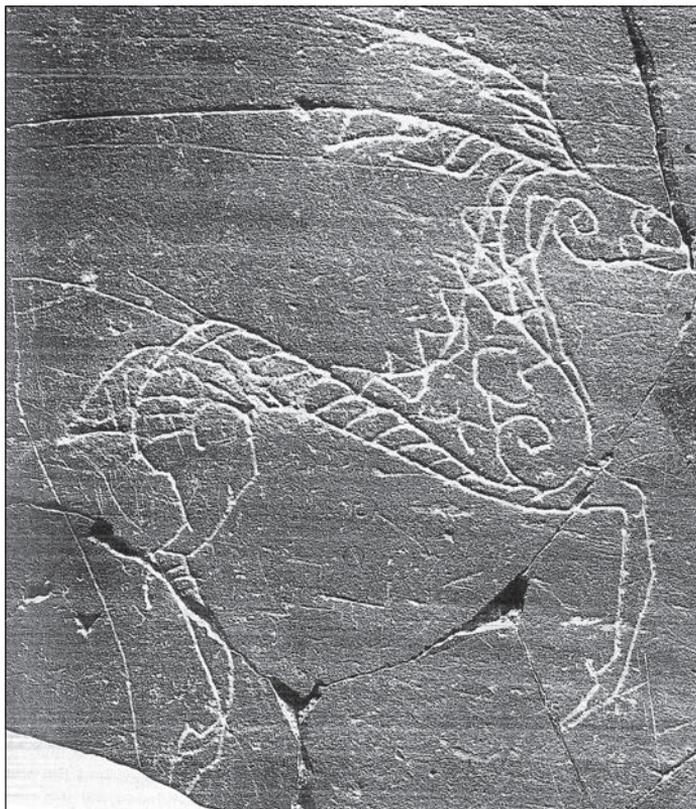

Рис. 8. Граффити из Манхинга
(по: [Krämer, 1996])

животных. Эта роль, возможно, отводилась двум коням, на оголовьях которых были закреплены вырезанные из дерева головы оленя с кожаными рогами. Но олени, запряженные в повозку, – еще один сюжет древнего искусства, известный в разных районах евразийского континента. Олени влекли повозку в петроглифах Чулуута (Монголия) [Новгородова, 1984, с. 66–67, рис. 22], они впряжены в двухколесную повозку с крышей на парных бронзовых бляхах поясной гарнитуры из Северного Китая. Бляхи эти изображают схватку вооруженного мечом воина и его собак с каким-то демоном [Nomadic Art..., 2002, p. 111–112, №81; рис. 9]*. В захоронении в Ханларе (Южное Закавказье) обнаружена реальная ритуальная повозка с возницей, вместе с которой была погребена пара благородных оленей [Гуммель, 1992]. Повозка или колесница – характерный атрибут богов Эллады. «Движителями» этих античных «транспортных средств» выступают посвященные богам животные (реальные или мифологические) и даже птицы и рыбы [Preston, 1997, S. 221–222]. У греков олень был посвящен Артемиде. Однако, помимо колесницы Артемиды, возницей которой мог быть ее брат Аполлон [Hofkes – Brukker, 1975, S. 60–61; рис. 10], его можно видеть влекущим упряжки, которыми правят Ника [Sammlung James Loeb. ..., 2009, S. 79, №31; рис. 11] или менада [Sotheby's..., 1988, p. 114–115, №180]. На римской «мозаике Вакха» из Трира ко-

* Известен и «урезанный» вариант этой бляхи – с изображением только повозки [Ewig Monumente, 2007, S. 284].

рые чеканились кельтским племенем бойев (Богемия и Южная Словакия) [Allen, 1980, p. 52–53, pl. 7]. После смерти вождя эти ритуальные животные приносились в жертву: были убиты маскированная лошадь из Пазырыка и взнузданный олень из Вильнёв-Ронвий; находка удила в Дунае тоже говорит о том, что их переправили в «нижний» мир, мир мертвых. Олень с удилами (?) из Манхинга изображен в нижней части сосуда, что также может свидетельствовать об адресованности жертвы в потусторонний мир.

Маскированные кони были погребены и в V Пазырыкском кургане, среди инвентаря которого имелась разобранная повозка. Наличие повозки подразумевает и наличие тягловых

лесница, запряженная парой оленей, включена в свиту этого бога [Parlasca, 1959, S. 40–41, Taf. 40.-1, 41.-1], а на фресках Помпей такими же колесницами правят купидоны [Magagnoli, de Luca, 2010, S. 110–111, 124–125]. Наконец, олень, запряженный в повозку, отчеканен на реверсе одной из монет кельтского племени аллоброгов [Birkhan, 1997, S. 703–704].

Рис. 9. Бляхи поясной гарнитуры из Северного Китая (по: [Nomadic Art..., 2002])

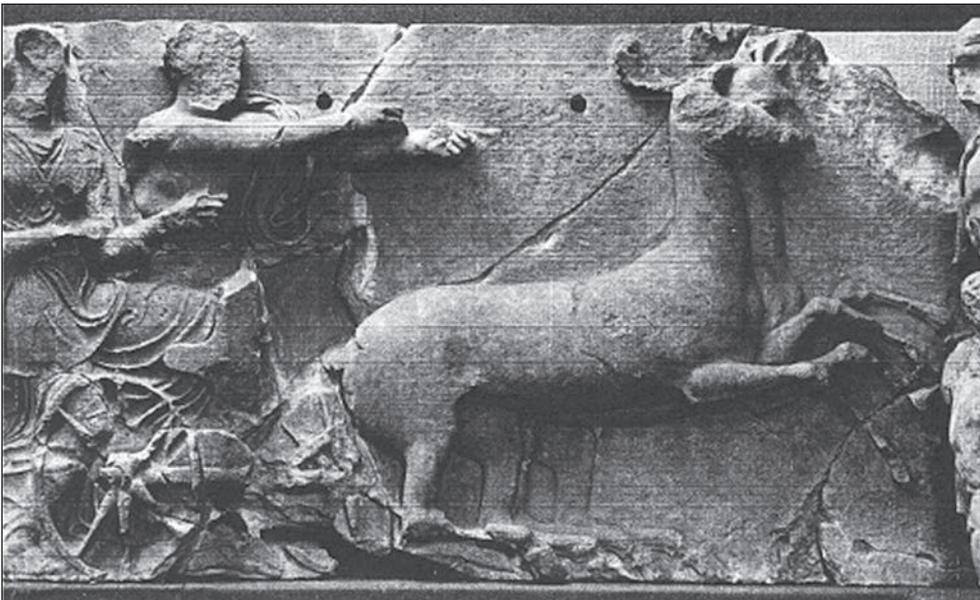

Рис. 10. Артемида и Аполлон в сцене кентавромахии на фризе храма Аполлона Эпикурейского в Бассах (по: [Hofkes – Brukker, 1975])

Артемида, Аполлон, Дионис-Вакх и члены его фиаса, купидоны – все это мифологические персонажи, так или иначе связанные с идеей плодородия. С другой стороны, повозка, запряженная оленями, – на кельтской монете, на китайских бляхах – со сценой борьбы воина и демона или везущая крылатую богиню Победы – на античном бронзовом сосуде, оказывается включенной в контекст какого-то повествования, возвеличивающего военного вождя или героя. Показательно, что практически все эти материалы датируются ранним железным веком, временем, когда вождь или царь оли-

в отличие от оленя, не играл сколь-нибудь серьезной роли. И ту нишу, которую в мифологии и ритуальной практике индоевропейских племен Центральной Азии занимали связки: конь–олень, конь–козел и конь–бык, у индоевропейцев Западной Европы занимали только конь–олень и конь–бык.

Рисунки животных, сочетающих признаки лошади и быка, известны в центральноазиатских петроглифах. В Чулууте это рогатые кони (см.: [Черемисин, 2005, с. 132]), на перевалах Каракорума, напротив, показан коленапроклоненный бык с лошадиной гривой [Zwischen Gandhra..., 1985, S. 13–15, Ph. 5, Taf. 4]. Можно думать, что в этих случаях мы имеем дело с жертвенными животными. Однако эти мифологические существа могли быть и действующими лицами каких-то героических сказаний. Основания для такого утверждения дает ряд интересных находок, сделанных в Колхиде, Фракии, Скифии, Сирии и на территории, населенной племенами кельтов.

Могила №9 некрополя Вани (3-я четверть IV в. до н. э.) из-за богатства и разнообразия погребального инвентаря, включавшего повозку, античные импорты и многочисленные и разнообразные предметы вооружения, получила обозначение – «могила знатного воина». Погребенному принадлежало и множество золотых и серебряных перстней-печаток. На щитке одного из них – скачущий влево всадник в доспехах и шлеме с копьем или дротиком в занесенной для удара или броска правой руке. К шее лошади подвешена отрубленная бородатая голова, а между ее ушей изображен бычий рог [Medeas Gold, S. 78–85; рис. 12].

Примерно этим же временем датировалось фракийское погребение в Вазово, к сожалению, пострадавшее от грабительских раскопок. От его инвентаря сохранились золотые протомы и фрагмент крыла фантастического коня (по-видимому, это все, что осталось от типичного для фракийских древностей ритона). Отличительный признак этого «Пегаса» – тоже бычий рог между ушей [Thracian Gold..., 1998, p. 136–137, cat. 61; рис. 13].

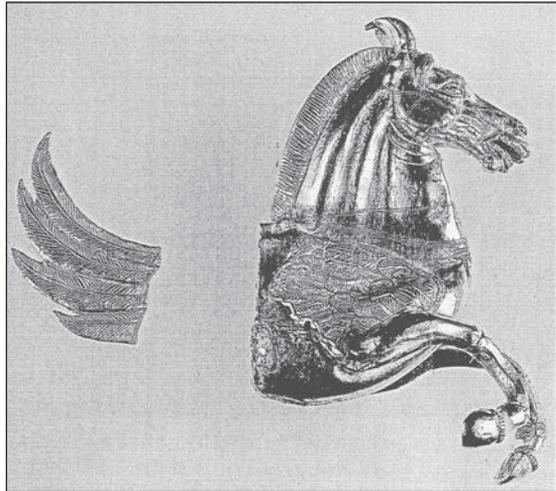

Рис. 13. Фрагменты золотого ритона из Вазово (по: [Ancient Gold..., 1998])

Рис. 14. Серебряная тетрадрахма Селевка I Никатора (по: [Franke, Hirmer, 1964])

Рис. 15. Серебряная кельтская монета из Манхинга (по: [Egger, 1989])

верхового коня царя, украшенной бычьими рогами или рогами и перьями. По мнению исследователей, эти рога символизируют божественную мощь [Franke, Hirmer, 1964, S. 150–151, Taf. 204; Göbl, 1978, S. 170, Taf. 64, №1171; Alföldi, 1978, S. 112; рис. 14].

Для серии маленьких серебряных кельтских монет типа Манхинг характерно очень грубое изображение человеческой головы на аверсе и лошади на реверсе. На общем фоне выделяется экземпляр, обнаруженный на одноименном оппидуме. Считается, что это единственная монета данного типа с изображением на реверсе быка, хотя и отмечается при этом, что его корпус практически повторяет лошадиный, как он подается на других монетах этой серии. Более того, характерными ямками резчик показал даже гриву на шее животного. Единственное сходство с быком ему придают рога с шариками на концах, что очень типично для металлопластики кельтов [Egger, 1989; рис. 15]. По всей видимости, это просто еще один вариант рогатого коня.

Монета из Манхинга может помочь интерпретировать еще одну кельтскую находку. В 1-й трети XIX в. при торфоразработках в одном из озер Шотландии был обнаружен бронзовый орнаментированный предмет – нечто среднее между маской и наголовником коня.

Рис. 16. Маска-оголовье из Шотландии («Pony cap») (по: [Kunst der Kelten..., 2009])

Стоит упомянуть в связи с этим и золотой конский налобник из скифского Александропольского кургана в форме головы лошади с характерным рогообразным выступом между ушей [Im Zeichen..., 2007, S. 255].

Развитие этой традиции ярко проявилось в монетном чекане государства Селевкидов 1-й половины – середины III в. до н.э.: на серебряных тетрадрахмах Селевка I Никатора и Антигона II Теоса помещено изображение головы

Издали он напоминает маску с рогами. Из-за маленьких размеров он не подходит для обычной лошади, поэтому за ним закрепилось полушутливое название «Pony cap». Изделие считается шедевром кельтского искусства Британских островов, и вместе с тем оно демонстрирует несомненные связи с искусством кельтов материковых. Изготовили его около 200 г. до н.э. Рядом с ним было два бронзовых рога с надетыми на концы утиными головками. К сожалению, «Pony cap» имеет повреждение в области лба, из-за чего закрепление рогов на оголовье (продукт творчества реставраторов) вызывает у ряда специалистов определенные сомнения [Kunst der Kel-

ten..., 2009, S. 230–231, Abb. 306; Birkhan, 1997, S. 703–704; рис. 16]. Однако и маска, и рога, помимо того, что они обнаружены в непосредственной близости друг от друга, сделаны из одного и того же материала, одной и той же техникой и украшены практически в идентичной манере. Допущение, что рога могли быть ритонами, неубедительно из-за их слишком маленького размера. Думается все-таки, что предложенная реставрация «Pony cap» достаточно убедительна, а то, что она была найдена в озере, может поставить ее в один ряд с находкой удил в Дунае и с граффити из Манхинга. Возможно, мы имеем в этих случаях примеры принесения в жертву рогатых лошадей героизированному умершему, и повреждения маски из Шотландии могут быть следами широко распространенной у кельтов практики ритуальной порчи предметов.

Очевидно, ритуальная практика превращения коня в рогатое животное и мифологические представления, связанные с существованием рогатых лошадей и семантических эквивалентов конь-олень, конь-бык, конь-козел, были распространены чрезвычайно широко и были характерны для идеологии не только кочевников Евразии, но и их соседей – оседлых земледельцев и скотоводов. Героическая составляющая некоторых мифов с участием рогатого коня делала их особенно актуальными в I тыс. до н.э., когда роль воина-вождя-героя была особенно велика. И при интерпретации подобных сюжетов и связанных с ними находок могут оказать существенную помощь не только материалы соседних территорий, но и весьма отдаленных регионов.

Библиографический список

- Акишев К.А. Курган Иссык. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Гуммель Я.И. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // ВДИ. 1992. №4. С. 5–15.
- Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977. С. 96–119.
- Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Звери в камне. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1979. С. 211–229.
- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 167 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с., табл.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 359 с., табл.
- Черемисин Д.В. О семантике маскированных рогатых лошадей пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №2 (22). С. 129–140.
- Alföldi M.R. Antike Numismatik. Teil 1 // Kulturgeschichte der antiken Welt. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1978. Bd. 2. 218 S.
- Allen D.F. The Coins of the Ancient Celts. Edinburgh: University Press, 1980. 265 p.
- Anati E. Camonica Valley. N. Y.: Ed. Alfred A. Knopf, 1961. 262 p.
- Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. N. Y.: Harry N. Abrams, Inc. Publishers, 1998. 255 p.
- Birkhan H. Kelten. Versuch einer Gesamtdarstellung ihrer Kultur. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. 1275 S.
- Botheroyd S. & P. F. Keltische Mythologie von A–Z. Wien: Tosa Verlag, 2004. 378 S.
- Die Antiken im Albertinum. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1993. 109 S.
- Die Unsterblichen Götter Griechenlands. Lindenberg im Allgäu: Kunstverlag Josef Fink, 2012. 600 S.
- Egger M. Die erste Stierdarstellung auf einer keltischen Münze aus Bayern // Das archäologische Jahr in Bayern. 1988. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1989. S. 90.
- Ewige Monumente. Grabschätze vergangener Kulturen. Wiesbaden: White Star Verlag GmbH, 2007. 432 S.
- Franke P. R., Hirmer M. Die griechische Münze. München: Hirmer Verlag, 1964. 174 S.

- Göbl R. Antike Numismatik. München: Battenberg Verlag, 1978. Bd. 2. 283 S., Taf.
- Hofkes-Brukker Ch. Der Bassai-Fries in der ursprünglich geplanten Anordnung // Hofkes-Brukker Ch., Mallwitz A. der Bassai-Fries. München: Prestel Verlag, 1975. S. 43–145.
- Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; New York: Prestel Verlag, 2008. 340 S.
- Krämer W. Figürliche Ritzzeichnungen auf Gefäßscherben Glatter Drehscheibenkeramik der Mittel- bis Spätlatènezeit // *Germania*. 1996. №74. S. 361–376.
- Kunst der Kelten. 700 v. Chr. – 700 n. Chr. Stuttgart: Belser Verlag, 2009. 304 S.
- Magagnoli A., de Luca A. Meisterwerke aus Pompeji. Prachtvolle Wandgemälde. Vercelli: White Star Verlag, 2010. 175 S.
- Medea's Gold. Neue Funde aus Georgien. Tiflis: Verlag Georgisches Nationalmuseum, 2007. 143 S.
- Neils J., Oakley J. H. Coming of Age in Ancient Greece. Images of Childhood from the Classical Past. New Haven and London: Yale University Press, 2003. 333 p.
- Nomadic Art of the Eastern Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections. N. Y.: Yale University Press, 2002. 233 p.
- Parlasca K. Die römischen Mosaiken in Deutschland // *Römisch-Germanische Forschungen*. 1959. Bd. 23. 156 S., Taf.
- Pauli L. Eine frühkeltische Prunktrense aus der Donau // *Germania*. 1983. Bd. 61. S. 459–486.
- Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2012. 529 S.
- Preston P. Metzler-Lexikon antiker Bildmotive. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1997. 249 S.
- Samašev Z.S., Bazarbaeva G.A., Žumabekova G.S. Die «goldhütenden Greifen» des Herodot und die archäologische Kultur der frühen Nomaden im kazachischen Altai. Skythenzeitlichen Kurgane von Berel' und Tar Asu // *Eurasia Antiqua*. 2002. Bd. 8. S. 237–276.
- Sammlung James Loeb // *Forschungen der Antikensammlungen und Glyptothek*. 2009. Bd. 1. 160 S. Sotheby's. Antiquities. 11th July. 1988.
- Vajda L. Untersuchungen zur Geschichte der Hirtenkulturen // *Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München*. Herausgeber: Georg Stadtmüller. Wiesbaden: Verlag Otto Harrassowitz, 1968. Bd. 31. 648 S., Abb.
- Williams D., Ogdon J. Greek Gold. Jewellery of the Classical World. L.: British Museum Press, 1994. 256 p.
- Zwischen Gandhra und den Seidenstrassen. Felsbilder am Karakorum Highway. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985. 36 S., Abb.

F. Metz

POSSIBLE MEANINGS AND PARALLELS TO «HORNED» HORSES OF PAZYRYK CULTURE

Excavation of Pazyryk barrows in Altai dating from the Scythian-Saks time revealed a uniquely preserved series of products made from organic materials. Among them was the horse mask headband, which «turned» the horse into a horned animal e.g. deer, goat, griffin. Extensive literature is devoted to questions of the meaning of the ancient masked horses, of which there are several graphic reconstructions. Comparison of the masks found in Pazyryk barrows, to some artifacts and to pictorial complexes discovered in the territory from China to the British Isles, enables one to assume the existence of these mythical characters; horsemen riding on horned animals in the huge spaces of Eurasia in the 2nd half of the first millennium BC. This probable component of such heroic myths makes them particularly relevant to the early Iron Age, when the expectation for the role of the warrior/leader/ hero was great. Interpretation of these activities can reveal certain aspects of the worldview of ancient peoples. Materials from neighboring areas as well as from very remote regions may provide substantial assistance in this process.

Keywords: Altai, early Iron age, the Pazyryk culture, horse masks for head, images of a «horned» horse.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК903.05+903.23

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, С.П. Грушин,
К.Ю. Кирюшин, В.М. Шайхутдинов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам изучения ошлакованной керамики с поселения Павловка-I)*

В статье рассматриваются фрагменты керамики, обнаруженные на поселении Павловка-I в Угловском районе Алтайского края. Специфика данной коллекции заключается в том, что на обломках глиняных сосудов фиксируется с одной стороны орнамент, а с другой – прикипевший шлак. Это дает уникальную возможность определить культурную принадлежность и датировку выявленных остатков металлургического комплекса. Для установления химического состава шлака указанные находки изучались в лаборатории кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000). Для этого использовалась горнорудная программа анализа, имеющая высокий предел обнаружения элементов. Орнамент на ошлакованной керамике с поселения Павловка-I позволяет связать эти артефакты с елунинской археологической культурой и датировать периодом ранней бронзы (концом III – I-й четвертью II тыс. до н.э.). Исходя из зафиксированного материала сделан вывод о том, что елунинские мастера могли использовать в качестве тиглей для выплавки металла обычную керамическую посуду. Полученные результаты позволяют продолжить изучение бронзолитейного производства, следы которого обнаружены на двух базовых поселениях: Березовая Лука и Колыванское-I.

Ключевые слова: поселение, керамика, орнамент, шлак, елунинская культура, ранняя бронза, металлургический комплекс, рентгенофлюоресцентный анализ.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-06

В 1979 г. учителем местной школы Н.П. Нудных на песчаных выдувах у с. Павловка (Угловский район Алтайского края) были обнаружены каменные орудия и другие находки. Сборы подъемного материала осуществлялись на одной из разрушенных дюн. В том же году археологический объект осматривался сотрудником Алтайского государственного университета А.Б. Шамшиным. В начале 1980-х гг. окрестности с. Павловки обследовались экспедицией АлтГУ под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Результатом стала фиксация нескольких археологических комплексов, которые интенсивно разрушались сильными юго-западными ветрами. На выдувах дюн были проведены сборы многочисленного подъемного материала [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 217–218].

К настоящему времени в окрестностях рядом расположенных сел Павловка и Алексеевка зафиксированы археологические памятники (местонахождения, стоянки, поселения и могильники), датируемые от эпохи камня до средневековья [Кирюшин, Кунгурова, 1984]. Среди них своеобразным является поселение Павловка-I, которое расположено на песчаных дюнах в 1,5 км к северо-западу от одноименного села [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 219]. Оно оказалось разрушенным. Лишь на некоторых участках имелся темный

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)» (шифр №2012-1.1-12-000-3001-017).

культурный слой мощностью до 0,4 м. С поверхности дон собраны многочисленные фрагменты керамики, орудия из камня и бронзы, относящиеся к различным периодам истории [Кирюшин, Кунгурова, 1984, с. 26].

Каменные находки и часть керамики с поселения Павловка-I были введены в научный оборот Ю.Ф. Кирюшиным и Н.Ю. Кунгуровой [1984]. В ходе повторного обращения к археологической коллекции с поселения, которая в настоящее время хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, одним из авторов данной статьи был выявлен своеобразный комплекс артефактов, связанный с металлургическим производством. В него входят несколько фрагментов ошлакованных стенок керамических сосудов и два кусочка шлака. Результатам изучения этих находок и будет посвящена публикуемая статья.

Как уже выше отмечено, поселение Павловка-I находилось в аварийном состоянии. Слагаемые памятник эоловые отложения в течение длительного времени подвергались интенсивным процессам выветривания. Историческая интерпретация перемещенных материалов может быть основана только на выделении культурно-хронологических комплексов и их всестороннем изучении. Специфика находок, рассматриваемых в статье, заключается в том, что обнаруженные части «тиглей» представляют собой орнаментированные фрагменты ошлакованной керамики (рис. 1–2). Это

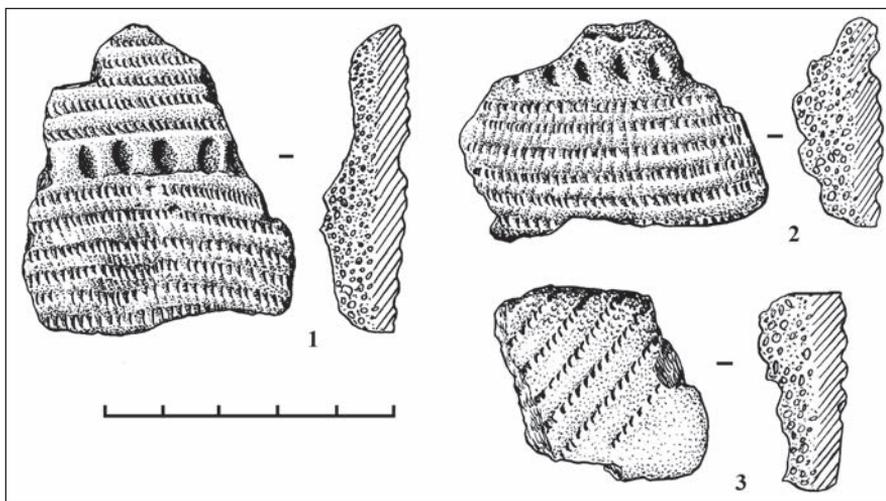

Рис. 1. Павловка-I. Орнаментированные фрагменты керамических сосудов с прикипевшим шлаком

дает возможность по технике нанесения орнамента определить культурную принадлежность и датировку коллекции, в которой присутствуют шесть таких обломков. На внутренней поверхности обломков хорошо виден слой прикипевшего ошлакованного материала мощностью 0,2–0,7 см. В некоторых случаях в нем фиксируются отдельные небольшие зеленые вкрапления металла. Внешняя сторона стенок керамики имеет яркий оранжевый цвет, местами переходящий в черный. У четырех фрагментов внешняя поверхность имеет схожий орнамент (рис. 2). Судя по технике нанесения орнамента, как минимум три из них относятся к одному сосуду. Данная керамика украшена параллельными рядами «отступающей палочки» (сочетание протаскивания и накола вы-

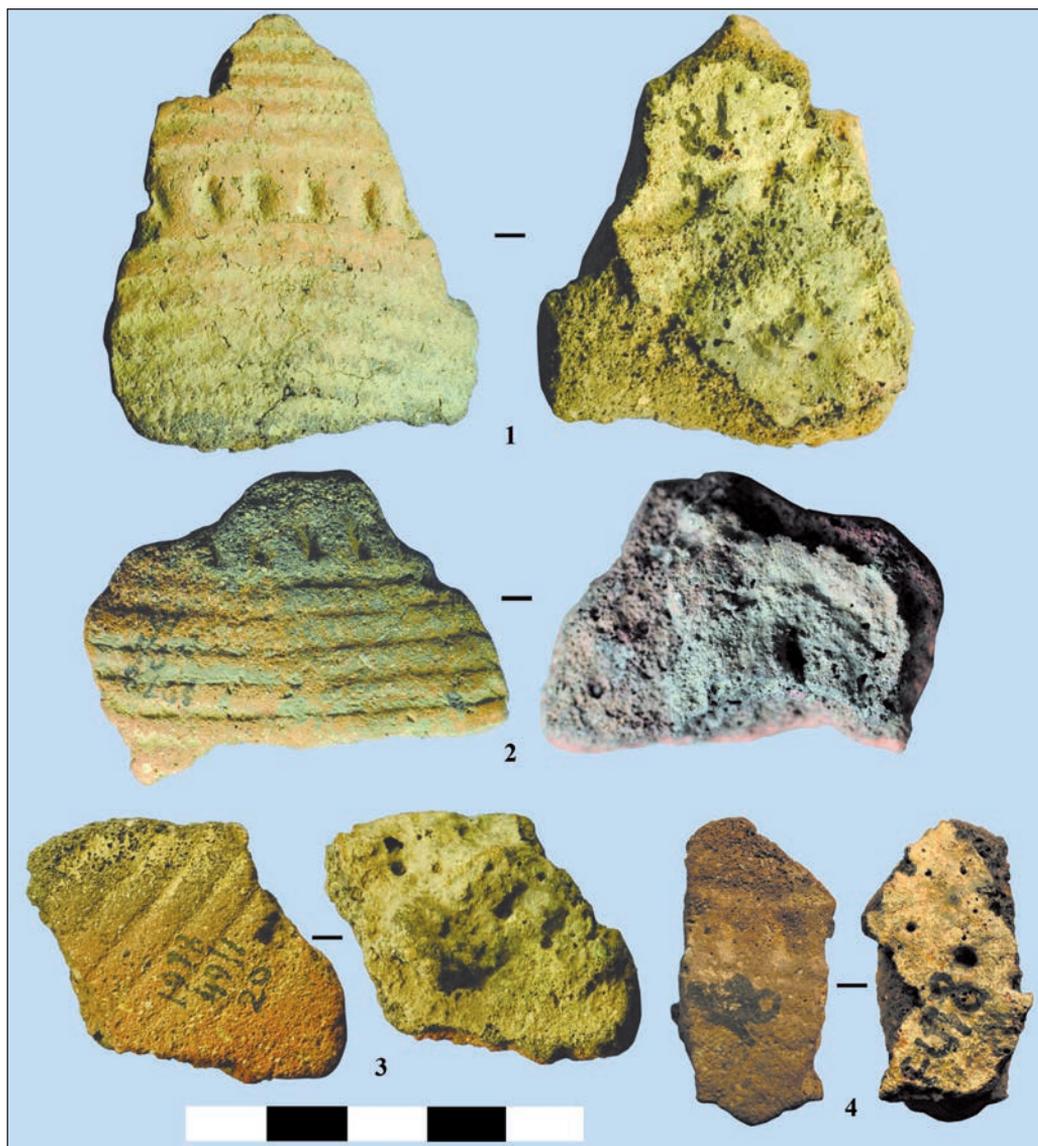

Рис. 2 (фото). Павловка-I. Коллекция ошлакованной керамики с орнаментом

полнено орнаментом в виде небольшой «палочки»). Характерным орнаментальным элементом на рассматриваемой керамике является наличие горизонтального пояса, состоящего из вдавлений вертикально поставленного орудия в виде небольшой плоской «лопаточки». Еще один фрагмент орнаментирован поясом из диагональных параллельных рядов отступящих «отступающей палочки» или «ребенчатого штампа». Более точная диагностика техники нанесения орнамента затруднена по причине затертости орнаментированной поверхности.

Керамика, украшенная в технике «отступающей палочки», находит ближайшие аналогии в керамических комплексах елунинской культуры, зафиксированных на па-

мятниках Березовая Лука, Колыванское-I, Телеутский Взвоз-I, Чудацкая Гора и др. Эти комплексы объединяет не только техника орнаментации, но и орнаментальные мотивы в виде горизонтального пояса, выполненного вертикально поставленными отпечатками гладкой «лопаточки». Подобный орнамент, например, встречается на посуде поселения Березовая Лука [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 96.-5–8], а также на памятнике Чудацкая Гора [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2000, рис. 3.-2]. Керамика, украшенная в технике «отступающей палочки», связывается с отступающе-накольчатой традицией в елунинском керамическом производстве [Грушин, 2003]. Таким образом, особенности орнамента ошлакованной керамики с поселения Павловка-I позволяют связать находки с елунинской культурой и датировать периодом в рамках ранней бронзы (концом III – 1-й четвертью II тыс. до н.э.). Исходя из зафиксированного материала можно сделать вывод о том, что елунинские мастера могли использовать в качестве тиглей для выплавки металла керамическую посуду, которая была орнаментирована таким же способом, что и ритуальная (погребальная), и бытовая.

Для выяснения состава ошлакованных поверхностей, источников рудного сырья и особенностей металлургического производства, представленные артефакты изучались на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000). Для этого применялась горнорудная программа анализа, имеющая высокий предел обнаружения химических элементов.

Прежде чем приступить к рассмотрению полученных результатов по исследованным образцам, необходимо остановиться на сравнении элементного состава ошлаковки стенок тиглей и имеющихся фрагментов шлака. Обращает на себя внимание факт отсутствия в шлаке ряда химических элементов, которые представлены в ошлаковке керамики. Так, олово (Sn), свинец (Pb), цинк (Zn), вольфрам (W) и медь (Cu) зафиксированы всего в одной пробе (№11), но в очень низкой концентрации. Только титан (Ti) и марганец (Mn) встречены в шлаке в концентрации, сходной с концентрацией в ошлаковке (табл. 1). В силу такой разницы в наборе микропримесей правомерным является постановка вопроса о единокультурности шлака и ошлаковки на стенках тигля. Разительное отличие демонстрирует неоднородность кусочков шлака и ошлаковки, что обусловлено различными технологиями получения металла, а возможно, и разными источниками использованного рудного сырья. В данном случае имеет место вероятность культурно-хронологического несоответствия. Это высказывание может подтверждаться тем, что поселение Павловка-I представляет собой многослойный и нестратифицированный памятник. Помимо елунинского материала, на площади поселения были обнаружены артефакты других исторических периодов.

Спектральный анализ ошлакованных керамических поверхностей показал, что медь (Cu) концентрируется в образцах неравномерно, но в достаточно большом количестве (до 35,04%). Лишь в одном фрагменте она не была зафиксирована. Выделяются два образца (№3 и 6), где медь находится в повышенной концентрации (24,3226 и 35,04% соответственно) (табл. I). Такое значительное количество меди в шлаке указывает на большие потери металла при тигельной плавке, который пригорал к стенкам емкости и, как видно, не использовался в дальнейшем производстве. В коллекции присутствуют фрагменты, где медь концентрируется слабо: образцы №9 и 11 – 0,5651 и 0,0857% соответственно.

Таблица I

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа шлаков
с поселения Павловка-I (в процентах)

№ п/п	Образец	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Co	Ti	Mn	W
1	шлак на керамике	9,67	0,37	0	1,03	7,96	0	0,25	0,14	0
2	шлак на керамике	9,06	3,09	0,61	0,85	10,46	0	0,33	0,19	0,12
3	шлак на керамике	24,3226	15,1	0,45	0,2966	6,718	0	1,05	0,17	2,84
4	шлак на керамике	11,82	0,4	0,04	1,3	9,25	0,07	0,39	0,17	0,12
5	шлак на керамике	10,48	4,93	0,58	0,61	10,49	0	0,79	0,22	0,36
6	шлак на керамике	35,04	36,7	0,55	0,43	19,58	0	1,91	0,48	5,25
7	шлак на керамике	4,0883	4,6	0,3244	0,2448	4,9979	0	0,876	0,3027	0,3936
8	шлак на керамике	4,9055	4,4	0,4591	0,2889	2,9128	0	0,4853	0,1639	0,2467
9	шлак на керамике	0,5651	0	0,0183	0,0329	5,6032	0	0,7246	0,0832	0
10	фрагмент шлака	0	0	0	0	1,6204	0	0,23	0,0624	0
11	фрагмент шлака	0,0857	0	0	0	8,9489	0	0,1933	0,2714	0

Свинец (Pb) зафиксирован в восьми образцах (табл. I). Малая его доля (от 0,0183 до 0,61%) указывает на то, что данный элемент попал в шлак из руды, в которой он присутствовал в качестве естественной примеси. Наличие свинца характерно для рудно-алтайских полиметаллических залежей. Другим «спутником» меди в медно-свинцово-цинковых месторождениях Рудного Алтая является цинк. Его концентрация в исследованных образцах колеблется от 0,0329 до 1,3%. В двух фрагментах шлака (№10 и 11) цинк зафиксирован не был. Отмеченное небольшое количество рассматриваемого элемента также указывает на естественную примесь в месторождении, из которого бралась руда. В научной литературе уже сложилось представление о рудных источниках елунинской металлургии – это медно-свинцово-цинковые месторождения Рудного Алтая [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 121–123; Грушин, Папин, Позднякова и др., 2009, с. 47–48]. По наличию в ошлаковке примесей свинца и цинка можно локализовать группу использовавшихся месторождений в рамках Змеиногорской зоны – Стрижковское, Лазурское, Гольцовское и др. [Чекалин, 1999]. Относительно цинка необходимо отметить, что он характерен для сульфидных, неокисленных руд. При окислении цинк растворяется в образующемся соляном растворе и перетекает в более глубокие горизонты залегания [Росляков, 1970, с. 153]. Поэтому логично будет предположить, что металлургами елунинской культуры применялись и сульфидные руды. Но, вероятнее всего, следует указывать на использование и окисленных, и сульфидных (в меньшем количестве) руд.

В образцах шлака в достаточно большом количестве встречено железо. Оно концентрируется в пределах от 1,6204 до 19,58% (табл. I). Столь представительная концентрация данного элемента может указывать на окислительную атмосферу плавки. Существенное количество железа могло изначально присутствовать в руде.

Продолжая анализ рентгенофлуоресцентных определений шлака с поселения Павловка-I, необходимо указать на группу стабильно встречающихся элементов с довольно малой концентрацией. Они, согласно геологической литературе, являются постоянными спутниками первичных и окисленных руд западноалтайских месторож-

дений и присутствуют как в виде отдельных минералов, так и в виде вкраплений в рудные минералы [Росляков, 1970, с. 179–189]. Относительно малая концентрация в ошлаковке таких элементов, как титан (Ti), марганец (Mn) и вольфрам (W), может указывать на особенности использовавшихся месторождений. Данные элементы концентрируются в следующих интервалах. Титан стабильно встречается во всех образцах в интервале от 0,1933 до 1,91%. Невысокая концентрация данного элемента подтверждает, что в шлак он попал из руды. Марганец стабилен так же, как и титан. Он концентрируется во всех образцах шлака от 0,0624 до 0,48%. Такая низкая и стабильная концентрация подтверждает рудное (естественное) происхождение данного элемента в шлаке (табл. I). Вольфрам зафиксирован в пяти образцах (№2–6) в концентрации 0,12–5,25%. Имеющийся диссонанс в концентрациях элементов обусловлен, видимо, характером рудного сырья. Менее устойчивый кобальт (Co) обнаружен лишь в одном образце (№4) с показателем 0,07% (табл. I).

Важно отметить, что в 8 из 11 проанализированных образцов присутствует олово (Sn), концентрация которого колеблется в пределах 0,37–36,7% (табл. II). Повышенное его содержание фиксируется в образцах №3 (15,1%) и №6 (36,7%), менее высокое – в образцах №2 (3,09%) и №5 (4,93%), №7 (4,6%) и №8 (4,8%). В оставшихся образцах концентрация отражена в сотых долях одного процента (табл. I). Отмеченное количество олова может указывать на архаичный способ легирования меди, описанный С.С. Черниковым [1960, с. 129–130]. Суть его состоит в совместной плавке меди и олова, что снижало потери олова и оптимизировало сам процесс. В таком случае олово должно было обеспечивать более низкую температуру плавления медной руды [Черников, 1960, с. 129–130]. Но некоторые исследователи отвергают идею о таком способе плавки [Ситников, 2006, с. 153–154], указывая на несовместимую разницу в температурах плавления меди (1300 С°) и олова (231 С°).

Таблица II. Концентрация олова в шлаке

На сегодняшний день уже имеется опыт спектрального анализа руды и шлаков елунинской культуры, полученный при изучении части материалов с поселения Березовая Лука [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 120–124, табл. 11–12; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2009; Григорьев, 2011, табл. 5]. В большинстве имеющихся заключений олово фиксируется на уровне предела обнаружения данного элемента или оно вообще отсутствует. Елунинскую культурную принадлежность представленной коллекции из поселения Павловка-I определяет орнамент стенок тигля. Из сравнительного анализа следует, что различия в технологии плавки металлургов Березовой Луки и Павловки-I могут объясняться не культурной спецификой, а различными региональными моделями легирования меди для получения бронзы. Возможно, в одном варианте медная руда и касситерит (оловянная руда) плавилась совместно, а в другом – сначала плавилась медная руда, формировался металл, а уже затем, при плавке готового металла, в него добавлялось олово. При этом олово в этой схеме плавилось также отдельно. Это обстоятельство подтверждает ранее высказанный тезис [Дегтярева, Грушин, Шайхутдинов, 2010, с. 33–34] о том, что елунинская металлургия находилась на стадии эксперимента, так как мастера искали оптимальные условия плавки металла. Также необходимо учитывать и то обстоятельство, что сравнению подлежали данные спектрального анализа, полученные разными методами и по различным материалам: поселение Березовая Лука – кусочки шлака, поселение Павловка-I – ошлакованная внутренняя поверхность стенок керамических емкостей, в которых производилась плавка. Такой аспект также мог стать причиной получения отличающихся показателей.

Продолжая сравнивать имеющиеся наборы химических элементов, отметим, что наличие микропримесей (марганец, вольфрам, титан) в проанализированных шлаках с Павловки-I и с Березовой Луки практически не различается [Грушин и др., 2009, с. 49–55, табл. III], что может указывать на одинаковые источники рудного сырья и близкую систему плавки.

Подводя итоги проведенных исследований, необходимо обозначить следующие результаты. Анализ орнамента на внешней поверхности найденных фрагментов керамики по технике исполнения позволяет связать металлургический комплекс с поселения Павловка-I с елунинской культурой лесостепного Обь-Иртышья и датировать его периодом ранней бронзы (конец III – 1-я четверть II тыс. до н.э.). В ходе рентгенофлуоресцентного анализа ошлакованных поверхностей на обнаруженной керамике удалось наметить две возможные модели получения оловянной бронзы, используемые елунинскими металлургами: совместную плавку меди и олова, а также легирование оловом расплава уже готовой меди. Данное заключение до сих пор остается дискуссионным в научных кругах. Его решение видится в дальнейшем сравнении спектроаналитических определений руды, шлака и металла, происходящих из разных памятников елунинской культуры. Важно также расширение базы естественно-научных методов, применяемых при исследовании шлака (металлографической, химической, минералогической и др.). Это позволит установить минералы, входящие в шлак, определить температуру плавления шлака, атмосферу плавки в металлургической печи или тигле. На основании зафиксированных в ошлаковке элементов-спутников, перешедших из рудного сырья, в качестве рудных источников выделяются традиционные для использования населением елунинской культуры полиметаллические (медно-свинцово-цинковые) месторождения Рудного Алтая (Змеиногорская зона), о которых уже не-

однократно отмечалось в научной литературе [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 122, 124; Грушин, Папин, Позднякова и др., 2009, с. 47–48]. Высказанный тезис об использовании елуническими металлургами сульфидных и окисленных руд на этом этапе исследования является рабочей гипотезой, требующей дальнейшего подтверждения при специальном геохимическом исследовании руды, найденной при раскопках памятников елунинской культуры.

К настоящему времени собрана достаточно представительная база данных, в которой отражены результаты спектрального анализа руды, металла и шлаков, обнаруженных на памятниках елунинской культуры (Березовая Лука, Телеутский Взвоз-I, Кольванское-I, Павловка-I, Елунинский грунтовый могильник, Цыганкова Сопка-II). Часть полученных результатов опубликована [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 120–130; Шайхутдинов, 2008, с. 117–118; Грушин, Папин, Позднякова и др., 2009, с. 49–56; Григорьев, 2011]. Работа в выбранном направлении продолжается. К моменту написания статьи коллекция шлаков с памятников елунинской культуры составляла 176 экз. Спектральный анализ проведен по 91 образцу. Имеющаяся база данных позволяет сравнивать вновь получаемые результаты анализов с предыдущими. Это очень важно при выявлении региональных особенностей елунинской металлургии.

В заключение необходимо отдельно отметить, что часть шлаков, обнаруженных при раскопках поселения Березовая Лука, была детально исследована С.А. Григорьевым [2011], который провел их комплексное изучение с применением химического, спектрального и минералогического анализов. Подход, реализованный С.А. Григорьевым, позволил подробно рассматривать процессы, происходившие в древней металлургической печи. Кроме этого, получены и другие сведения, которые можно рассматривать в качестве основы при реконструкции технологии плавки руды елуническими мастерами.

Библиографический список

Григорьев С.А. Шлаки с поселения Березовая Лука и проблемы металлургии елунинской культуры // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 2011. Т. 2. С. 149–169.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Дегтярева А.Д., Грушин С.П., Шайхутдинов В.М. Металлообработка населения елунинской культуры Верхней Оби (предварительные результаты металлографического исследования) // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2010. Вып. 13. С. 27–35.

Грушин С.П. Керамический комплекс поселения Березовая Лука как исторический источник по изучению орнаментальных традиций елунинской культуры // Источники по истории Западной Сибири. Сургут: Изд-во СурГПУ, 2003. Ч. 1. С. 54–60.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Угловский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 215–224.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка-I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 25–40.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. 1. 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Памятники эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы на территории Павловского района // Павловский район. История и культура. Барнаул; Павловск: Б.и., 2000. С. 23–35.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Предварительные результаты рентгенофлюоресцентного анализа находок руды с памятника Березовая Лука // География – теория и практика: современные проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 108–110.

Росляков Н.А. Зоны окислений сульфидных месторождений Западного Алтая. Новосибирск: Наука, 1970. 254 с.

Ситников С.М. К вопросу о горном деле и металлургическом производстве саргаринско-алексеевского населения Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 150–157.

Чекалин В.М. Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-барито-полиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России: очерки истории Змеиногорска). Барнаул: Б.и., 1999. С. 6–16.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 285 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, №88).

Шайхутдинов В.М. Металлопроизводство населения елунинской культуры Верхней Оби // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул: Азбука, 2008. С. 117–118.

Yu.F. Kiryushin, A.A. Tishkin, S.P. Grushin, K.Yu. Kiryushin, V.M. Shaikhutdinov
CHARACTERISTICS OF METALLURGICAL
PRODUCTION OF ELUNIN CULTURE
(based on the study of slag pottery from the settlement of Pavlivka-I)

This article deals with fragments of pottery found at the Pavlivka-I Uglovsky settlement area in the Altai Territory. The specifics of this collection are that broken earthenware pottery has been discovered where ornamentation is fixed on one side, while on the other side slag has become attached. This provides a unique possibility to determine cultural identity and date the identified residues of the metallurgical complex. To establish the chemical composition of the slag these findings were studied in the laboratory of the department of archeology, ethnography and museology of Altai State University using an X-ray fluorescence spectrometer ALPHA SERIES™ (Alpha model 2000). For this, a mining analysis program with a high limit of detection elements was used. The ornamentation on pottery with attached slag, from the settlement Pavlivka-I, allows association of these artifacts with the Elunin archaeological culture and the early Bronze Age date (end 3rd to 1st quarter of the second millennium BC).

Based on the recorded material, the conclusion is that, the Elunin masters used ordinary pottery as crucibles for smelting. The results obtained allow us to continue to study the production of bronze, traces of which were found in two basic settlements: Berezovaya Luka and Kolyvan-I.

Keywords: settlement, pottery, ornament, slag, the Elunin culture, early bronze smelting complex, X-ray fluorescence analysis.

УДК 902(510):7

О.Г. Новикова, Е.В. Степанова, С.В. Хаврин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ИЗДЕЛИЯ С КИТАЙСКИМ ЛАКОМ ИЗ ПАЗЫРЫКСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа имеется значительная группа предметов, декорированная китайским лаком – *ци* (сосуды, детали одежды и конского снаряжения, щиты). Они сосредоточены, главным образом, в поздних пазырыкских курганах (III в. до н.э.) и представлены преимущественно изделиями из кожи. В статье приведено описание этих предметов и изложены результаты комплексного исследования лакокрасочных покрытий с помощью различных методов анализа (микрхимический, рентгенофлюоресцентный, спектральный и др.). Дана ретроспектива изучения состава восточных лаков, пленкообразователями которых выступают *урушиолы* (*урушиол*, *тиштишол* и *лаккол*), содержащиеся в соке некоторых видов деревьев семейства Сумаховых. Выявлено, что все исследованные нами покрытия выполнены на основе *ци-лака*, основу которого составляет *урушиол*. *Ци-лак* изготавливается из сока лакового дерева *Rhus verniciflua*, культивируемого в Китае еще в древности.

Лакокрасочные покрытия предметов из пазырыкских памятников по особенностям технологии и микроэлементному составу достоверно отличаются от материалов I в. н.э. из Ноин-Улы (за исключением нескольких предметов, которые могут быть отнесены к ноин-улинской группе). Соответственно отмеченные различия могут быть не временными, а территориальными. Ханьские мастерские, судя по надписям на сосудах из Ноин-Улы, расположенные в северных регионах Китая, возможно, наследовали традиции северного художественного центра, сложившегося еще в VI–V в. до н.э. вокруг княжества Цзинь. Из того же культурного региона, например, – из царства Цинь, могли попасть на Алтай «китайское» седло, украшения из кости и чашечки *бэй*. Лакированные кожи, возможно, были изготовлены на юге, в царстве Чу. При этом мелкие элементы декора одежды и конского снаряжения, скорее всего, вырезались из импортной кожи на месте самими пазырыкцами.

Ключевые слова: пазырыкская культура, китайский лак, Государственный Эрмитаж, изделия с лаком из кожи, кости и дерева, конское снаряжение, чашечки эр-бэй, лакированная кожа, лакокрасочные материалы на основе урушиола, ци-лак, физико-химические методы исследования, ИК-спектроскопия и рентгеноструктурный анализ, лаки из царств Чу и Цинь.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-07

В пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа имеется значительная группа предметов из китайского лака *ци*. Как и японский лак *уруши*, *ци-лак* изготавливается из сока лакового дерева (*Rhus verniciflua*, семейство Сумаховых), которое произрастает в диком виде в Китае и культивируется там еще в древности. Окрашенные лаком предметы сосредоточены главным образом в поздних пазырыкских курганах (III в. до н.э.) и представлены по большей части изделиями из неорнаментированной лакированной кожи.

Долгое время считалось, что лаковые изделия в памятниках пазырыкской культуры имеют местное происхождение. Исключение делалось лишь для единственного предмета с орнаментом, сохранившегося во фрагментах, – лаковой чашечки из кургана Шибе, который был раскопан М.П. Грязновым в 1927 г. Изначально только эта вещь признавалась китайским импортом, а мнение специалиста по китайским лакам японского археолога Умехары о характере ее орнамента послужило основанием для датировки кургана Шибе 86–48 гг. до н.э. и выделением шибинского этапа культуры ранних кочевников Алтая [Киселев, 1951, с. 335; Баркова, 1978, с. 44, прим. 26, 28]. По мнению М.П. Грязнова, в алтайских памятниках V–III в. до н.э. других «...вещей китайского происхождения или отражающих какие-либо китайские влияния» нет, они

появляются на Алтае только начиная со II в. до н.э. [Грязнов, 1950, с. 43]. А как же лак? В итоговых монографиях «Культура населения Горного Алтая в скифское время» и «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» С.И. Руденко [1953, 1960] отметил находки лакированных изделий в 1-м и 2-м Туэктинских, 1-м Башадарском и 2-м, 3-м, 4-м, 5-м, 6-м и 7-м Пазырыкских курганах. Но он полагал, что пазырыкские лаки изготовлены на Алтае: «...ничем не доказано китайское происхождение горно-алтайских лаков. Лак на многочисленных вещах (седлах, поясных ремнях, головных уборах, деревянных изделиях) из горно-алтайских курганов, вне всякого сомнения, мог быть и местным, тем более что материалы для изготовления лаков (киноварь, сажа, смолы) имелись на месте» [Руденко, 1960, с. 167]. Состав смол С.И. Руденко не уточнил.

Начало изучению связующего лаков положили опыты по микрохимии, проведенные в 1970-е гг. в химической лаборатории Государственного Эрмитажа. Было испытано воздействие щелочи на несколько образцов лаков (из Туэкты, курганы №1 и 2; из Пазырыка, курганы №4, 5 и 6; из Шибе и Ноин-Улы). Получено такое заключение: ноин-улинские лаки изготовлены из сока лакового дерева, а алтайские – предположительно, из тунгового масла [Баркова, 1978, с. 42, 44, прим. 29]*. Однако лакокрасочные покрытия (лкп)** на основе высыхающих растительных масел – одни из самых недолговечных [Охрименко, 1978; Рейбман, 1982]. Пазырыкские же лаки пробыли в земле (как и лаки из Ноин-Улы) более двадцати веков. Объяснить вывод можно недостаточностью сведений о восточноазиатских лаках на тот момент в СССР в целом. Единственная книга в России на эту тему была подготовлена только в 2000 г. силами музейщиков и реставраторов [Восточноазиатские лаки, 2000].

Даже в Японии изучать древние технологии традиционной лаковой живописи начали лишь в 1980-е гг. Но интенсивные и глубокие исследования химического состава связующего этих лаков шли уже в 1-й половине XX в. Основной компонент японского лака был выделен в 1922 г. и назван *урушиолом*. Но из-за его применения в коммерческих и военных целях публикации по этой теме были закрыты***. Состав урушиола был опубликован лишь в 1945 г. [Majima, 1922]. Урушиол – смесь из пяти полифенолов, различающихся химическим составом углеводородного радикала [Symes, Dawson, 1953, 1954]. К 1970-м гг. в США и Японии урушиол модифицировали и вели синтез его аналогов, а в СССР же к тому времени вышло из печати лишь несколько работ по биохимии Сумаховых [Мартынюк, 1956; Горбовский, Емельянов, Емельянова, 1974].

В 1980-х гг. появились публикации, посвященные проблемам реставрации, хранения и методам исследования лаков Восточной Азии [Kumanotani, Achiwa, Oshima, Adachi, 1979; Kenjo, 1988; Burmester, 1988]. Немного позднее опубликованы спектры

---

* В публикации не указано, из какого ноин-улинского кургана и от какого предмета был взят образец для исследований. Инфракрасные спектры проб были сняты в ЛГУ, но не опубликованы.

** Понятие «лак» в искусствоведческой и исторической литературе трактуется достаточно широко. В химии органических покрытий термин «лак» означает прозрачные покрытия. Краской называют пигментированные (т.е. непрозрачные) покрытия, независимо от состава их связующего. Комплекс прозрачных (тонированных или нет) и непрозрачных слоев называют лакокрасочным покрытием. В данной статье мы употребляем оба варианта термина, в зависимости от контекста.

*** Автомшины фирмы «Форд» первых выпусков были только черного цвета благодаря урушиолу. Во время Великой Отечественной войны составы на основе урушиола использовали в Великобритании в качестве коррозионностойких и необрастающих покрытий подводной части военных судов.

лаков на основе урушиола для различных вариантов технологий и степени разрушенности [Kumanotani, 1995, 1998]. Был изучен состав пленкообразователей других восточноазиатских лаков (бирманского, вьетнамского, тайландского), которые также получают из сока деревьев семейства Сумаховых (*Rhus succedanea* и *Melanorrhoea usitata*). В них, помимо урушиола, присутствуют и другие урушиоды (*тишитиол* и *лаккол*), имеющие бóльшую молекулярную массу. Различаются они строением ненасыщенного углеводородного радикала пирокатехина. Соотношение урушиодов в соке обусловлено видовыми особенностями и условиями произрастания лаконосных деревьев. В отличие от лаков Индокитая, основу китайских и японских лаков составляет урушиол [Wana and others, 2007; Lu and others, 2008*]. В настоящее время *ци-лак* уверенно определяют методами аналитической химии, поскольку существуют критерии разграничения трех видов восточных лаков [Kamiya, Saito, Miyakoshi, 2002; Kamiya, Miyakoshi, 2000; McSharry and others, 2007; Keneghan, 2011]. Выявлены маркеры этих лаков и их модификаторов (растительных масел). Для идентификации часто используют Фурье-ИК-спектроскопию, с помощью которой производят сопоставление спектра неизвестного лака со спектрами атрибутированных материалов [Silverstein, Basler, Morrill, 1998; Urushi, 1985].

В 2008 г. было предпринято сравнительное изучение лакокрасочного покрытия чашечки из Шибэ и фрагмента составного гребня из Яломана-II (курган №57). Спинка найденного гребня была изготовлена из ручки чашечки *бэй*, которая имела орнамент, сходный с шибинским [Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 2.-22]. Исследования в Отделе научно-технологической экспертизы (ОНТЭ) Государственного Эрмитажа показали, что лакокрасочные покрытия обоих предметов выполнены на основе китайского лака, но различаются технологическими особенностями [Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008, с. 196–200]. В дальнейшем это направление работ было продолжено.

В 2012–2013 гг. в ОНТЭ ГЭ проведено комплексное исследование всех лаков из пазырыкской коллекции с помощью различных методов анализа (микрохимический, рентгенофлуоресцентный, спектральный и др.)**. Также образцы и их поперечные шлифы изучали под микроскопом при увеличениях от $\times 100$ до $\times 736$. Спектральный анализ показал***, что все исследованные образцы лакокрасочных покрытий выполнены на основе китайского лака *ци*. В целом ИК-спектры лаков из памятников пазырыкской культуры сходны между собой и находятся в соответствии со ИК-спектрами японских, в том числе из базы IRUG Британского музея (INROOO71-INROOO75), и китайских лаков.

---

* Определение минерального состава лаков выполнено методом рентгенофлуоресцентного анализа заместителем заведующего ОНТЭ Государственного Эрмитажа С.В. Хавриным. ИК-спектры сняты на сканирующем инфракрасном Фурье спектрометре Shimadzu FTIR-8400S с высокочувствительным термостабилизированным детектором DLATGS Т.В. Артамоновой (СПГИТД). Химические, микроскопические исследования и расшифровка спектров выполнены к.т.н., ст.н.с. ЛФХИМ ОНТЭ Государственного Эрмитажа О.Г. Новиковой.

** Использование многих потенциально возможных аналитических методов для характеристик музейных восточноазиатских лаков лимитировано тем, что покрытия на основе урушиодов почти невозможно растворить в растворителях. ИК-анализ этих лакокрасочных покрытий проводили с твердыми пробами в таблетках КВг. Изучали как красочные слои, так и свободные пленки лака (черного и коричневого цвета).

*** Хотя здесь и далее мы употребляем краткий термин «лакированная кожа», имеется в виду лакокрасочное покрытие (лпк) со всем комплексом слоев.

В спектрах исследованных проб наблюдаются характерные для ароматических соединений полосы. Их специфика заключается в наличии полос амидогрупп (характерных как для полисахаридов сока [Lu, Yoshida, 2003], так и протеинов белка).

Всего в десяти курганах выделено не менее 35 предметов с лаком *ци*. Из них четыре предмета обнаружены в 1-м и 2-м Туэктинских курганах, один во 2-м Пазырыкском, остальные 30 происходят из поздних курганов (3-й, 4-й, 5-й Пазырыкские, 1-й Башадарский и Шиббе). От одной из вещей из 2-го Туэктинского кургана сохранились только небольшие кусочки лака, «...приставшие к куску березовой коры». Основное количество (21 предмет) составляют элементы конского снаряжения, имеющие декоративные детали из лакированной кожи* (17 предметов), дерева (один предмет), кости (три предмета, входящие в один комплект). Большинство изделий имеют ярко-красный верхний слой, придающий им необычайную нарядность и привлекательность. Лишь несколько предметов покрыты темно-коричневым лаком без красочного слоя.

Преобладание в коллекции элементов конского снаряжения обусловлено лучшей сохранностью конских захоронений, тогда как основные погребения полностью разграблены. В конских захоронениях при седлах были выявлены остатки не менее трех щитов, изготовленных из палочек и лакированной кожи (очень плохой сохранности).

Одежда. Удалось выделить всего семь изделий с лакированными деталями, соотносимых с одеждой. Из предметов одежды лучше всего сохранился мужской головной убор из 3-го Пазырыкского кургана, украшенный аппликациями из лакированной кожи в форме чешуек (рис. 1.-1). В 7-м Пазырыкском кургане (детское погребение) представлен фрагментированный нагрудник (?) с аппликациями из лакированной кожи и нашивными бронзовыми бляхами (круглыми и в виде головок сайгаков), покрытыми золотой фольгой [Руденко, 1953, табл. ХСVI.-2; ХСVIII.-3]. Во 2-м Пазырыкском кургане накладки из лакированной кожи имел один из поясов. Возможно, часть этих накладок относится к ножнам кинжала (рис. 1.-2). Предположительно к поясным накладкам отнесена прямоугольная и с закругленным краем деталь из 1-го Туэктинского кургана, похожая на концевую накладку из 2-го Пазырыкского кургана, но большего размера. Фрагменты лака с кожаным тленом из 4-го Пазырыкского кургана и фрагменты лака из 6-го Пазырыкского кургана, находившиеся в области бедер подростка, предварительно определены как остатки поясов. Кроме того, сохранились небольшие аппликации (в виде арочки и треугольников с выемкой) в основном погребении 3-го Пазырыкского кургана, вероятно, также украшавшие какие-то предметы одежды.

Щиты. Остатки щитов из палочек и лакированной кожи происходят из 3-го и 4-го Пазырыкских курганов, в которых кожа почти не сохранилась. Они представлены фрагментами палочек с кожаным тленом и кусочками лака или их отпечатками на седельных подушках с кусочками приклеившегося к ним лака. Кроме того, в конских погребениях этих курганов найдены значительные осыпи лаковых пленок, не соотносимые с элементами конского снаряжения и, вероятно, являющиеся остатками лако-красочных покрытий этих щитов.

Конское снаряжение. Декоративные элементы конской сбруи сохранились достаточно хорошо. В III в. до н.э. было модным украшать узды и нагрудники деревянными бляхами, оклеенными золотой фольгой, в форме геометрических фигур или головок

* Лак почти весь осыпался, задние деформированные накладки хранятся отдельно от седла. Первоначально это седло не включалось в перечень предметов с лаковым декором [Степанова, 2012, с. 449–451].

животных (тигров, сайгаков, грифонов). Под них, для создания яркого фона, подкладывались фигурные пластинки из толстой лакированной кожи (каплевидные листики, трилистники или кружки). В коллекции имеется не менее пяти комплектов таких узд и нагрудников из 3-го, 4-го и 5-го Пазырыкских курганов (рис. 1.-3-7).

Из 4-го Пазырыкского кургана происходит очень эффектная узда с украшениями из резной кожи в виде фантастических животных. Часть фигур дополнена приставными деревянными головками «носатых волков», которые были покрыты золотой фольгой. В инвентаре к узде приписаны фрагменты лака. И действительно, часть этих фрагментов по форме совпадает с кожаными деталями. В комплект с данной уздой входит навершие конской маски в виде головы фантастического «носатого волка» с рогами антилопы, которые заканчиваются кружками с двухсторонними накладками: с одной стороны – из лакированной кожи, с другой – из бронзы (рис. 1.-8). Еще одна узда и нагрудник из 4-го Пазырыкского кургана были украшены скульптурными фигурками лежащих тигров, на одной из которых сохранился небольшой фрагмент коричневого лака. Две кожаные каплевидные пластины со следами лака из 1-го Туэктинского кургана, скорее всего, также являются элементами декора конского нагрудника. Похожая кожаная деталь размещена на пересечении ремней нагрудника из 2-го Туэктинского кургана, в сочетании с маленькой крестовидной бронзовой бляшкой (от парного украшения сохранилась только бронзовая бляшка) [Руденко, 1960, табл. СХII.-8].

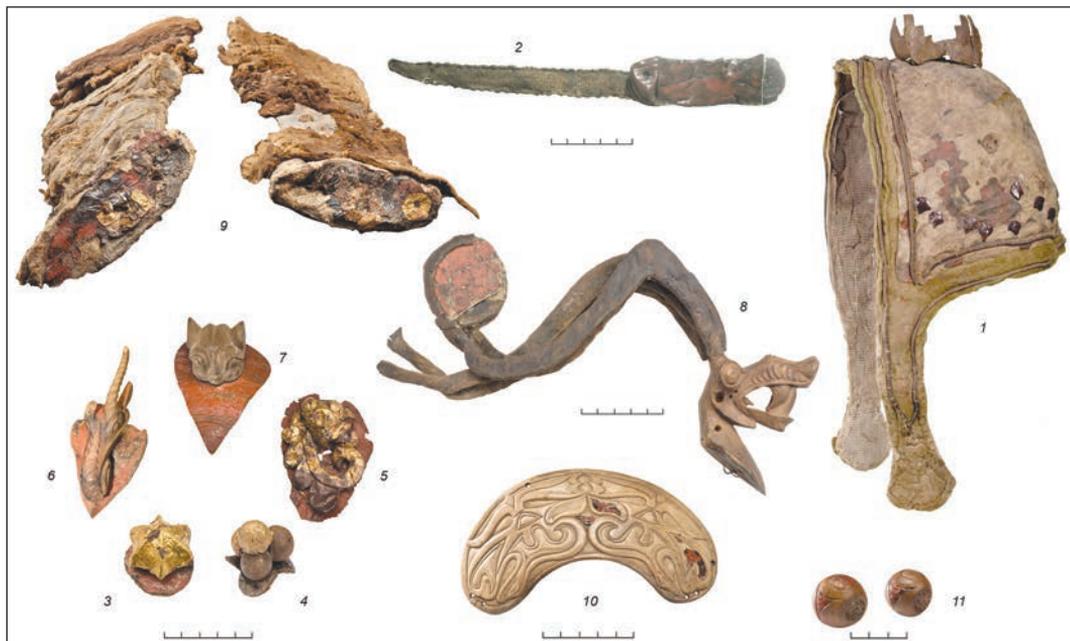

Рис. 1. Предметы с лаковым декором из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа (1, 3-4, 9-11 – Пазырык, курган №3; 2 – Пазырык, курган №2; 5, 8 – Пазырык, курган №4; 6-7 – Пазырык, курган №5): 1 – мужской головной убор (инв. №1685/16); 2 – фрагмент пояса (инв. №1684/236); 3-7 – украшения узд (инв. №1685/46, 64; 1686/83; 1687/138); 8 – навершие конской маски (инв. №1686/103); 9 – седло (инв. №1685/364); 10 – накладка на упор седла (инв. №1685/261); 11 – украшения узды и нагрудника (инв. №1685/167, 170)

Окрашенная *ци-лаком* кожа использовалась также в декоре седел. На одной из седельных покрышек из 5-го Пазырыкского кургана были выполнены аппликации из лакированной кожи, меха, золотой фольги и шелка [Руденко, 1953, табл. CVII.-1], а одно седло из этого кургана имело на наружных сторонах упорных элементов линзовидные накладки из лакированной кожи*.

Наиболее интересно седло из 3-го Пазырыкского кургана (рис. 1.-9). Помимо овальных накладок на упоры из лакированной кожи очень хорошего качества, оно имеет пропорции и конструктивные детали, совершенно не типичные для всех остальных седел из пазырыкской коллекции, но характерные для северокитайских седел, особенно изображенных на лошадях глиняной армии Цинь Шихуанди. С определенной осторожностью можно предположить, что седло импортное [Степанова, 2012, с. 446–454]. Лаковое покрытие имеет следы потертостей, образовавшихся, вероятно, вследствие эксплуатации.

Уникален комплект костяного декора еще одного седла и узды из 3-го Пазырыкского кургана (хотя само седло и узда – типичные пазырыкские). Узда и нагрудник этого комплекта были украшены шаровидными, уплощенными снизу пронизями (диаметром 2,4–2,8 см) с врезанными кружками и треугольниками, которые, как показали исследования, были покрыты китайским лаком. Располагались эти детали на наноснике, на пересечении ремней узды и нагрудника. Четыре более мелких «бусины», очевидно, находились между ними. На Алтае подобные наборы представлены также в 4-м Пазырыкском кургане и 5-м кургане могильника Чендек-6, в Синьцзяне в могильнике Цзяохэ Гоубэй, погребения №27 и 28 [Руденко, 1953, табл. LX–LXI; Киреев, Шульга, 2006, рис. 3; Шульга, 2010, рис. 64, 66]. Причем все они входят в комплекты с седлами, имевшими костяные щитовидные бляхи и накладки на приструги. Однако находки подобных костяных изделий с *ци-лаком* нам не известны.

Седельный набор из 3-го Пазырыкского кургана включал следующие элементы из кости: шесть крупных щитовидных блях (подвески к поперечным ремням и пристругам); две узкие подвески к передним упорам; круглые пронизи с «вихревым» орнаментом, прикрывавшие места крепления подхвостника и подвесок к передним упорам; полукруглые накладки на приструги со стилизованным изображением морды кошачьего хищника и, наконец, арковидные накладки на упоры с парными головками лосей. Одна из круглых пронизок с «вихревым» орнаментом была утрачена, видимо в процессе бытования, и заменена тоже на костяную, но гладкую и меньшего размера.

С.И. Руденко [1953, с. 186–188] писал, что все детали набора в углублениях резьбы были покрыты красным лаком. Однако в настоящее время небольшие фрагменты лкп сохранились только на трех предметах – на одной из четырех накладок на упоры с головами лосей и на двух «бусинах» (рис. 1.-10–11). Места, когда-то покрытые лаком, слегка выделяются визуально. Под микроскопом видна подготовка поверхности кости под окраску в виде нанесенных мелких параллельных насечек, а также следы грунтового слоя. По результатам исследований сделана попытка реконструкции исходного лакового декора этого седельного комплекта.

Хотя арковидные накладки на упоры с парными головками лосей, входящие в комплект, как будто выполнены в традициях скифо-сибирского звериного стиля, пред-

---

* В единичных случаях мы имели возможность ознакомиться также и со свободными пленками внутренних лаковых слоев коричневого цвета. Эти подробности нужны для археологических находок в поле – для атрибуции экспоната важны самые незначительные остатки слоев лкп.

ставляется, что они изготовлены в китайской мастерской, с учетом вкуса и запросов кочевников. Подобное явление рассмотрено А.А. Ковалевым [1999, с. 77, 81] на примере производства китайскими ремесленниками бронзовых пряжек с изображением идущего тигра с головой копытного в пасти. Обращают на себя внимание сложные, покрытые лаком фигуры на головах лосей – это типичный китайский зооморфный орнамент. Его появление и трансформация рассмотрены Е.И. Лубо-Лесниченко на примере вышивок и бронзовых зеркал от позднего Чжань-го до Хань (IV–II вв. до н.э.). По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко [1994, с. 184–188], орнаменты в виде «облачных лент», «листьев», волют и «гребешков», широко представленные на шелковых вышивках из Мавандуй-1 и Ноин-Улы, являются стилизованными изображениями птиц-драконов *чанли*. Аналогичная трактовка данных орнаментальных мотивов дана в «Быстро написанной поэме» («Цзи цзю пянь») Ши Ю – письменном источнике I в. до н.э. Костяные накладки с головками лосей из 3-го Пазырыкского кургана являются прототипами для деревянных накладок из того же памятника [Руденко, 1953, с. 186, 192, табл. XLVIII.-1 и VIII.-1]. Позднее этот мотив использован для оформления фигур борющихся животных на коврах из кургана №23 Ноин-Улы [Руденко, 1962].

Чашечки. Большой интерес представляют находки двух лакированных сосудов, возможно, чашечек *бэй*, от деревянной основы которых сохранился только древесный тлен. Деревянная основа фрагментов лакированных сосудов из Шибе и 1-го Башадарского кургана истлела, но сохранились остатки лкп со слоями краски, лака, грунта, паволоки из грубой ткани, клея и следами волокон дерева. Декор сосуда из Шибе включал полосу красного лака шириной около 1 см и орнамент, выполненный красной краской по чернолаковому фону в виде зигзагообразных элементов с утолщенными уголками и точек (рис. 2.-1). Сосуд из 1-го Башадарского кургана имел горизонтальную зональность в окраске (возможно, широкую красную полосу), позволяющую предположить его овальную форму. С.И. Руденко [1960, с. 37, 42] полагал, что обнаруженные на дне саркофага колоды возле остатков черепа фрагменты лкп относятся к головному убору. Однако в результате обвала потолка и разрушения погребальной камеры произошли значительные перемещения содержимого могильной ямы. В частности, на дно разрушенной колоды попали даже кости из конского захоронения [Руденко, 1960, с. 29]. Поэтому о первоначальной локализации лакированного предмета судить трудно. Но принадлежность фрагментов сосуду, вероятно овальной формы, не вызывает сомнений.

Изучение лакокрасочных покрытий кожаных предметов из пазырыкских курганов (и ранних, и поздних) показало, что по составу они образуют довольно однородную группу, свидетельствующую об общей технологической традиции. Спектральные характеристики показали близость их химического состава и сходство протекания процессов полимеризации. То есть технология окраски изделий пазырыкской группы в целом была схожа. Однако существовали ее небольшие вариации, о которых можно судить, в том числе, по содержанию химических элементов в чернолаковом слое лкп. В сыром соке ионы металлов присутствуют, но в малых количествах. Для глубокого протекания процессов полимеризации лака *ци* и получения покрытий с оптимальными свойствами необходимо большее их количество. Его достигали, выдерживая сок в металлических сосудах либо перемешивая его металлической палочкой. Изученные нами лаковые изделия различаются по содержанию в них ионов меди, железа и марганца, а также соотношением Cu/Fe и Fe/Mn в пробах черного лака, что свидетельствует о вариантах тех-

нологий, а возможно, и о различных мастерских, производивших их окраску. Некоторые лаки изготовлены с использованием железных емкостей, другие – из меди или медных сплавов. Если в одних случаях сок только выдерживали в медных чашах, в других – его еще и перемешивали железной палочкой. Поскольку в пазырыкских памятниках есть лак всех этих групп, очевидно, что изделия поступали из разных источников.

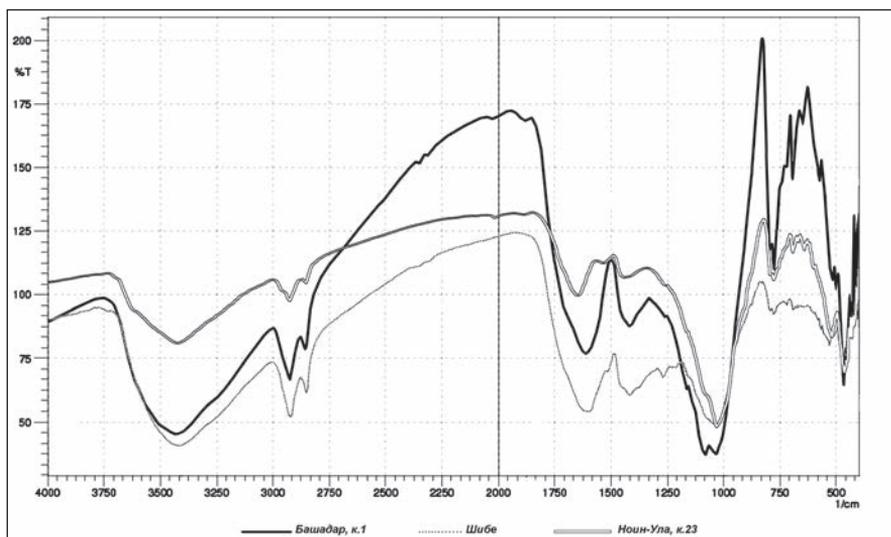

Рис. 2. Лаковые сосуды из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа и их аналогии: 1 – фрагменты с орнаментом «чашечки» из кургана Шибе; 2 – шкатулка с орнаментом династии Цинь; 3 – сопоставление ИК-спектров лакокрасочных покрытий чашечек из Шибе (инв. №4888/54), Башадара, курган №1 (инв. №2066/24) и Ноин-Улы, курган №23 (инв. №МР-2303)

Для лкп кожи характерны тонкие слои: верхний обычно красный пигментированный, ниже коричневый или черный лаковый слой, под ним слой грунта на основе лака с включением тонких растительных волокон. В качестве пигмента во всех случаях была использована киноварь. В составах некоторых красных слоев отмечено присутствие небольших количеств тунгового (так называемого деревянного) масла. Насыщенный пигментом слой (по кит. *тон-ши*) – смесь *ци-лака* с киноварью, которая (в некоторых случаях) была предварительно стерта с тунговым маслом (для лучшего совмещения с лаком). Затем краска наносилась на слой прозрачного черного *ши-лака*. Адгезионная связь между этими слоями очень высокая (в растворе щелочи ее удалось разрушить лишь в единичных случаях).

Сохранность некоторых предметов удовлетворительная, их красочные слои сохранили связь с основой и между собой. Но иногда среди проб присутствовали продукты (всех возможных вариантов) межслойных расслоений. Чаще всего утрата адгезионной связи наблюдалась по слою грунта, и мы имели дело со смесью чешуек в двух вариантах: отдельно верхние слои – красный, плотно лежащий на черном (или темно-коричневом) и отдельно – нижние грунтовые.

На общем фоне изделий из лакированной кожи выделяются овальные накладки на упоры «китайского» седла из 3-го Пазырыкского кургана. Их лкп состоит из двух красочных слоев: верхний – красный (пигмент киноварь), нижний – черный, с добавлением сажи. Грунт с армирующими волокнами, имеющими ячеистую структуру (предположительно, конопля).

Отдельную группу образуют костяные украшения с *ци-лаком* также из 3-го Пазырыкского кургана, входящие в другой комплект конского снаряжения. Лакокрасочные покрытия на них почти полностью утрачены. Кость – вообще крайне сложный материал основы для любых лкп (в том числе и современных) и добиться высокой долговечности покрытий на этих основах очень трудно. Разрушение лакокрасочного конгломерата произошло по слою грунта. Частично разрушилась и связь верхнего красного слоя, обнажив нижний черный слой, сохранивший свой блеск. Верхний красный слой лкп высоко наполнен киноварью. Ниже – слой коричневого лака. Лежащий под ним непрозрачный черный слой содержит сажу. Подложкой служит бесцветный лаковый слой с включением минеральных добавок и армирующих волокон. Сохранность верхнего красного слоя на уцелевших участках свидетельствует, что предметы достаточно длительное время находились в употреблении – отсутствует блеск, связующее частично деградировало (возможно, под воздействием солнечного света) и мелит (т.е. наблюдается процесс выкрашивания частиц киновари из верхнего слоя). Слой краски очень неустойчив и в щелочи, так как связующее содержит тунговое масло. В целом весь комплекс слоев лкп изделий из кости показывает иную, чем пазырыкские лкп, традицию окраски.

Сосуды из 1-го Башадарского кургана и Шибе по характеру лкп оказались сходны между собой, а их ИК-спектры также достоверно отличаются от спектров изделий пазырыкской группы. Откуда же и в каком виде поступал лак *ци* на Алтай?

Хотя транспортировка и хранение сока лакового дерева в герметичных (деревянных или стеклянных сосудах) возможны, получение покрытий из него – крайне трудоемкий и технологически сложный процесс. Для высыхания *ци-лака* необходимо поддержание определенного температурно-влажностного режима. В Китае изготов-

лением лаковых составов, нанесением и просушкой слоев занимались квалифицированные ремесленники, специализировавшиеся на определенной операции [Новикова, 2000, с. 34; Голиков, 2000, с. 50–51; Кравцова, 2010, с. 274–275]. Причем лаковые покрытия для различных подложек имели свою специфику. Окрашивание кожи было не менее сложным процессом, чем производство лаковых сосудов. До окраски кожу нужно предварительно многократно обработать (задубливание и аппретирование). Во время всех стадий окраски кожа должна была иметь постоянную влажность. Для предотвращения ее стягивания при высыхании лкп заготовки должны были быть туго натянуты на деревянные рамы.

Можно уверенно утверждать, что все исследованные нами покрытия выполнены на основе *ци-лака* и произведены в Китае. В случае чашечек, «китайского» седла (за исключением изготовленных специально перед погребением и по пазырыкским стандартам подвесок) и комплекта костяных украшений можно говорить об импорте самих предметов. Для мелких элементов декора одежды и конского снаряжения вероятен импорт только окрашенного материала. Характер их края свидетельствует, что фигурные пластинки, накладки, аппликации вырезались из целых кусков (или отдельных кусочков) лакированной кожи, скорее всего, на месте самими «пазырыкцами».

К VI–V в. до н.э. в Китае сложились два центра художественных традиций – северный, тяготеющий к княжеству Цзинь, и южный – вокруг княжества Чу. Их основные территории включают современные провинции Китая: северные – Шэньси и Шаньси и южные – Хунань и Хубэй. В период Чжань-го («Сражающихся царств») царство Чу было центром шелкового и лакового производства. Помимо изысканных, часто со сложной росписью изделий из дерева, там производились и очень качественные вещи из лакированной кожи. Например, сопроводительные захоронения колесниц с прекрасно сохранившимися кожаными лакированными покрытиями кузовов были найдены в 2002–2003 г. в Цзюляньдуне, при могилах 1 и 2, Цзаоян, провинция Хубэй. Но в то время лаковое производство уже существовало и на севере, в Шэньси и Шаньси [Дебен-Франкфор, 2002, с. 77, 83; Кравцова, 2010, с. 275].

В Синьцзяне в музейных коллекциях нам не удалось обнаружить столь ранних лаков. Деревянные лаковые сосуды различных форм и выполненные с использованием лакированной кожи пояса, ножны, колчаны происходят из памятников, датируемых эпохами Хань, Цзинь и Вэй. Эти простые по формам изделия значительно уступают высококачественным лаковым изделиям из Ноин-улинских курганов, часть которых была изготовлена в ханьских императорских мастерских. Иероглифические надписи на лакированных сосудах из Ноин-Улы дали возможность уточнить даты создания курганов, а также место и время производства самих сосудов [Лубо-Лесниченко, 1969; Miniaev, Elikhna, 2009; Pirazzoli-t'Serstevens, 2009; Чистякова, 2009; Елихина, 2012]. Изделия из ноин-улинской коллекции Государственного Эрмитажа послужили в наших исследованиях эталонами лаковых изделий, произведенных в империи Хань.

Комплексное сравнение образцов лкп из пазырыкских памятников с образцами из Ноин-Улы показало, что пленкообразователем в обоих случаях является урушиол, полученный из сока лакового дерева. Однако есть и качественные отличия. Для лаковых предметов из Ноин-Улы (как деревянных, так и кожаных) характерна более сложная технология, иной минеральный состав связующего и грунтов (в частности, в них присутствует примесь титана (Ti)), наличие большого количества модификаторов (прежде

всего тунгового масла), наличие сажи в черных слоях и др. (см. статью Ю.И. Елихиной и О.Г. Новиковой «Исследование китайских лакированных чашечек эпохи Хань из коллекции Государственного Эрмитажа» в настоящем журнале).

По спектрам и особенностям лпк сосуды из Шибе и 1-го Башадарского кургана можно отнести к одной традиции с ноин-улинскими чашечками (рис. 3), в отличие от ручки чашечки из памятника Яломан-II, курган №57.

Однако это не означает, что надо вновь датировать чашечку из Шибе II–I вв. до н.э. Аналогичный орнамент можно видеть, например, на овальной шкатулке династии Цинь [Ancient Art from Hubei, 1997, kat. 66] (рис. 2.-2). То есть современная дата Шибе – в пределах III в. до н.э. – остается актуальной. Упрощенный вариант этого орнамента в виде зигзагообразных линий с двойными кружками представлен на чашечках Западной Хань [Ancient Art from Hubei, 1997, kat. 74]. Орнамент на фрагменте чашечки из Яломана-II (курган №57) близок к шибинскому, но район ее производства другой, возможно, Южный Китай.

К ноин-улинскому кругу тяготеют также лпк костяных изделий и кожаных накладок «китайского» седла из 3-го Пазырыкского кургана. При этом остальные лаковые изделия из этого кургана уверенно входят в пазырыкскую группу.

Можно предположить, что отмеченные различия лпк из пазырыкской и ноин-улинской коллекций связаны с существованием в Китае с эпохи Чжань-го нескольких центров лакового производства с разными технологическими традициями. Из северного царства Цинь могло попасть на Алтай седло. Украшения из кости, вероятнее всего, также изготовлены в северных районах Китая. Напротив, изученные нами лакированные пазырыкские кожи могли поступать на Алтай с юга, из царства Чу (южная традиция). Отметим, что именно оттуда происходят все пазырыкские шелка и зеркало [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 220–222], также сосредоточенные в поздних курганах. Локализация ханьских императорских мастерских (Шэньси, Сычуань) показывает, что, возможно, они в большей степени наследовали традиции северного лакового производства. К сожалению, на данный момент мы не располагаем достоверными образцами чуских лаков, и поэтому этот вопрос пока остается открытым.

По итогам работы предполагается публикация полного каталога пазырыкских лаковых предметов с результатами анализов и микрофотографиями лакокрасочных покрытий.

Библиографический список

- Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 37–44.
Восточноазиатские лаки. Методика реставрации, исследования. М.: Изд-во ВХНРЦ, 2000. 136 с.
Горбовский С.Е., Емельянов А.С., Емельянова А.Н. К вопросу о омаховых дерматитах: (обзор литературы) // Вестник дерматологии и венерологии. 1974. №3. С. 16–20.
Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1950. 91 с.
Дебен-Франкфор К. Древний Китай. М.: Астрель; АСТ, 2002. 160 с.
Елихина Ю.И. Китайские лакированные изделия эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) из коллекции Государственного Эрмитажа // Россия–Китай: перекрестный год туризма. СПб.: Изд-во СПб. ГАСУ, 2012. С. 57–61.
Киреев С.М., Шульга П.И. Сбруйные наборы из Уймонской долины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2006. Вып. 3, 4. С. 90–107.
Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 75–82.

- Голиков В.П. Технологические особенности восточноазиатских лаковых изделий // Восточно-азиатские лаки. Методика реставрации, исследования: М.: Изд-во ВХНРЦ, 2000. С. 38–57.
- Кравцова М.Е. Лак // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 6 (доп.): Искусство. М.: Вост. лит., 2010. С. 274–281.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китайские лаковые изделия из Ноин-Улы // ТГЭ. 1969. Т. 10. С. 267–277.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука, Вост. литература, 1994. 326 с.
- Маргынюк Д.Ф. Ядовитые растения Дальнего Востока. Благовещенск, 1956.
- Новикова О.Г. Исследования химического состава восточных лаков. Области применения. Обзор литературы // Восточноазиатские лаки. Методика реставрации, исследования: М.: Изд-во ВХНРЦ, 2000. С. 33–37.
- Охрименко И.С., Верхоланцев В.В. Химия и технология пленкообразующих веществ. Л.: Химия, 1978. 392 с.
- Рейбман А.И. Защитные лакокрасочные покрытия. Л.: Химия, 1982. 320 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с. + СХХVI табл.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Степанова Е.В. Седла из Третьего Пазырыкского кургана // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 446–454.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.
- Тишкин А.А., Хаврин С.В., Новикова О.Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибэ (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 196–200.
- Чистякова А.Н. Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана №20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №3. С. 59–68.
- Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.
- Ancient Art from Hubei. Gaoxiong, 1997.
- Burmester A. Technical Studies of Chinese Lacquer // N. Brommelle and P. Smith (eds.). Urushi: Proceedings of the 1985 Urushi Study Group, Getty Conservation Institute. Los Angeles, 1988. P. 163–179.
- Kamiya Y., Miyakoshi T. Synthesis of Urushiol components and analysis of Urushi sap from *Rhus vernicifera* // Journal of Oleo Science. 2000. V. 50.
- Kamiya Y., Saito W., Miyakoshi T. Synthesis and identification of laccol components from *Rhus succedanea* lacquer sap // Journal of Oleo Science. 2002. №7. V. 51.
- Keneghan B. Developing a methodology for the artificial ageing of urushi and a preliminary examination of urushi-based conservation options // East Asian Lacquer: Material Culture, Science and Conservation. London, 2011.
- Kenjo T. Scientific approach to traditional lacquer art // Urushi: Proceedings of the Urushi Study Group. Los Angeles: The Getty Conservation Institute, 1985. P. 155–162
- Kumanotani J., Achiwa M., Oshima R. and Adachi K. Attempts to understand Japanese lacquer as a superdurable material, in Cultural Property and Analytical Chemistry // International Symposium on the Conservation and Restoration of Cultural Property. Tokyo: Tokyo National Research Institute of Cultural Properties, 1979. P. 51–62.
- Kumanotani J. Urushi (oriental laquer) – a natural aesthetic durable and future-promising coating // Progress in Organic Coatings. 1995. V. 26. P. 163–195.
- Kumanotani J. Enzyme catalysed durable and authentic oriental lacquer: a natural microgelprintable coating by polysaccharide-glycoprotein-phenolic lipid complexes // Progress in Organic Coatings. 1998. V. 34. P. 135–146.
- Lu R., Yoshida T. Structure and molecular weight of Asian lacquer polysaccharides // Carbohydrate Polymers. 2003. V. 54. P. 419–424.

Lu R., Sakai R., Ishimura T., Miyakoshi T. Characterization and comparison of Asian lacquer saps // *Progress in Organic Coatings*. 2008. V. 61, issue 1. P. 68–75.

Majima R. Über den Hauptbestandteil des Japan-Lacks. VIII: Stellung der Doppelbindungen in der Seitenkette des Urushiols und Beweisführung, dass das Urushiol eine Mischung ist // *Ber. Dtsch. chem. Ges. Abt. B. (Abhandl.)*. 1922. Jg. 2, №1–2. S. 172–191.

McSharry C., Faulkner R., Rivers S., Shaffer M. and Welton T. The Chemistry of East Asian Lacquer // *A Review of the Scientific Literature, Reviews in Conservation*. 2007. V. 8. P. 29–40.

Miniaev S., Elikhna J. On the Chronology of the Noyon uul Barrows // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7. P. 21–30.

Pirazzoli-t'Serstevens M. Chinese Lacquerware from Noyon uul: Some Problems of Manufacturing and Distribution // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7. P. 31–41.

Silverstein R., Basler G., Morill T. Identification spectrométrique de composés organiques. De Boëck Université. 1998.

Symes W., Dawson C. Separation and structural determination of the poison-ivy urushiol, cardanol and cardol // *Nature*. 1953. V. 171, №4358. P. 841–842.

Symes W., Dawson C. R. Poison ivy «urushiol» // *Journal of the American Chemical Society*. 1954. V. 76. P. 2959–2963.

Wana Y.-Y., Lub R., Duc Y.-M., Hondab T., Miyakoshi T. Does Donglan lacquer tree belong to *Rhus vernicifera* species? // *International Journal of Biological Macromolecules*. 2007. V. 41, issue 5. P. 497–503.

Urushi / Urushi Study Group, The Getty Conservation Institute. Tokio. 1985.

O.G. Novikova, E.V. Stepanova, S.V. Khavrin

ARTICLES WITH CHINESE LACQUER FROM PAZYRYK COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE

The Pazyryk collection of the State Hermitage has a significant group of Chinese qi-lacquer decorated objects – (vessels, items of clothing and horse equipment, shields). They are concentrated mainly in late barrows (3rd century BC) and are predominantly represented by leather goods. The article describes these items and the results of a comprehensive study of coatings using different methods of analysis (microchemical, X-ray fluorescence, spectral, etc.).

A retrospective study of oriental lacquers and, urushiody (urushiol, and thitsiol, laccol) film formers which are contained in the sap of some species of trees of the sumac family, revealed that all coatings investigated by us consist of qi-lacquer, which is based on urushiol. Qi-lacquer is made from the sap of the lacquer tree *Rhus verniciflua*, cultivated in China in ancient times.

Coatings of items from the Pazyryk barrows have characteristics, techniques, and trace elements significantly different from the composition of materials of the first century AD from NoinUla (except for a few items that can be attributed to Noinulinskaya group). Respectively marked differences may not be temporary, but territorial. Judging by the inscriptions on the vessels from Noin-Ula, Han workshops, located in the northern regions of China may have inherited the tradition of the northern arts center, still existing in the 6th-5th centuries BC around the Jin principality. «Chinese» saddle ornaments of bone and wine cups with handles from the same cultural region, for example – from the kingdom of Qin, could get to Altai. Lacquered leather may have been manufactured in the south, in the kingdom of Chu. While small items of clothing and decorative horse equipment, were most likely cut in place from imported leather by the Pazyryk.

Keywords: the Pazyryk culture, Chinese lacquer, State Hermitage Museum, lacquer leather products, wood and bone, saddlery, cups with handles («ears»), patent leather, paints based on urushiol, qi-lacquer, physico-chemical methods, IR spectroscopy and X-ray analysis, varnishes from kingdoms of Chu and Qin.

УДК 902(571.15):903.53

О.Г. Занина, А.А. Тишкин, А.К. Ходжаева, В.А. Демкин

*Институт физико-химических
и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пуццино;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

РЕЗУЛЬТАТЫ ФОСФАТНОГО И БИОМОРФНОГО АНАЛИЗОВ ГРУНТОВОГО ЗАПОЛНЕНИЯ СОСУДА ИЗ КУРГАНА №4 ПАМЯТНИКА БУГРЫ (северо-западные предгорья Алтая)

В ходе раскопок «царского» кургана №4 на памятнике Бугры в Рубцовском районе Алтайского края (Россия) был обнаружен целый керамический сосуд, который находился под земляной насыпью рядом с могилой-7. Указанный памятник относится к каменной археологической культуре и датируется последними веками I тыс. до н.э. Для установления исходного содержимого горшка, а также для выяснения ландшафтной обстановки во время сооружения кургана №4 на специальное изучение были взяты образцы грунта. Они отбирались из верхней, средней и нижней частей заполнения емкости. Эти материалы исследовались с использованием фосфатного и биоморфного методов, особенности которых подробно представлены в статье. Опираясь на имеющийся опыт проведенных работ и полученные лабораторные результаты, удалось выяснить, что обнаруженный у могилы-7 керамический сосуд был либо с водой, либо совершенно пустой. Анализ биоморфных спектров грунта из него позволил получить представления о составе растительного покрова во время создания памятника. Растительная ассоциация времени сооружения кургана №4 оказалась характерна для степного автоморфного ландшафта с нормальным режимом атмосферного увлажнения. Полученные сведения демонстрируют возможности дальнейшего комплексного изучения грунтов из курганов степной и лесостепной зоны Алтайского края.

Ключевые слова: Алейская степь, северо-западные предгорья Алтая, каменная археологическая культура, раскопки, курган, керамический сосуд, образцы грунта, почва, фосфатный анализ, биоморфный метод, лабораторные исследования, реконструкция, ландшафт.

DOI: 10.14258/tra1(2013)1(7).-08

Введение

Степные курганы относятся к числу важных археологических объектов, исследование которых дает возможность получить обширную информацию о культуре древних племен. Проводимые социальные реконструкции базируются на изучении зафиксированных показателей погребального обряда, антропологических данных и разных материальных находках. Часть погребального инвентаря обычно сохраняется до наших дней. В той или иной степени это относится к металлическим изделиям, керамике, стеклу, минералам, раковинам и т.д. Но все же ряд вещей (прежде всего органического происхождения), как правило, исчезает (например, одежда, изделия из кожи и т.п.). Однако не всегда это происходит бесследно. С помощью специальных методов можно не только засвидетельствовать наличие тех или иных предметов, но и определить их назначение. В данном плане речь может идти о пище, которая находилась в глиняных сосудах и, без сомнения, являлась важным атрибутом погребально-поминальной обрядности. Оказывается, что вполне возможна ее реконструкция путем определения в придонном грунте содержания ряда макро- и микроэлементов (фосфор, калий, цинк, медь, стронций и др.) и численности специфических трофических групп микроорганизмов [Демкин, 1997, с. 173–178; Борисов и др., 2004, с. 55–59].

В последние годы исследователи проявляют все больше внимания к проблеме реконструкции заупокойной пищи, находившейся в керамических сосудах и найденной

в курганах различных исторических периодов. В частности, А.Л. Александровским [Александровский, Александровская, 1999, с. 48–51], Н.С. Лариной [Ларина, Матвеева, Швецова, 2011, с. 183–188] взят на вооружение предложенный фосфатный метод [Демкин и др., 1988, с. 15–16]. Проведены комплексные исследования грунта из погребальных сосудов с использованием фосфатного, спорово-пыльцевого и фитолитного методов [Шишлина и др., 2002, с. 314–323]. А.А. Гольевой [Гольева, 1999, с. 62–89; Гольева и др., 2001, с. 163–181] применен биоморфный анализ придонного грунта из сосудов с целью обнаружения фитолитов, которые дают возможность диагностировать растительные остатки, т.е. судить о наличии или отсутствии в сосуде растительной пищи. Возможным методическим упущением указанного автора является отсутствие анализа контрольных образцов грунта из верхней части заполнения сосудов. Это ставит под сомнение достоверность проводимых реконструкций, так как фитолиты могли попасть на дно сосуда при заполнении его почвенно-грунтовым материалом. Оригинальная методика предложена Л.Л. Гайдученко [2000, с. 150–169]. Им проводился анализ нагара, встречающегося внутри глиняных сосудов. Полученные данные позволили определить состав пищи, которая, как правило, была «композитной», т.е. с сочетанием мясных, молочных и растительных продуктов. На наш взгляд, такой подход также не лишен некоторых методических упущений. Нагар мог появиться в сосуде при неоднократном использовании емкости, что обеспечило наслоение разных следов. Возможно, поэтому пища определяется как композитная.

В этой связи представляется обоснованным утверждать, что основным химико-аналитическим методом, позволяющим реконструировать исходное содержимое сосудов, является метод определения подвижных форм соединений фосфора в почвах и грунтах. Известно, что при попадании органического вещества растительного или животного происхождения на минеральный субстрат последний обогащается соединениями фосфора. Для нас особый интерес представляет количество фосфора в зерне, мясе и молоке. Оказывается, что в пшенице, ячмене и овсе оно в 1,5–2 раза выше, чем в говядине и свинине, и в 4–5 раз больше, чем в молоке. В грунтах и воде соединений фосфора обычно содержится на порядок меньше. Рассмотренные различия в составе исходных пищевых продуктов позволяют провести дифференциацию грунта из придонной части сосудов по концентрации фосфатов, существующей в настоящее время. Если в них находилась органическая пища, то придонный грунт характеризуется более высоким содержанием фосфора по сравнению с фоновым грунтом из верхней части сосудов. В случаях же одинаковой или близкой его концентрации в этих слоях содержимое условно реконструируется как вода.

Основная цель нашего исследования заключалась в реконструкции исходного содержимого керамического сосуда из подкурганного захоронения с использованием фосфатного и биоморфного методов. Кроме этого, представлялась возможность рассмотрения ландшафтной обстановки во время сооружения кургана на основе данных биоморфного анализа грунта, заполнявшего горшок.

Район, объекты и методы исследований

Курганная группа Бугры зафиксирована в Алейской степи, на территории северо-западных предгорий Алтая (рис. 1). В административном плане – это Рубцовский район Алтайского края. Ближайший крупный населенный пункт – г. Рубцовск – находится в 30 км к северу–северо-западу от памятника, который состоял из пяти крупных

курганов, расположенных цепочкой в 1–1,5 км к западу и северо-западу от небольшой деревни Бугры и в 3,5 км к юго-западу от с. Новониколаевка.

Рис. 1. Месторасположение памятника Бугры

Климат указанного региона резко континентальный, среднегодовая норма атмосферных осадков – около 300 мм. Рельеф равнинный, расчленен многочисленными речными долинами и овражно-балочной сетью. Абсолютные высоты поверхности более 200 м. На востоке равнинная степь переходит в предгорья Алтая с волнистым рельефом с денудированными горными вершинами. Район входит в зону степей с черноземными суглинистыми почвами различной степени засоленности и солонцеватости.

В 2007 г. археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.А. Тишкина были начаты раскопки кургана №4. Земляная насыпь длительное время опаживалась со всех сторон (рис. 2). Северо-восточная часть земляной конструкции оказалась повреждена бульдозерами. Кроме этого, отмечено 14 грабитель-

ских ям и западин разной конфигурации, а также многочисленные норы. Географические координаты центра кургана №4 следующие: N – 51° 18.476'; E – 081° 25.276'. Диаметр сохранившейся земляной насыпи этого объекта составлял около 60 м, а высота – почти 3 м.

Рис. 2. Бугры. Курган №4. Вид до раскопок

История обнаружения и обследований памятника Бугры, а также результаты осуществленных раскопок и другие данные изложены в целом ряде публикаций [Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, с. 152; Тишкин, 2007, 2008, 2012 и др.]. В настоящее время курганная группа Бугры отнесена к каменной археологической культуре и предварительно датирована III–I вв. до н.э.

В 2010 г. археологические исследования проводились в крайнем сегменте северо-западного сектора кургана №4. Там было обнаружено несколько костей, в том числе человеческих, в основном в грабительских выбросах. После снятия насыпи, на уровне древней поверхности (у бровки), выявлен целый керамический сосуд (рис. 3), который, как выяснилось позже, оказался связан с могилой-7, располагавшейся в следующем сегменте северо-западного сектора.

Рис. 3. Керамический сосуд, найденный около могилы-7 при снятии насыпи кургана №4 памятника Бугры

Обнаруженная емкость представляла собой лепной плоскодонный горшок высотой 14,7 см. Венчик слегка отогнут и местами обломан. Его диаметр – 7,5 см (рис. 4). Сосуд оказался заполнен землей. А.А. Тишкиным из верхней, средней и нижней частей этого заполнения был взят грунт для анализов. Данные образцы стали объектами лабораторных исследований. Кроме них, привлечен материал выкида из могильной ямы, перекрывавший палеопочву. С использованием фосфатного метода исследованы все четыре образца, биоморфным методом – образцы из верхней и нижней частей грунтового заполнения сосуда.

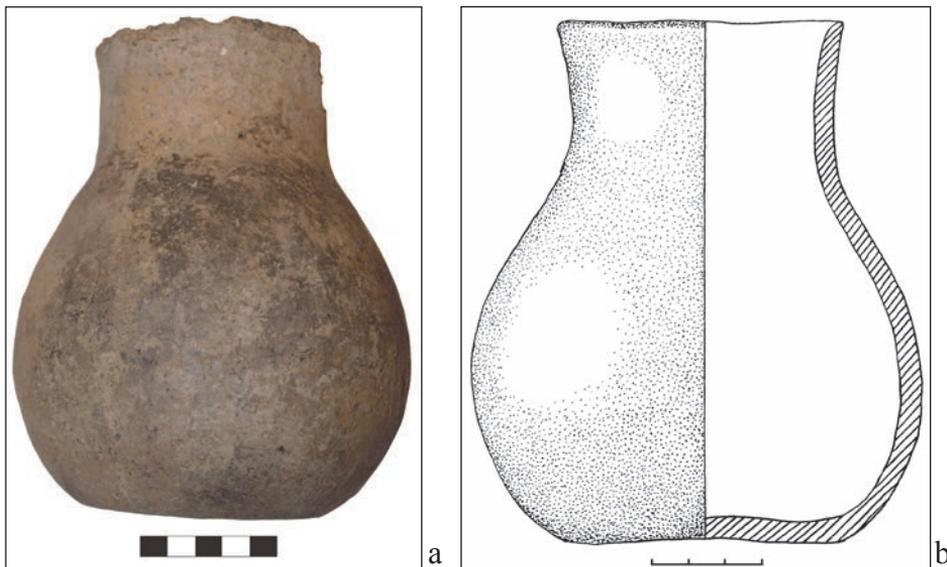

Рис. 4. Бугры. Курган №4. Керамический сосуд

Как видно на рисунке 3, курганная насыпь была сооружена преимущественно из верхнего слоя палеочернозема, включавшего гумусово-аккумулятивный горизонт А1, переходный горизонт АВ и иллювиальный горизонт В. Заполнение могильной ямы представляло собой фрагменты этих горизонтов, а также материал почвообразующей породы желто-бурого цвета (лессовидный карбонатный засоленный суглинок). Результаты макроморфологического анализа образцов грунта из горшка (серо-бурый цвет, зернисто-мелкокомковатая структура) дают основания считать их смесью материала горизонтов АВ и В палеопочвы. Образец выкида из могильной ямы является лёссовидным суглинком.

Фосфатный метод. Существующие агрохимические методы определения фосфора прежде всего предназначены для анализа степени обеспеченности почв его подвижными соединениями, доступными для питания сельскохозяйственных растений. В зависимости от почвенных свойств используются различные методы. В частности, при высоком содержании карбонатов, которое, как правило, характерно для почвогрунтов степной зоны, применяется вытяжка Б.П. Мачигина [Аринушкина, 1980, с. 332–335]. Именно эта методика использовалась в наших исследованиях. Ее суть заключается в следующем. Из образцов фосфаты извлекаются 1%-ным раствором углекислого аммония $(\text{NH}_4)_2\text{CO}_3$ с рН 9.0 при отношении почвы (грунта) к раствору 1:20 и часовом взбалтывании. В вытяжку переходят моно- и дифосфаты кальция, в небольшом количестве органические соединения фосфора и малорастворимого трифосфата кальция. Определение содержания P_2O_5 про-

водилось следующим образом. 5 г воздушно-сухого грунта из сосуда, просеянного через сито с отверстиями 1 мм, поместили в склянку емкостью 200–250 мл. Затем прилили 100 мл 1%-ного раствора $(\text{NH}_4)_2\text{CO}_3$, закрыли пробкой и взбалтывали на ротаторе один час. По окончании взбалтывания вытяжку фильтровали через плотный беззольный фильтр. 20 мл вытяжки поместили в мерную колбу емкостью 100 мл. Если она не окрашена, нейтрализуют углекислый аммоний разбавленной серной кислотой по *b*-динитрофенолу до слабого желтого окрашивания. Затем приливается 10 мл 27%-ной серной кислоты и 10 мл 2%-ного молибденовокислого аммония. Далее колба доливалась дистиллированной водой почти до метки, ее закрывали пробкой, тщательно перемешивали, добавляли 3–4 капли 1%-ного раствора хлористого олова, снова перемешивали, доливали воду до метки и через 10–15 минут проводили определение подвижных фосфатов на фотоэлектрокалориметре. Если исходная вытяжка из грунта была окрашена, то проводилась операция по ее обесцвечиванию. Аликвотную часть (20 мл) помещали в коническую колбу емкостью 100 мл и добавляли 5,6 мл 27%-ной серной кислоты. Затем раствор нагревался почти до кипения и к нему прибавлялся из пипетки по каплям 0.1 н. раствор KMnO_4 до слабо-розовой окраски. Обесцвеченную аликвотную часть вытяжки переливали в мерную колбу емкостью 100 мл, добавляли 10 мл молибденовокислого аммония и 3–4 капли раствора хлористого олова. Все перемешивалось (раствор доводился до метки водой) и колориметрировалось.

Биоморфный метод. Образцы для комплексного микробиоморфного анализа обрабатывались по следующей методике. Проба массой 30 г, взятая методом квартования, кипятилась в 10% HCl , освобождалась от ила отмучиванием и затем обогащалась в тяжелой жидкости. Анализ микропалеофоссилий представляет собой сопряженное изучение под микроскопом компонентов биогенной фракции образца, в частности, пыльцы, спор, древесного и травяного детрита, грибных гифов и их плодовых тел, углистых частиц и биогенного кремнезема, включающего фитолиты, диатомовые водоросли, спикулы губок, раковины амев, с последующим обзором всего комплекса в целом. Определение и подсчет микробиоморф (фитолиты, кутикулярные слепки, споры, пыльца, спикулы губок, панцири диатомовых водорослей и т.д.) проводились на препаратах с глицерином на микроскопе Carl Zeiss при увеличении в 100 и 400 раз с применением фазового контраста. Фитолиты были разделены на ряд групп – округлые, удлинённые, трапециевидные, гантелевидные, трихомы. В каждой группе были выделены формы на основании их проекций в различных плоскостях, характера поверхности и некоторых других признаков.

Перейдем к обсуждению и интерпретации полученных аналитических данных.

Результаты и обсуждение

Результаты фосфатного анализа грунта. Полученный ранее фактический материал позволил определить количественные градации содержания подвижных соединений фосфора для разделения пищи на органическую и минеральную, соответственно, «каша» и «вода» [Демкин и др., 1988, с. 15–16]. В дальнейшем шкала реконструкции была усовершенствована и детализирована [Демкин, Демкина, 2000, с. 73–81; Демкин, Демкина, Борисов, 2000, с. 31–36]. Находки сосудов с костями животных позволили с большой долей вероятности разделить понятие «каша» на собственно растительный продукт (кашу) и мясной бульон. При тщательном исследовании серии позднесарматских кувшинов на их внутренних стенках были обнаружены пленки желто-белого цвета. Биохимическим анализом в них установлено значительное количество казеина, что дает основания считать исходное содержимое этих сосудов молочным продуктом. В том случае, когда ниж-

няя часть заполнения сосуда имеет экстремально высокие показатели обеспеченности подвижным фосфором (более 15–20 мг/100 г), его исходное содержимое определяется как наркотическое вещество (вероятно, отвар семян мака или конопли). Разработанная на сегодняшний день шкала реконструкции погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений степной зоны по концентрации фосфатов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Шкала реконструкции погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений

Содержание фосфора, Δ		Тип сосуда	Реконструкция содержимого
Градация	Преимущественно		
<2	0–0,5	Горшки, кувшины	Вода (либо пустой)
2–8	4–7	Горшки	Мясной бульон
		Кувшины	Молочный продукт
8–15	10–12	Горшки	Каша
>15	20	Кувшины, горшки	Наркотическое вещество

Как показал лабораторный анализ (табл. 2), во всех исследованных образцах из Бугров отмечается низкое содержание фосфора, особенно в лёссовидном суглинке выкида из могильной ямы. Как известно, в профиле почв максимальное содержание подвижного фосфора характерно для гумусового горизонта А1. Глубже оно резко снижается в несколько раз (нередко даже на порядок) и в горизонтах АВ и В черноземов обычно колеблется в пределах 4–2 мг/100 г почвы, а в карбонатной почвообразующей породе (лёссовидный суглинок), как правило, не превышает 1 мг/100 г. Небольшая разница в содержании фосфора между верхней/средней и нижней частями заполнения сосуда (2,1–2,2 и 3,6 мг/100 г), скорее всего, объясняется тем, что в последней, по данным морфологического анализа, больше доля материала горизонта АВ, для которого характерна более высокая концентрация фосфора по сравнению с горизонтом В. Но даже и без учета этого факта разница в содержании фосфора в придонной и верхней частях грунта из сосуда составляет 1,4 мг/100 г, что, согласно шкале реконструкции погребальной пищи (табл. 1), соответствует воде. Не исключено, что горшок был пустым. Окончательный вывод мы сделаем после рассмотрения результатов биоморфного анализа.

Таблица 2

Содержание фосфора в исследованных объектах
(анализы проводились в трехкратной повторности)

Объект исследований	Содержание P_2O_5 , мг/100 г почвы
Грунт из верхней части заполнения сосуда	2,2
Грунт из средней части заполнения сосуда	2,1
Грунт из нижней части заполнения сосуда	3,6
Выкид из могильной ямы	1,2

Характеристика микропалеофоссилий из верхней и придонной частей заполнения сосуда. Биоморфный анализ проводился в двух образцах, отобранных из верхней и нижней частей почвенно-грунтового заполнения горшка. Остановимся на качественной и количественной характеристике выявленных микробиоформ и особенностях танатоценоза в целом.

Прежде всего следует отметить, что после сооружения курганов и последующего заполнения погребальных сосудов почвенно-грунтовым материалом в составе и структуре танатоценозов могли происходить вторичные (диагенетические) изменения, обусловленные сложившимися специфическими экологическими условиями в сосуде (сравнительно рыхлое сложение грунта, возможное повышение его влажности, отсутствие стрессовых условий, вызванных периодическим промерзанием-оттаиванием, отсутствие доступа кислорода и др.). В частности, вторичное переувлажнение грунта в сосуде могло приводить к формированию или большему накоплению ряда микропалеофоссилий «*in situ*», в частности, спикул губок, раковин диатомовых водорослей и пр. Однако возможное проявление процесса диагенеза в структуре исходного танатоценозов диагностируется с помощью микробиоморфного анализа. Сразу отметим, что в исследованном объекте подобного рода изменения не зафиксированы. Это дает основания исключить наличие воды в горшке на момент его заполнения почвенно-грунтовым материалом.

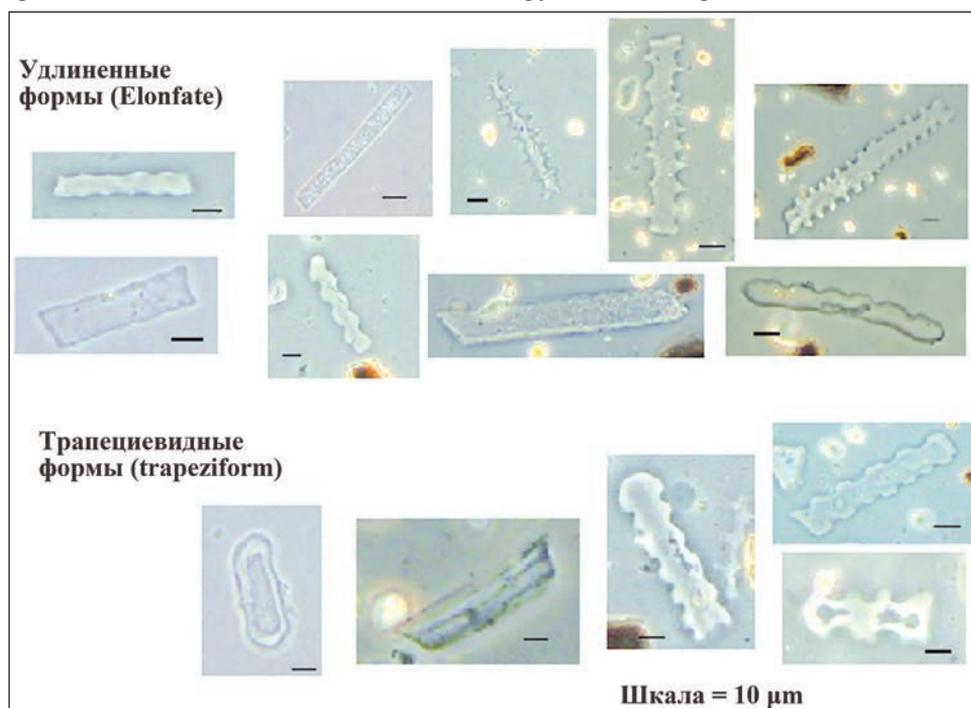

Рис. 5. Формы фитолитов, обнаруженных в почвенно-грунтовом заполнении керамического сосуда (памятник Бугры, курган №4, могила-7)

В результате анализа установлено высокое содержание микробиоморф, причем их спектры в образцах из верхней и нижней частей заполнения горшка оказались идентичными. Равномерное распределение фитолитов, их качественные характеристики и сходство морфотипов в исследованных слоях дают основания считать, что почвенно-грунтовой материал в горшке представлен однородной смесью горизонтов АВ и В палеочернозема. Фитолиты представлены различными формами с преобладанием трапецевидных, округлых и удлиненных (рис. 5). Среди них встречаются корродированные и искривленные. Кроме того, выявлены трихомы. По размерам основная масса фитолитов

относится к мелким и средним, крупные формы (>>100 мкм) единичны. В ботаническом отношении их формы характерны для двудольных трав и разнотравья. Особо следует отметить, что фитолиты культурных злаков не обнаружены. Также не выявлены гифы и плодовые тела почвенных микроскопических грибов, углистые частицы, диатомовые водоросли, спикулы губок, раковины амёб, древесный детрит, остатки эпидермиса, наличие которых характерно для гумусово-аккумулятивного горизонта А1 почв. Травянистый детрит и палиноморфы встречаются единично. Следовательно, результаты биоморфного анализа свидетельствуют об отсутствии в исследованном сосуде пищи растительного происхождения. Выявленные биоморфные спектры отражают особенности естественной растительной ассоциации времени сооружения археологического памятника.

Заключение

Таким образом, результаты макроморфологического, фосфатного и биоморфного анализов из различных слоев почвенно-грунтового заполнения керамического сосуда из кургана №4 могильника Бугры дают основания сделать следующее заключение. Этот материал является довольно однородной смесью горизонтов АВ и В палеочернозема, слагавшего курганныю насыпь. Вероятно, сосуд находился на перекрытии могильной ямы и после ее обрушения оказался в засыпи. По данным фосфатного анализа он был с водой либо пустой. Последнее подтверждается результатами биоморфных исследований, в частности, отсутствием спикул губок и панцирей диатомей как индикаторов переувлажнения, а также фитолитов злаков культурных растений. Анализ биоморфных спектров грунта из сосуда позволяет получить представления о составе растительного покрова во время создания кургана. Фитоценоз этого периода представлял собой разнотравную растительность с преобладанием злаков, в том числе овсяниц, скорее всего типчака (*Festuca sulcata*), произрастающего, как правило, на солонцеватых и засоленных почвах. Фитолиты осок и околородных растений (тростник, рогоз и др.) не обнаружены. Следовательно, растительная ассоциация времени сооружения памятника была характерна для степного автоморфного ландшафта с нормальным режимом атмосферного увлажнения.

Библиографический список

Александровский А.Л., Александровская Е.И. Определение содержимого сосудов из погребений эпохи бронзы – раннего железного века могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). М.; Элиста: ГИМ, КИСЭПИ, 1999. С. 48–51.

Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 488 с.

Борисов А.В., Демкин В.А., Ельцов М.В., Сергацков И.В. Исходное содержимое в глиняных сосудах из курганных погребений могильника «Авиловский-II» // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: ВолГУ, 2004. Вып. 2. С. 55–59.

Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника «Аркаим». Челябинск: Б.и., 2000. С. 150–169.

Гольева А.А. Биоморфный анализ образцов из курганных погребений могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии. М.; Элиста: ГИМ, КИСЭПИ, 1999. С. 62–89.

Гольева А.А., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Биоморфный анализ материалов из погребений катакомбной культуры (Ставропольский край) // Материалы по изучению историко-культурного на-

следа Северного Кавказа. М.: ГИМ, 2001. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. С. 163–181.

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 213 с.

Демкин В.А., Демкина Т.С. О возможности определения погребальной пищи в керамических сосудах из курганов бронзового и раннежелезного веков // Этнографическое обозрение. 2000. №4. С. 73–81.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В. Степные курганы открывают новые тайны // Природа. 2000. №3. С. 31–36.

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С., Скрипниченко И.И. О возможности историко-социологических реконструкций при почвенно-археологических исследованиях: препринт. Пушкино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1988. 20 с.

Ларина Н.С., Матвеева Н.П., Швецова И.П., 2011. Определение характера пищи в сосудах из захоронений могильника Устюг-1 (Зураулье) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: ИПСО РАН, 2011. Вып. 4. С. 183–188.

Шишлина Н.И., Демкин В.А., Бобров А.А. Изучение системы питания степных жителей северо-западного Прикаспия в эпоху бронзы и раннего железного века // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии северо-западного Прикаспия. М.; Элиста: ГИМ, 2002. С. 314–323.

Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 382–387.

Тишкин А.А. О продолжении полевых исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 260–263.

Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa (Joanni Chochorowski dedicatae)*. Krakow: Wydawnictwo Profil-Archeo, 2012. P. 282–290 (на рус. яз).

Тишкин А.А., Киришин Ю.Ф., Казаков А.А. Рубцовский район: Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 149–166.

O.G. Zanina, A.A. Tishkin, A.K. Khodzhaev, V.A. Demkin

RESULTS OF PHOSPHATIC AND BIOMORPHIC ANALYSES OF SOIL FILLING OF THE VESSEL FROM BARROW №4 SITE, BUGRY (The Northwest Foothills Of Altai)

During the excavation of «tsar» barrow №4 in the Buggy cemetery in the Rubtsovsky area of the Altai Region (Russia) there was found a whole ceramic vessel which was under an earthen embankment near the grave-7. This site belongs to the Kamensk archaeological culture and dates to the last centuries of the 1st millennium BC. To establish the initial contents of the pot, as well as to clarify the landscape environment during the construction of barrow №4, a special study of the soil samples was taken. They were taken from the upper, middle and lower portions of the vessel. These materials were investigated with use of the phosphatic and biomorphic methods, the features of which are presented in detail in the article. Utilizing the existing experience, conducted operations, and the laboratory results obtained, we managed to find out that the grave-7 ceramic vessel was either filled with water or was completely empty. The analysis of the spectra of the biomorphic lot gave an idea of the structure of vegetation during the creation of the site. Plants associated with the time of the construction of barrow number 4 are typical for a steppe automorphic landscape with a normal mode of atmospheric moistening. The findings demonstrate the possibility of further comprehensive study of the soil mounds of the steppe and forest-steppe zone of the Altai Territory.

Keywords: the Aleisk steppe, north-western foothills of Altai, the Kamensk archaeological culture, excavation mound, ceramic vessel, soil samples, soil phosphate analysis, biomorphic method, laboratory research, reconstruction, landscape.

УДК 902(510):7

Ю.И. Елихина, О.Г. Новикова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКИХ ЛАКИРОВАННЫХ ЧАШЕЧЕК ЭПОХИ ХАНЬ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА (Россия)

В коллекции Государственного Эрмитажа представлены уникальные китайские лакированные изделия эпохи Хань из курганов сюнну, открытые в горах Ноин-Ула на севере Монголии экспедицией 1923–1926 гг. выдающегося русского путешественника и исследователя Центральной Азии Петра Кузьмича Козлова (1863–1935).

Статья посвящена изучению артефактов этой коллекции – китайских чашечек с ручками (эр-бэй), выявленных в различных по времени погребениях Ноин-Улы (период между 2 г. до н.э. – концом I в. н.э.). В исследовании представлено сочетание искусствоведческого и технологического подходов к изучению их лакокрасочных покрытий. Дана характеристика росписей, проведено изучение и сравнение технологических особенностей материалов и их окраски. Химический состав и структура лаков и красок экспонатов изучены физико-химическими методами (микроскопия, ИК-спектроскопия и рентгеноструктурный анализ). Установлено, что многослойные лакокрасочные покрытия экспонатов из Ноин-Улы выполнены в специфичной технике природным материалом, полученным из сока лакового дерева (лат. *Rhus verniciflua*), кит. *ци-уу* (漆樹, англ. *qi-lacquer*, яп. *urushi*). Основу его составляет биополимер на основе пирокатехинов урушиола. Рассмотрена роль тунгового масла (тун-чжюу, 桐油) в составах изученных образцах ци-лака. Комплексный подход к изучению лаковых чашечек из ноин-улинской коллекции ГЭ позволил уточнить круг предназначения (высокого достатка или ширпотреба), культурно-хронологическую атрибуцию и подтвердить их датировку.

Ключевые слова: археологические лаки из коллекции Государственного Эрмитажа, изделия с лаком эпохи Хань из курганов Ноин-Улы, чашечки с ручками (эр-бэй), лакокрасочные материалы на основе урушиола, ци-лак, модификация, тунговое масло, природный феноло-масляный композит, физико-химические методы исследования, ИК-спектроскопия, рентгеноструктурный анализ, атрибуция.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-09

Китайские лакированные изделия на сегодняшний день считаются одной из доминирующих составляющих материальной культуры династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Период с 206 г. до н.э. – 8 г. н.э. – апогей лакового искусства ханьского Китая.

Хорошо известно, что лак использовался в Китае как защитное водонепроницаемое покрытие с древних времен и изготавливался из сока лакового дерева (Сумах лаконосный) (лат. *Rhus verniciflua*), по-китайски *ци-уу* (漆樹, англ. *qi-lacquer*, яп. *urushi*). Природный ареал его произрастания – южные провинции Китая, именно там изначальная зона распространения лаковых изделий. Самые древние *ци-лаки* коричневого цвета. Древние мастера оттачивали методы очистки и технологии нанесения сока, испытывая и доводя до совершенства свойства покрытий [Восточноазиатские лаки, 2000]. Собирая «сок жизни» *шен-ши* (生漆) в медные емкости, китайцы получили черные лаки (продукт реакции образования хелатных комплексов фенольных соединений урушиола лака с металлами) с лучшими защитными свойствами. Чтобы лак был тверже, из сока выпаривали излишек воды. Перемешивая его железным стержнем, добились еще большего улучшения его свойств.

Китайская философия обосновала сакральную функцию лака. Для того чтобы ее воплотить – для обретения лаком стихии Огня (красного цвета), – по-видимому, также понадобились многочисленные опыты. Ведь сок практически не смачивает пигменты. Сложнейшая задача была решена – сок стали смешивать с киноварью, предварительно перетертой с *тун-чжюу* (тунговым маслом, 桐油). Сакральность «царя красок» известна

из поэтических метафор. Цвет свежего сока для китайцев олицетворял снег. Слои лака: черный *ши* – землю, красный *тон-ши* (彤漆) – кровь. Кроме того, черный цвет символизирует север и Воду, а красный – юг и Огонь. Сочетание красного и черного слоев лака считалось благоприятным, так как при этом силы Огня и Воды взаимно нейтрализуются.

Весь трудоемкий процесс лакирования от начала до конца строго подчиняется пятичленной системе стихий. Земля рождает Дерево, которое в ответ на повреждение защищает себя, истекая ядовитым соком. В руках людей он становится лаком и несет уже в себе стихии Земли и Огня. Застывает лак только в присутствии влаги (стихий Воды), после этого он огнестоек, выдерживает перемены температур и влажности. Но есть у «короля красок» свои «недрузи» – солнечный свет и сухой воздух.

Широко использовать лак для окраски различных предметов стали с конца V в. до н.э. в государстве Чу (722–481 гг. до н.э.), в южном Китае. К этим временам уже существовали различные лаковые строго регламентированные технологии, операции которых были сведены в специальных трактатах. Лак был антикоррозионным и антибактериальным изолирующим материалом. Он продлевал жизнь изделий не только металлов и терракоты, но и органических материалов. Им окрашивали кожу и все типы изделий из дерева (столы, стулья, сосуды, шкатулки, коробочки, мебель, музыкальные инструменты, оружие, колесницы и гробы) [Bonanni, 2009]. Китайцы смогли окультурить лаковое дерево и вывели сорта, которые стали выращивать и в своих северных государствах. Количество деревьев и собранного сока строго контролировали и учитывали в специальных учреждениях. Ко времени династии Цинь (221–206 гг. до н.э.) лак столь широко использовался, что появилась технология изготовления сосудов из лака без деревянной основы, в которой вместо пропитанного лаком волокна из китайской крапивы (*рами*) применялась ее сердцевина.

Во времена династии Хань лак был также популярен, как и шелк. Изделия из них обладали внутренней ценностью, выделяясь главным образом дизайном и качеством. Но сок не разводится водой, а из-за густоты он дает слишком толстые слои, которые надо долго сушить. Рабочие свойства, внешний вид и стоимость составов мастера изменяли путем добавления в сок других органических материалов, таких как высыхающие масла и модификаторы (сок хурмы, шеллак, животный клей, древесина, крахмал и др.). Масла разжижают ци-лак, и чаще всего его разбавителем (*paint media*) было масло дерева тунг (桐)*. При оптимальном содержании масла в ци-лаке добивались наилучших прочностных и защитных свойств лакокрасочных покрытий (ЛКП). Однако излишек масла в составе лака, хотя и понижал его цену, вел к ухудшению свойств ЛКП. Рецептура лака сохранялась в секрете.

Гладкий шелк и лаковые изделия низкого качества (за счет уменьшения количества операций по обработке слоев, снижения соблюдения технологических приемов и ухудшения составов из-за использования большого количества дешевых модификаторов) получили очень широкое распространение среди простых людей. Полихромный узорчатый шелк и лаковые изделия (с красной и черной росписью или даже с инкрустацией серебром и золотом) были очень дороги и служили маркером социального

---

* Тунговое масло (совр. продукт с торговым названием «дун-нефть») получают из орешков тунгового дерева (*Vernicia fordii*). Относится классу высыхающих растительных масел, так как содержит 66–82% ненасыщенной элестеариновой кислоты. Высыхает оно быстрее льняного масла, а покрытия из тунгового масла более прочны. Однако долговечность покрытий на его основе непоставима со стойкостью лакокрасочных покрытий на основе ци-лака, по этому показателю они относятся к различным классам ЛКП.

статуса. Количество и качество лакированных изделий в археологическом контексте – свидетели богатства и социального статуса владельца или могут демонстрировать его связи с Ханьским императорским двором.

Производство лаковых изделий было широко распространено и в империи Хань, особенно на юге, где лаковые деревья произрастали в природе. Многочисленны их находки в захоронениях этого времени. Более того, лакированные изделия находили на севере в районе оз. Байкала и на западе в Беграме (Афганистан) [Louis, 2006, p. 48–53]. Находки лаков в столь отдаленных районах объяснимы торгово-экономическими отношениями народов вдоль Великого шелкового пути. Лакированные чашечки находили не только в китайских погребениях, но и на территории современной Кореи, Монголии и Бурятии. Их изготавливали в период, начиная с династии Восточная Чжоу и заканчивая династией Тан [Руденко, 1962, с. 36, рис. 28; Lawton, Fu and others, 1987, p. 109; Lui, Nylan and others, 2005, p. 358–363]. Также лакированные изделия были найдены в Монголии и в Бурятии в курганах сюнну. К ним относятся и находки из Ноин-Улы.

Могильники в горах Ноин-Ула на севере Монголии – одни из самых известных археологических памятников. Они были открыты последней экспедицией 1923–1926 гг. Петра Кузьмича Козлова (1863–1935), выдающегося русского путешественника и исследователя Центральной Азии. Всего было раскопано восемь курганов. Во всех могильниках Монголо-тибетской экспедицией было учтено 212 курганов [Руденко, 1962, с. 8]. Конструкция раскопанных курганов в общих чертах сходная. Они имели квадратную насыпь, ориентированную по сторонам света, и квадратную могильную яму глубиной от 6 до 13 м. На дне могильной ямы устилался пол, на котором устанавливалась двойная камера с гробом во внутренней камере. Полы застилались коврами, стены драпировались тканями. В коридорах помещался погребальный инвентарь. Ноин-улинские курганы датируются I в. н.э. [Miniaev, Elikhna, 2009, p. 21–31].

Эр-бэй. Сохранилось достаточно много фрагментов лакированных изделий, но наибольшее распространение получили чашечки характерной, простой и элегантной (эллипсоидной) формы. Они имеют невысокий бортик и плоское дно. На ободе с обеих сторон емкости расположено по две удлиненных ручки. Внешний их край – овальный, внутренний – вогнутый и примыкает к стенке чашечек. В Китае считают, что их форма (вид сверху) напоминает полумесяц. Подобные чашечки для вина в китайской традиции называли «крылатыми» (кит. 耳杯, *эр-бэй* или бэй), их считают древним китайским устройством для питья.

Чаще всего чашечки такого типа были окрашены. Ручки, обода, внешние стенки и дно чашечек обычно окрашены в более темный (черный) цвет по сравнению с внутренней окраской и расписаны. Изнутри такие чашечки покрывали краской красного цвета. Снаружи по черному или коричневому фону украшали декоративным и геометрическим орнаментами, красного или оранжевого цвета. В качестве основы под лак такие чашечки вырезали чаще всего из целого куска древесины [Лубо-Лесниченко, 1969, с. 267].

Использовали их традиционно для вина, о чем свидетельствуют и сцены пиршеств из ханьских гробниц [Lui and others, 2005, p. 356]. Известны также чашечки, которые, судя по надписям, были предназначены для вина и пищи [Lui and others, 2005, p. 363]. Не все чашечки имеют надписи, гораздо больше встречается не подписанных.

Подобные чашечки изготавливали из камня, кости, перламутра, стекла, горного хрусталя, нефрита, керамики, позолоченной бронзы и дерева. В любом случае такие

чашечки принадлежали элитной части общества. Иногда для таких чашечек в качестве подставок использовали специальные бронзовые жаровни для подогрева содержимого чаши. В некоторых случаях к бронзовым чашечкам приделывали ножки и ставили их на специальный глубокий поднос. Могли ставить чашку на маленькое блюдце или соусник, реже для каких-то особо торжественных ситуаций чашечку ставили на подставку с высокой ножкой или невысокой ножкой в зависимости от церемониала. Эти чашечки использовали для рыбы и тушеного мяса. На некоторых каменных рельефах из могильников ханьского времени на таких чашечках в качестве пищи, подносимой духам предков, есть изображения (рыбы, курицы или черепахи) [Lui and others, 2005, p. 354–359]. Хранили деревянные окрашенные чашечки в специальных лаковых орнаментированных контейнерах, в которые их вмещалось семь штук.

Экспедицией П.К. Козлова в курганах Ноин-Улы всего было найдено пять чашечек эр-бэй из дерева (одна в кургане №6, четыре в кургане №23) и один фрагмент в Андреевском кургане, раскопки 1925 г. Одна из них (из кургана №23) была передана в Исторический музей г. Улан-Батора в 1927 г. Всего в коллекции находок из Ноин-Улы, хранящейся в Государственном Эрмитаже, имеются четыре чашечки (MP-2301, MP-2302, MP-2303, MP-2304). Еще одна чашечка была найдена А.Д. Симуковым, она хранится в Историческом музее г. Улан-Батора. Таким образом, в Монголии хранятся две чашечки: одна из кургана №23 и вторая из раскопок А.Д. Симукова 1927 г., она происходит «...из одинокого кургана в Цзурумтэ, пониже Кондратьевского» [Письма..., 2007, с. 105]. Чашечки служат примером торговли или обмена между Хань и Сюнну.

Конструкция. Три ноин-улинские чашечки из собрания ГЭ выдолблены из цельного куска просушенной древесины. Ручки вырезаны отдельно и приклеены к туловищу чашечки MP-2301 [Лубо-Лесниченко, 1969, с. 268]. Затем на заготовку последовательно наносили систему из лакокрасочных покрытий, несущих в первую очередь защитную функцию для древесины (результаты технологических и химических исследований красочных слоев приведены ниже).

Краски чашечек (а также очень прочные клеевые соединения ручек к бортам) вполне выдержали проверку временем. Но все же некоторые (и достаточно характерные) разрушения на чашечках есть. Они часто однотипны и обусловлены специфической формой и конструкцией емкостей. Отметим, что повреждения ЛКП находятся отнюдь не в самых слабых (наиболее криволинейных местах) древесной основы. Деформации подверглись не самые проблемные участки стенок чашечек. Наибольшие повреждения древесины произошли по более пологим сторонам, прилегающим к зонам крепления ручек (рис. 1.-1). В некоторых случаях деформация вызвала только коробление лакокрасочного покрытия, а в других была настолько значительна, что привела к полной его утрате. Известны случаи и пластового разрыва древесины чашечек (National Museum of Mongolian History, unnumbered) или полного отрыва стенок с ручками. На чашке из кургана №6 (MP-2301, вид сверху или снизу) наблюдается сильный сдвиг древесины и ручек относительно друг друга (с полной утратой красочного слоя).

Разрушения произошли из-за внутренних напряжений, возникших в основе (их величина зависит от породы дерева). Из-за неоднородности и криволинейной анизотропии волокон древесины они появляются даже при равномерной сушке. При бытовании вещи в условиях погребения вдоль сечения материала возник градиент гигроскопической влажности. Напряжения в ее древесине еще более возросли. Затем из-за

Рис. 1. Чашечки из Ноин-Улы, вид со стороны донца (из коллекции Государственного Эрмитажа): 1 – МР-2301; 2 – МР-2302; 3 – МР-2303; 4 – МР-2304

роста асимметрии их распределения по объему изделия изменилась форма сечения древесной основы – вплоть до появления поперечного коробления и растрескивания вдоль пластов волокон (рис. 1.-1–4).

Почему же мастера Китая веками воспроизводили в древесном материале эту сложную форму для чашечек эр-бэй, изначально обрезаая ее ЛКП на проверку временем? С химической точки зрения, испытания на долговечность (на протяжении двадцати веков в земле при переменных температурах и влажности) лак чашечек выдержал. Он показал свои прекрасные защитные свойства (адгезионные и физико-механические). Но силу таких деформаций на растяжение (которые привели к трещинам в древесине шириной в несколько десятков сантиметров) не способен выдержать ни один из ныне известных современных специальных лакокрасочных материалов.

Предполагаем, что в основе изготовления чашечек эр-бэй лежат глубокие философские аналогии. По форме чашечки эр-бэй схожи с сосудами для сбора сырого лака, а его название означает полноту жизненной энергии и духа. В емкости подобной формы, но только сделанных из металла, с древности и доньне в Китае собирают млечный сок ци-шу. Ручки емкости выполняют важную функцию в сборе сока. Одну из них глубоко вклинивают в надрез на стволе дерева, и ручка прочно держит конструкцию на весу, не позволяя ни одной капле драгоценной жидкости упасть на землю*. По мере наполнения емкость с силой вытаскивают из ствола, держа ее за другую ручку.

* Овальная форма чашки (в сравнении с круглой, например) позволяет прикрепить к чашке ручку большей длины, а значит, увеличить прочность конструкции и собрать одновременно без потерь больший объем сока. Известны лаковые чашки (времени государства Чу) с ручками, имеющими вогнутый внутрь наружный край. Такая конструкция позволяет еще лучше совместить чашку с деревом.

Лакированная чашечка из кургана №6 (MP-2301) (длиной 161 мм) декорирована фигурками фениксов и спиралевидными красными орнаментами, нанесенными по темно-коричневому лаковому фону (рис. 2.-1–2). Еще одна фигурка птицы процарапана на накладной бронзовой ручке. Внутренняя поверхность не орнаментирована. Надпись на боковой поверхности края донца чашечки переведена О. Хуммелем и С. Умехарой. Кроме того, чашечка была изучена М. Пираццоли. По ее мнению, она изготовлена в частной мастерской и является копией изделий императорских мастерских [Pirazzoli-t'Serstevens, 2009, с. 36–41]. Надпись прорезана и состоит из семнадцати иероглифов. Судя по надписи, чашечка изготовлена во 2 г. до н.э. На внешней стороне дна чашечки красной краской нанесены иероглифы Шанлинь, которые обозначают название императорского дворцового парка.

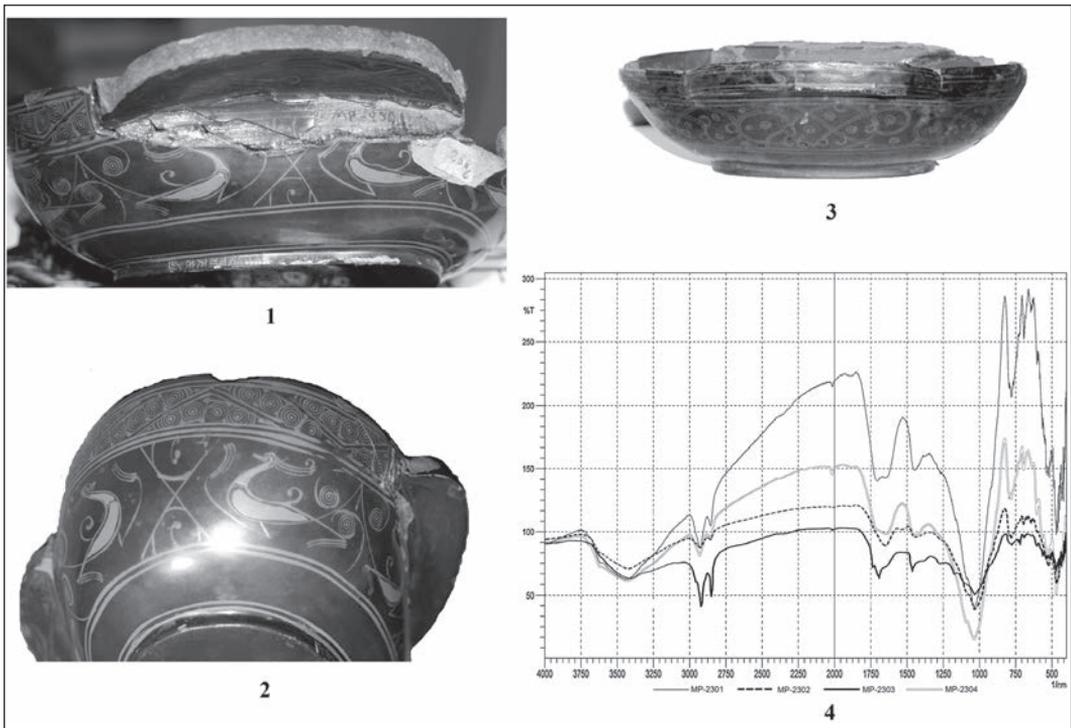

Рис. 2. Чашечки из Ноин-Улы (из коллекции Государственного Эрмитажа): 1–2 – MP-2301 (вид сбоку и вид спереди соответственно); 3 – MP-2302 (вид сбоку); 4 – сопоставление ИК-спектров лакокрасочных покрытий внешних сторон чашечек из Ноин-Улы: MP-2301 (курган №6); MP-2302, MP-2303, MP-2304 (курган №23)

Стилистически чашечка, найденная Симуковым, является примером массового производства императорской мастерской Сигун округа Шу (провинция Сычуань). Надпись на чашечке состоит из шестидесяти иероглифов. Она тоже датируется 2 г. до н.э. Хорошо известны пятьдесят лаковых изделий из провинции Сычуань. Среди них есть чашечка, отличающаяся прекрасным качеством, несмотря на то, что она является продуктом массового производства. В надписи на ней упоминается, что она пригодна для использования императором.

Три лаковых чашечки (MP-2302, MP-2303, MP-2304) были найдены в кургане №23. Наилучшая сохранность лаковых слоев наблюдается на чашке MP-2303 (длина 130 мм), утрата красочных слоев есть лишь на внешней стороне донца. В его центре наблюдается небольшая область «морщин» краски (площадью около 10 мм). Чашечка MP-2302 (длина 13 см) имеет утраты красочного слоя до основы на внешней стороне овальной части, дна и по ободу ручки (рис. 1.-3). Наибольшие утраты и коробление лаковых слоев наблюдаются на поверхностях, близких к ручкам. Чашечка MP-2304 (длина 130 мм) также имеет максимальное количество утрат красочного слоя в тех же областях, наступившее из-за перекоса древесной основы чашки. Эти три чашечки не подписаны и имеют более упрощенный орнамент, характерный для лаковых изделий, созданных в Восточной Хань (25–220 гг.). Ф. Луис проанализировал аналогичные по дизайну чашечки из могильника Ван Шу в Корее и пришел к выводу, что они изготовлены после 69 г. н.э. В архивных описях нет четких сведений, где они были найдены (указано – «где-то к северу от гроба»). Они являются примером производства лаковых изделий для торговли, а не для императорских подарков.

Орнаменты и надписи. В Ноин-Уле были найдены чашечки эр-бэй, на которых встречаются только два типа орнаментов, хотя, конечно, их известно значительно больше. Наиболее широкое распространение из них получили два типа росписи, и они представлены на чашечках из коллекции предметов Ноин-Улы, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Первый тип сложился в Западной мастерской в Сычуани приблизительно между 44 и 20 гг. до н.э. [Pirazzoli-t'Serstevens, 2009, с. 36–41]. Этот орнамент представляет собой сочетание прямых линий, завитков и концентрических кругов с противопоставленными друг другу фигурками фениксов (отметим, что в Китае подобные по форме чашечки иногда называют «праздник птиц»). Второй (более простой) представляет собой композицию из завитков и кругов. Вероятно, это упрощенный вариант «облачного» орнамента.

Чашечка из кургана №20, который раскопала монголо-российская экспедиция в 2006–2011 гг. под руководством Н.В. Полосьмак, судя по надписи, имеет дату 9 г. до н.э. [Полосьмак и др., 2011, с. 122]. Всего в кургане №20 найдены две лаковые чашечки, одна из них надписи не имеет. В кургане №31 были обнаружены также две чашечки, одна из них с надписью. Опубликована чашечка №27 без подписи из кургана №31 [Полосьмак и др., 2011, с. 140].

Все подписные чашечки из Ноин-Улы датируются временем Западной Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.). Надписи расшифрованы. В них содержатся описание процесса лакирования *шэнг-ши* (上漆) и имена лакировщиков *ши-гун* (漆工). Иероглиф, относящийся к наименованию связующего, обозначает сок лакового дерева. Различается текст надписей информацией о месте изготовления [Чистякова, 2009, с. 59–68]. Более ранняя чашечка из кургана №20 была изготовлена в столичной мастерской Каогун (г. Чанъань). Через несколько лет в частной мастерской была создана чашечка из кургана №6 (MP-2301).

Обломок ручки чашечки MP-2412 (размеры 27x37 мм), покрытый красным лаком, с фрагментом накладной бронзовой ручки был найден в Андреевском кургане. Фрагмент был найден в земле под настилом. Его сохранность удовлетворительна, он разбирается на три части, что позволяет определить его технологию изготовления. По дизайну узор на ручке очень близок к чашечке, найденной А.Д. Симуковым

[Dschingis, 2005, p. 51], и к двум чашечкам из кургана №20 [Полосьмак и др., 2011, с. 121–122]. Предположительно, фрагмент этой чашечки можно датировать первыми годами до н.э.

Еще одна чашечка МР-2551 черного цвета с обеих сторон и без росписи, круглая по форме и на ножке была найдена Г.И. Боровкой* в кургане №49. Она сделана из прочного неизвестного материала. Сохранился ее фрагмент (размеры около 100x80 мм), представляющий собой менее половины глубокой округлой емкости темно-коричневого цвета с включениями полос более черных слоев. На обороте дна видны следы крепления ножки. Курган №49 можно датировать 2-й половиной I в. [Miniaev, Elikhna, 2009, p. 27]. Чаша из похожего материала на ножке, но несколько иная по форме, была найдена китайскими археологами в 2010 г. в могильнике, относящемся ко времени династии Цинь (221–206 гг. до н.э.).

Исследования. Химический состав и структуру лакокрасочных покрытий указанных выше экспонатов (2 г. до н.э. – конец I в. н.э.?) изучали аналитическими методами с использованием микроскопии, ИК-спектроскопии и рентгенографии Отдела научно-технической экспертизы (ОНТЭ) Государственного Эрмитажа**. Были сняты ИК-спектры (ИКС), произведены рентгенофлюоресцентный анализ (РФА) и фотофиксация ЛКП (взятых с разных сторон чашечек, так и отдельных слоев). Кроме того, для уточнения составов красок были проведены опыты по модифицированию свежего сока тунговым маслом. Лаковые составы высушивали в гидростате при температуре 55°С и влажности 75%***.

С помощью ИКС и РФА и других методов изучены свойства таких покрытий на различных металлических подложках. Определено их набухание в различных средах и влияние на их свойства ультрафиолетового облучения. Модельные опыты показали, что добавление к лаку 5–7% тунгового масла (при одинаковых условиях отвержения) приводит к увеличению его степени полимеризации и позволяет улучшить физико-механические свойства (блеск, твердость, прочность и др.). Применение больших количеств масла приводит к резкому ухудшению всех физико-механических свойств ЛКП на основе уруши.

Инфракрасные спектры проб, взятые с разных мест чашечек (фон и роспись), находятся в хорошем соответствии с ИК-спектрами китайских лаков, а также с ИК-спектрами японских лаков уруши из базы IRUG Британского музея. ИК-спектры красок всех чашек имеют аналогии с характерными спектрами красок и лаков других экспонатов из

---

* Г.И. Боровка (1894–1941), археолог, сотрудник Государственного Эрмитажа, был отправлен по просьбе С.Ф. Ольденбурга Академией наук СССР на раскопки курганов Ноин-Улы только в сентябре 1924 г. Ему очень хотелось «раскопать хотя бы один курган». И летом 1926 г. его мечта осуществилась: он раскопал курган №49, расположенный в пади Судзуктэ.

** Все ИК-спектры были сняты в СПГИТД на сканирующем инфракрасном Фурье спектрометре Shimadzu FTIR-8400S с высокочувствительным термостабилизированным детектором DLATGS в таблетках KBr в спектральном диапазоне 7800–350 см⁻¹. Авторы выражают искреннюю благодарность Т.В. Аргамоновой за проведенные исследования. Химические, микроскопические исследования и расшифровка спектров выполнены к.т.н., ст.н.с. ЛФХИМ ОНТЭ Государственного Эрмитажа О.Г. Новиковой. РФА проведен зам. зав. ОНТЭ Государственного Эрмитажа С.В. Хавриным.

*** Работы по модифицированию лака тунговым и другими маслами проведены в 2000 г. на кафедре химической технологии органических покрытий ЛТИ им. Ленсовета в рамках дипломной работы Н.И. Иванько «Исследование методов реставрации восточных лаков на основе уруши», руководители – к.т.н. О.Г. Новикова (Государственный Эрмитаж) и ст. преп. А.Л. Ковжина (каф. ХТОП ЛТИ).

курганов №6, 12 и 23 Ноин-Улы из коллекции ГЭ (спицы, розетки, ножи, шкатулки и др.). На данный момент проанализировано ИКС проб сорока экспонатов.

В спектрах наблюдаются характерные для ароматических соединений три резкие полосы в области 1450–1650 см⁻¹. Им сопутствует более слабое поглощение около 1000–1200 см⁻¹ и характеристические внеплоскостные деформационные колебания групп – С–Н около 670–900 см⁻¹. Присутствуют полосы поглощения групп – С–Н, –ОН, – С=О, специфичные для полимеризатов урушиола и группы – С–О для полисахаридов растений и древесины. По поглощению в области 670–900 см⁻¹ и (или) по обертонам и составным частотам в интервале 1660–2000 см⁻¹ для различных сортов урушиола очевидна разница в числе и положении заместителей бензольного кольца пирокатехинов. Спектры модельных урушиольно-масляных лаков позволили откалибровать ИК-спектры по его содержанию в изученных лаках.

Судя по ИК-спектрам, покрытия различных сторон чашечек МР-2302 и МР-2303 идентичны. Также схож состав окраски обеих сторон МР-2301 и внешних сторон экспонатов МР-2301 и МР-2304 (рис. 1.-4). Несколько отличны от них спектры проб ручки МР-2412 чашечки из Андреевского кургана. Отметим присутствие в составах покрытий чашечек из кургана №23 белковых веществ, содержащих амидогруппы (наблюдается небольшой всплеск полос поглощения в областях 1534 см⁻¹, 1524 см⁻¹, 1519 см⁻¹). Их количество меньше в составах, использованных для покрытий внешних сторон этих предметов. Также отличает эти чашечки (в сравнении с чашечкой из кургана №6) наличие в их красках бóльшего количества тунгового масла. В черных лаковых слоях всех четырех чашечек присутствует сера (что также может быть связано с использованием протеинов в их составах); содержание кальция низкое и по интенсивности превышает содержание калия в 2,5–5 раз. Черный слой предмета МР-2301 отличен от остальных чашечек тем, что он содержит в большом количестве медь и примесь цинка. В черном лаке остальных чашечек присутствует значительное количество железа, марганец и примеси цинка и меди. Соотношение Fe/Mn, близкое для лака чашечек МР-2302, МР-2303, увеличивается в лаке чашечки МР-2304 (30 и 70 усл. единиц соответственно). Это свидетельствуют об отличии технологии изготовления ЛКП чашечки МР-2301 от остальных чашечек на первом этапе (приготовлении лака). В случае чашечки МР-2302 сок собирали (или готовили) с помощью медьсодержащей емкости. Сок для окраски предметов МР-2302, МР-2303 и МР-2304 готовили в сосудах, имевших один железосодержащий состав. При сравнении красных слоев этих чашечек между собой отмечается отличие в степени пигментирования: высокая для МР-2301 и меньшая для красок остальных экспонатов (красочные слои которых еще и тоньше). Отметим, что у чашечек МР-2302 и МР-2303 красные слои содержат одинаковое количество HgS, а в краске МР-2304 ее меньше.

Стратиграфическое исследование лакокрасочных слоев показало, что четыре чашечки выполнены в целом по схожей технологии. Сохранность адгезионной связи между собой всех красочных слоев очень высокая. Коробление основы вызвало разрушение многослойного красочного конгломерата по самому слабому слою. Им был грунт, состоящей из смеси ци-лака с животным клеем и смеси порошка из древесных опилок с углем. Толщины свободных пленок (ЛКП без грунта) чашечек МР-2301 и МР-2302 близки (39,5 и 38 мкм соответственно). ЛКП чашечек МР-2303 и МР-2304 более толстые (49,5 и 95,5 мкм соответственно).

Между слоев грунта лежат вымоченные в лаке раздробленные полоски стеблей конопля (или рами) или же переплетения цельных растительных волокон. В первом случае, вероятно, это остатки так называемой *тáпы*, в других – остатки ткани. Поверх тканого слоя нанесен слой ци-лака. Выше него красочный конгломерат состоит из чередующихся слоев черного лака и тонко стертой красной краски*. Причем два пигментированных слоя *тон-ши* (смесь ци-лака с киноварью, стертой с тунговым маслом) нанесены друг на друга, чередуясь через более тонкие слои черного ци-лака (смешанного с углем). Это согласуется с правилами трактата «Хуай Нань-цзы» (II в. до н.э.) о том, что «...мастер может красить <изделие> только красным по черному <слою>, но никак не в обратном порядке» [Лубо-Лесниченко, 1969, с. 267]. Блестящая и без трещин внешняя поверхность всех чашечек перекрыта тончайшим слоем тонировки (имприматуры) из прозрачного и прочного лака (предположительно животного происхождения, возможно на основе казеина). Этот слой лака имеет желтоватый цвет, поэтому общий колорит фона чашечек коричневый**.

Есть небольшие технологические различия и в окраске чашечек. Так, покрытие внешней стороны чашки МР-2301 толще, чем внутренней. Этого не наблюдается на чашечках из кургана №23, у них внешние и внутренние слои одинаковы по толщине и составу. У некоторых из них в тонких красочных слоях вместо слоя черного лака присутствует коричневый слой ци-лака (или даже животный клей – МР-2304); ткань выдержана не в лаке, а в клее; красные слои краски содержат тунгового масла выше оптимального количества. То есть технология изготовления трех чашечек МР-2302, МР-2303, МР-2304 была более простой и дешевой, чем в случае чашечки МР-2301. Результат очевиден – несколько худшая сохранность их красочных слоев.

Отметим, что в окраске чашечки из кургана №6 тунговое масло использовано также, но в значительно меньшей (оптимальной) концентрации. Ее красочные конгломераты практически не разрушаются в 20-процентной щелочи (слои не набухают, а под иглой отделяется лишь грунт). Не так для красок остальных чашечек. Щелочь вызывает набухание их клеевых внутрилакокрасочных прослоек. У чашечки МР-2304, кроме того, они сразу набухают, и внешние слои легко снимаются иглой (красный вместе с черным) – в их красках больше тунгового масла, чем в красках чашечек МР-2302 и МР-2303. Однако набухание обратимо. Если к пробам в щелочи не было приложено механического усилия иглой, то после высыхания красочные конгломераты всех проб сохраняют свое единство. Уместно в связи с этим вспомнить китайскую пословицу для обозначения крепкой дружбы, настолько прочной, как связь лаковых слоев из клея и лака – *яо-ши* (漆, – клей и лак).

Микроскопия красочных слоев ручки чашечки МР-2412 из Андреевского кургана показала, что технология ее окраски такая же, но немного проще. Ниже слоя имприматуры по черному слою лака (нанесенному по животному клею) проложен только один слой красной краски с киноварью. Грунт с древесными волокнами и большим количеством частиц угля положен на поперечные слои древесины, поры которой укреплены черным лаком. РФА показал, что оба верхних слоя содержат ионы меди, ее со-

---

* Подчеркнем, что данная техника (два красных слоя чередующихся через два черных) обнаружена на всех четырех чашечках и ручке чашки из Ноин-Улы, что не позволяет считать второй киноварный слой на них последствием древней чинки или реставрации изделия.

** Полагаем, что коричневый фон изученных расписных лаковых предметов представляет собой стилизацию под цвет бронзовых сосудов.

держание значительно превышает количество ионов железа. По-видимому, лаковый сок для этой чашечки происходил из иного района Китая. Бронза ее золоченой накладке близка по составу к традиционным китайским бронзам.

По данным ИКС и РФА чаша МР-2551 из кургана №49 представляет собой высоконаполненный композит из смеси связующего – сшитого природного полимера из ци-лака (содержащего значительное количество ионов цинка, железа и меди) и мелко измельченных древесных волокон. Мелко насеченная древесина служила не только наполнителем, но и создавала армирующий эффект, упрочняя конструкцию. Ее волокна выполняли роль трубчатых канальцев, удерживающих оптимальное количество влаги в композите, и это не позволяло ему растрескиваться или пересыхать. Блочный биополимер на основе пирокатехинов урушиола с высокой степенью сшивки по физико-механическим свойствам (твердость, термостойкость и др.) можно отнести к природным предшественникам синтетических материалов XX в. фенольного ряда* – реактопластов, продуктов поликонденсации фенола с модификаторами (например, таких, как резит или бакелит). Изготовлена чаша, по-видимому, методом налива с последовательным использованием двух форм, удаляемых друг за другом по мере высыхания лаковой смеси.

Выводы. Проведенные физико-химические исследования уточнили способ изготовления и состав красок и подтвердили датировку чашечек из курганов №6 и 23 Ноин-Улы из коллекции ГЭ. Пленкообразователь всех лакокрасочных покрытий чашечек – сок китайского лакового дерева урушиол. Более ранняя чашечка МР-2301 создана с соблюдением технологии, в то время как при изготовлении трех остальных чашечек отмечены ее нарушения и изменения. За счет разведения красок чашечек МР-2302, МР-2303, МР-2304 большим количеством тунгового масла был достигнут эффект значительного удешевления их цены, так как на их окраску пошло меньше дорогих компонентов (лака и киновари). Они представляют собой предметы массового обихода. Составы красок чашечек МР-2302 и МР-2303 почти полностью идентичны. Чашечка из кургана №6 (МР-2301) выполнена с большим пониманием химии и технологии процесса лакирования, с большей тщательностью и изысканностью. Отметим, что для атрибуции данных предметов важной характеристикой мест их изготовления и предназначения, по-видимому, могут быть не только ЛКП чашечек, но размеры и толщины их заготовок (в том числе и ручек). Так, ручка более ранней чашечки МР-2101 тоньше, чем ручка чашечки МР-2102, но имеет большую длину (т.е. почти равную площадь) крепления к емкости.

Сравнение ЛКП всех четырех чашечек с ЛКП ручки чашечки МР-2412 позволяет ее отнести к группе памятников, окрашенных китайскими лаками несколько иного происхождения. А ее размеры и остатки золочения на медной накладке позволяют (предварительно) отнести ее к изделиям неширокого обихода.

Относительно чаши МР-2551 из кургана №49 выявлено, что она также создана с использованием ци-лака.

Таким образом, в коллекции Государственного Эрмитажа представлены уникальные китайские лакированные изделия эпохи Хань из курганов сюнну, которых нет в других музеях России. Уникальные китайские чашечки оказались в элитных захоро-

---

* Однако фенолоформальдегидные лаки (phormophénoliques, так называемые «лаки-гра») уступают по физико-химическим свойствам лакам на основе урушиола.

нениях сюнну в период, который ознаменован ослаблением династии Западная Хань и усилением набегов их северных соседей-степняков.

Библиографический список

- Восточноазиатские лаки. Методика реставрации, исследования: сб. ст. М.: Изд-во ВХНРЦ, 2000, 136 с.: 16 л. ил.
- Лубо-Лесничко Е.И. Китайские лаковые изделия из Ноин-Улы // Труды Государственного Эрмитажа. 1969. Т. 10, вып. 7. С. 267–277.
- Письма А.Д. Симуква к П.К. Козлову и Е.В. Козловой. Публикация Юсуповой Т.И., Симуквой Н.А. // *Mongolica*, VIII. СПб., 2007. С. 102–109.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д. Двадцатый Ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.: ил.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Чистякова А.Н. Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана №20 в Ноин-Уле (Монголия) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2009. №3. С. 59–68.
- Bonanni F. *Techniques of Chinese Lacquer*. Trans. Flavia Perugini. Los Angeles. 2009.
- Dschingis Khan und seine Erben. *Das Weltreich der Mongolen*. München, 2005.
- Lawton T., Fu S., Lowry G., Yonemura A., Beach M. *Asian Art in the Arthur M. Sackler Gallery*. Washington, 1987.
- Lui C.Y., Nylan M., Barbieri-Low A. *Recarving China's Past. Art, Archaeology and Architecture of the «Wu Family Shrines»*. New Haven and London, 2005.
- Louis F. *Han Lacquerware and the Wine Cups from Noin-Ula* // *The Silk Road*. 2006. V. 4/2.
- Miniaev S., Elikhina J. *On the Chronology of the Noyon uul Barrows* // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7. P. 21–31.
- Pirazzoli-t'Serstevens M. *Chinese Lacquerware from Noyon uul: Some Problems of Manufacturing and Distribution* // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7.
- Umehara S. *Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia* // *The Toyo Bunko Publications Series A*. Tokyo, 1960. №27.

Yu.I. Elikhina, O.G. Novikova

INVESTIGATION OF CHINESE LACQUERED CUPS, THE HAN DYNASTY PERIOD FROM THE STATE HERMITAGE (Russia)

The State Hermitage Museum presents a unique collection of Chinese lacquer ware from the Han Dynasty. These were found in the opened barrows of Xiongnu, in the mountains of Noin-Ula in Northern Mongolia by the expedition 1923–1926 headed by the eminent Russian traveler and explorer of Central Asia, Pyotr Kozlov (1863–1935).

The article examines the collection of artifacts – Chinese cups with handles (er-Bay) identified by the different time of burials in Noin-Ula (between 2 BC – the end of the 1st century AD). The investigation uses a combination of art history and technological approaches for the study of their coatings. The characteristics of the paintings, were studied and compared with the technological features of the materials and their colours. The chemical composition and structure of the varnishes and paints exhibits were studied by physicochemical methods (microscopy, infrared spectroscopy and the X-ray analysis). It was established that multilayer coating exhibits from Noin-Ula were made with a specific technique using the natural material extracted from the sap of the lacquer tree (Latin *Rhus verniciflua*), Chinese Qi Shu (漆树, Engl. qi-lacquer, Jap. urushi). Its foundation is based on the biopolymer pyrocatechols urushiol. The role of tung oil (Tun chzhóu, 桐油) in the compositions and studied samples of qi-lacquer was also examined. An integrated approach to the study of the Noin-Ula collection of lacquer cups from the State Hermitage, allows specifying the destination range (high income or consumer goods), cultural and chronological attribution and confirming their dating.

Keywords: archaeological lacquers from the collection of the State Hermitage, products with varnish of the Han dynasty mounds Noin-Ula, cups with handles (er Bay), paints based on the urushiol, qi-lacquer, modification, tung oil, natural oil phenolic composite physico-chemical methods, infrared spectroscopy, X-ray analysis, attribution.

УДК 902(571.15):903.53

А.А. Тишкин, С.С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОМУ
ДАТИРОВАНИЮ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ
БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ
(по материалам раскопок курганной группы Степушка-I)**

К настоящему времени раскопано значительное количество курганов булан-кобинской культуры Алтая, датируемых в рамках II в. до н.э. – V в. н.э. На полученных материалах выделены три этапа развития существовавшей общности, которые соотносятся с периодами господства в Центральной Азии кочевых империй хунну, сяньби и жужаней. Проблемы детальной хронологии различных категорий найденных изделий решаются с помощью типологического метода и привлеченных аналогий. Количество радиоуглеродных калиброванных датировок пока ограничено. Получение и оперативное введение в научный оборот таких данных является актуальной исследовательской задачей. В этом плане публикуемые в статье результаты радиоуглеродного анализа отобранного в качестве образцов остеологического материала из шести курганов памятника Степушка-I дополняют имеющиеся сведения. Обозначенный археологический комплекс исследовался экспедицией Алтайского государственного университета летом и осенью 2010 г. в зоне строительства автомобильной дороги. В статье дано соотношение радиоуглеродных калиброванных датировок по каждому из курганов с хронологией, установленной традиционными археологическими методами. В результате делается предположение, что захоронения курганной группы Степушка-I были совершены в короткий промежуток времени (не более 70 лет). Большинство отобранных проб анализировалось в лаборатории Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская археологическая культура, курганная группа Степушка-I, сяньбийско-жужанское время, раскопки, захоронение, сопроводительный инвентарь, образцы, радиоуглеродный анализ, лаборатория, датировка.

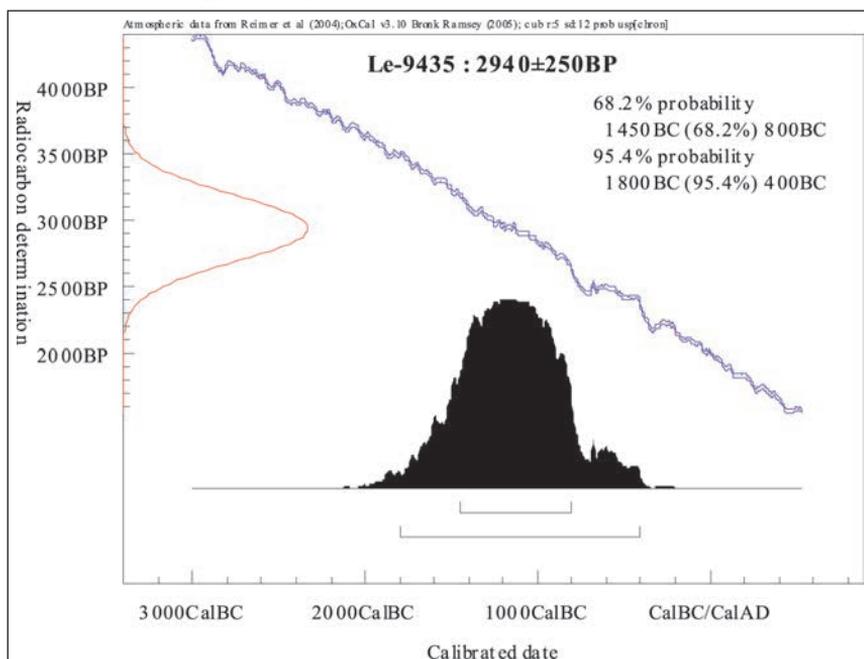
DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-10

Хронология памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) остается недостаточно разработанным аспектом в изучении истории кочевников этого региона. Несмотря на большое количество археологических источников, представленных результатами раскопок более 700 погребений булан-кобинской культуры, в настоящий момент ощущается нехватка абсолютных дат, полученных на основе методов естественных наук. Приходится констатировать и отсутствие необходимых проб для подобного рода изысканий из большинства объектов, раскопанных в 1980-е – начале 1990-х гг. (в антропологические коллекции попадали «неполные» скелеты, представленные в основном черепами и в редких случаях другими костями; остеологический материал лошадей на хранение почти не поступал). На сегодняшний день опубликованы показатели радиоуглеродного анализа небольших серий образцов из могильников Яломан-II и Верх-Уймон, а также результаты использования методов древесно-кольцевой хронологии материалов некрополя Курайка [Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005; Тишкин, 2007, с. 264–277; Panyushkina, Sljusarenko, Vikov, Bogdanov, 2007; Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008]. В этой связи получение и оперативное введение в научный оборот новых материалов по данной проблематике представляет важную научную задачу.

С августа по октябрь 2010 г. археологической экспедицией Алтайского государственного университета осуществлялись аварийные раскопки курганной группы Степушка-I, попадавшей в зону строительства автодороги от Чуйского тракта на

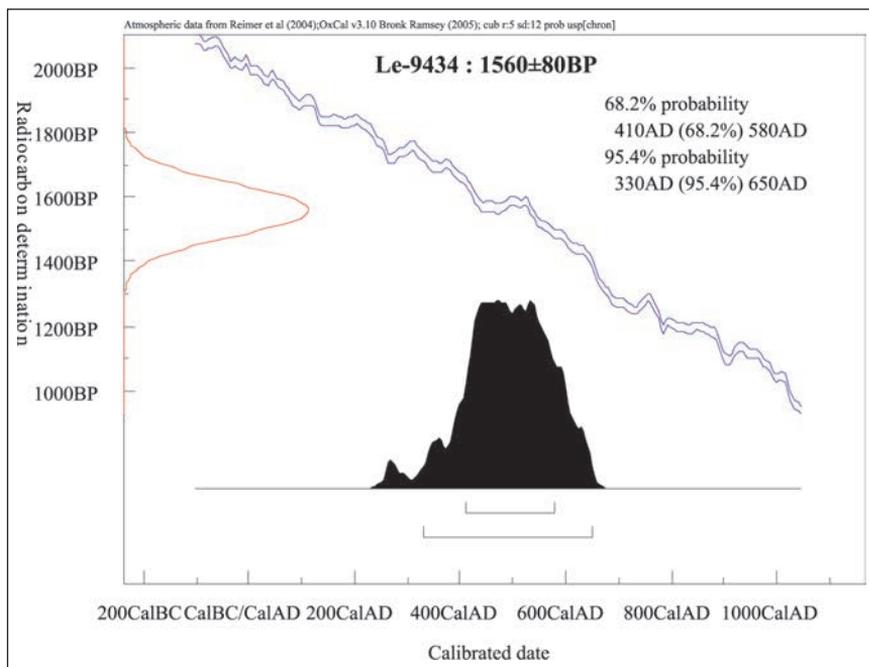
651 км по долине Урсула к Катуня. Памятник располагался в черте одноименного (ныне нежилого) селения Онгудайского района Республики Алтай, на третьей надпойменной террасе. В ходе проведенных работ было изучено 30 сооружений погребального и ритуального назначения, расположенных на восточной половине мыса [Кирюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011; Тишкин, Матренин, 2012; и др.]*. В большинстве захоронений содержался сопроводительный инвентарь, информативный для археологического датирования данного памятника сяньбийско-жужанским временем [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011; 2012а–б]. Такая относительная хронология в основном подтвердилась результатами радиоуглеродного анализа, осуществленного в лаборатории Института истории материальной культуры РАН (зав. лаб. – к.х.н. Г.И. Зайцева). Получены заключения по шести пробам из следующих неповрежденных объектов.

Курган №5 содержал захоронение обезглавленного мужчины в сопровождении верхового коня. С умершим найден сложносоставной лук с костяными накладками, железные наконечники стрел, боевой нож в ножнах с витой цепочкой, колчаный крюк-застежка с поперечной планкой, наборный пояс (он включал пряжку с подвижным язычком и коротким пластинчатым щитком и три железные бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами), удила с роговыми псалиями. Курган нами датирован 1-й половиной IV в. н.э. на основании колчанного крюка и ножен. Взятый для анализа остеологический материал лошади (образец Le-9435) дал сильно размытые показатели, что обусловлено спецификой пробы (кости животного соприкасались с деревянной внутримогильной конструкцией).

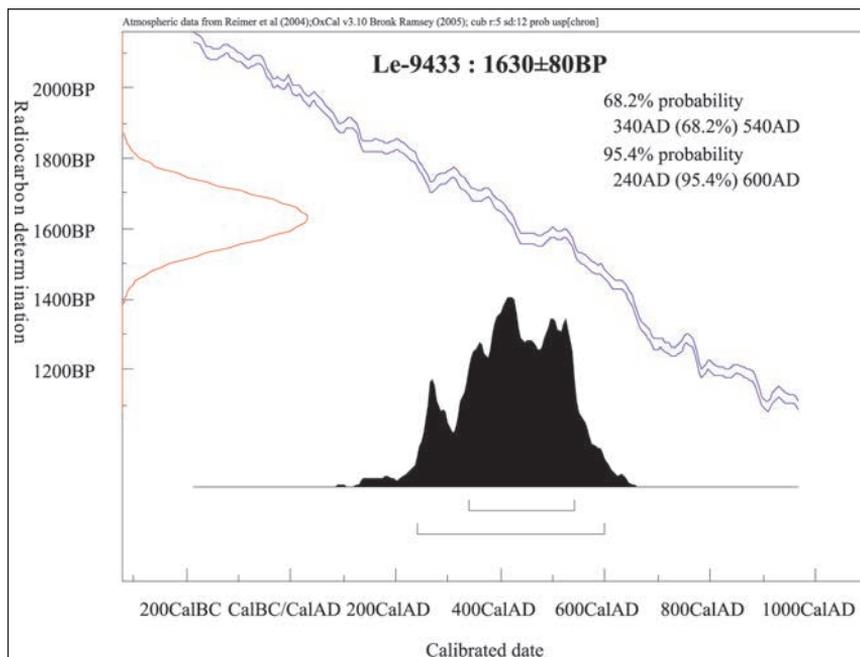
* Группа курганов на западной половине террасы, обозначенная как могильник Степушка-II, исследовалась экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством В.И. Соенова. Там было раскопано 64 объекта: 37 курганов и колец с погребениями и 27 каменных колец и выкладок без захоронений [Соенов, 2010, с. 5].

Курган №11. В нем находилось погребение женщины в возрасте около 40 лет (здесь и далее антропологические определения сделаны к.и.н. С.С. Тур) с разнообразным инвентарем: бронзовые обкладки наконечников, бляхи-подвески и бляхи-нашивки разной формы, круглые большие бляхи с выступом и отверстием в центре, железная бляха с бронзовой «шайбой», железная пряжка с подвижным язычком, железный коротколезвийный нож. Опираясь на комплекс украшений и отсутствие предметов, характерных для 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э., курган датирован нами в широких рамках – III–IV вв. н.э. [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, с. 429–431]. Показатели радиоуглеродного исследования костей человека (образец Ле-9434) позволяют сузить археологический возраст данного погребения в пределах 1-й половины IV в. н.э.

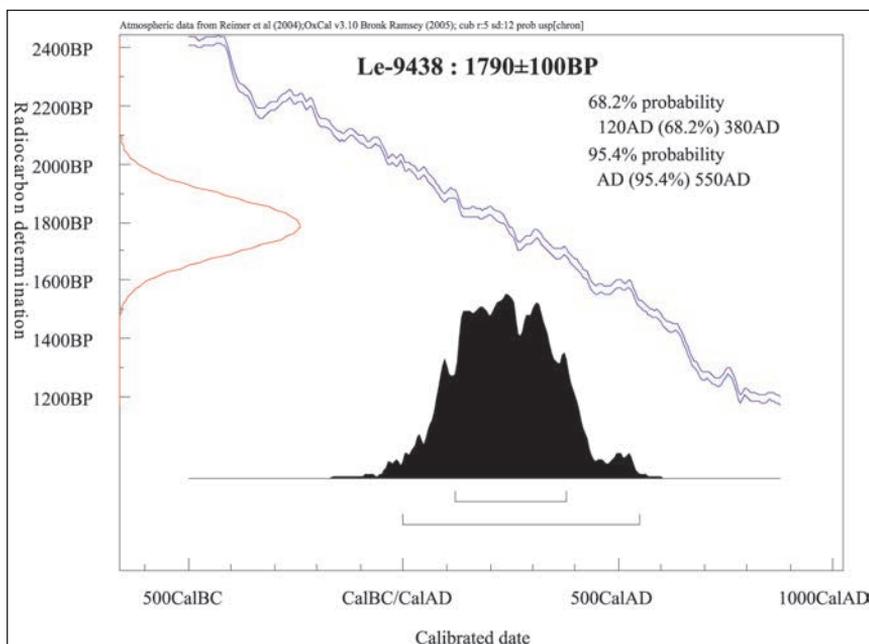

Курган №13. Обнаружено захоронение мужчины в возрасте около 50 лет с многочисленным инвентарем: лук с костяными накладками, железные наконечники стрел, боевой нож в ножнах с витой цепочкой, колчаный крюк с простым окончанием язычка, костяная трубочка, наборный пояс (железная пряжка с подвижным язычком и пластинчатым щитком, бронзовые и железные бляхи-накладки разной конструкции и формы общим количеством 22 экз., бронзовое кольцо-подвес), железные топор-тесло и шило. Найденные артефакты (прежде всего элементы воинского снаряжения) позволяют отнести данный курган к 1-й половине IV в. н.э. Такая относительная датировка подтверждается и результатами радиоуглеродного исследования костного материала (образец Ле-9433).

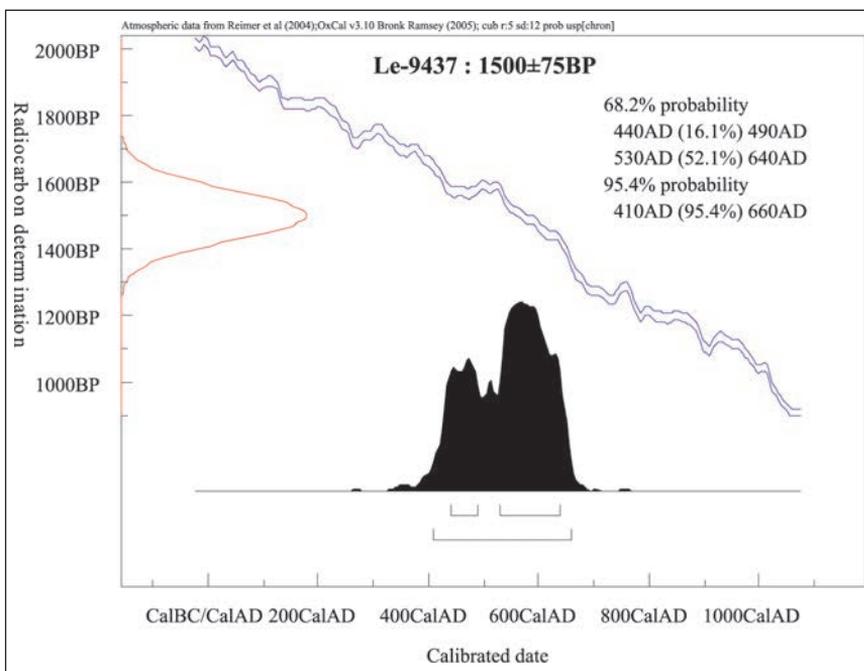
Курган №17. В могиле оказался молодой человек 15–16 лет, похороненный в сопровождении верхового коня. Зафиксирован многочисленный набор вещей: лук с костяными накладками, железные наконечники стрел, колчаный крюк с простым окончанием язычка, боевой железный нож в ножнах с витой цепочкой, наборный пояс (железные

пряжка с неподвижным шпеньком и длинным пластинчатым щитком, 13 блях-полуобойм с подвижными кольцами, не менее 53 блях-зажимов, наконечник подвесного ремня), железные блоки, коротколезвийный нож, шило, удила с петлями, уздечные бляхи-накладки, блок-застежка. Археологический возраст данного комплекса нами определен IV в. н.э. Этому не противоречат полученные радиоуглеродные выкладки по образцу (Le-9438) из костей человека.

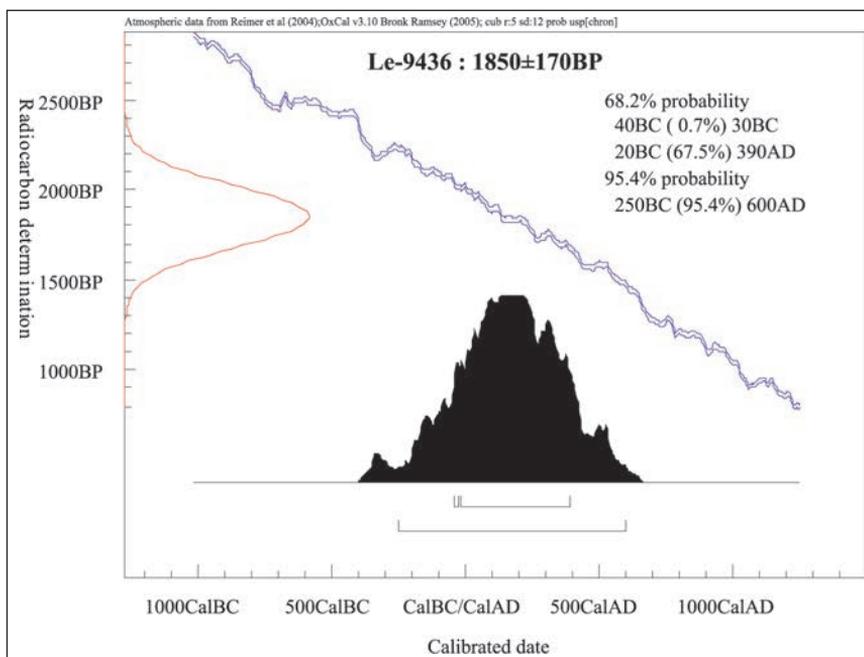

Курган №19. Исследовано захоронение мужчины в возрасте около 35 лет в сопровождении верхового коня. С умершим найден многочисленный сопроводительный инвентарь, отличающийся хорошей сохранностью железных предметов и незаурядностью отдельных изделий. Обнаружены следующие артефакты: сложносоставной лук с костяными накладками, деревянное днище колчана, железные наконечники стрел (преимущественно бронебойные) с фрагментами деревянных древков, боевой железный нож в ножнах с витой цепочкой, железный колчаный крюк-застежка с поперечной планкой на язычке, наборный пояс с большим количеством элементов железной гарнитуры (пряжка с неподвижным шпеньком и длинным пластинчатым щитком, семь блях-полуобойм с подвижными кольцами, не менее 167 блях-зажимов, бляха-накладка с неподвижным кольцом), коготь-подвеска, железный коротколезвийный нож, железные тесло-топор, «напильник», проколка, инструмент неясного назначения, берестяной футляр, фрагментированный керамический сосуд. Снаряжение верхового коня включало железные удила с петлями, роговой псалий, подпружную пряжку с подвижным язычком, цурки, подвеску, блок-распределитель ремней. Основываясь на взаимной встречаемости хронологически значимых категорий инвентаря, курган нами датирован 2-й половиной IV – началом V в. н.э. Такая относительная хронология согласуется с показателями радиоуглеродного исследования образца кости лошади (Le-9437).

Курган №21 содержал захоронение ребенка 5–6 лет с верховым конем. Сопроводительный инвентарь представлен боевым железным ножом в ножнах с витой цепочкой, наборным поясом из железных гарнитур (пряжка с «т-образной» рамкой, подвижным язычком на вертлюге и пластинчатым щитком, три бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, не менее 58 блях-зажимов, кольцо-подвес, блок, пластина с железной витой цепочкой), железный коротколезвийный нож и деревянное блюдо. С лошадью найдены железные удила с роговыми псалиями. Зафиксированный пред-

метный комплекс дает основания относить данный курган к IV в. н.э. Археологическую датировку подтверждают результаты радиоуглеродного анализа человеческих костей (образец Ле-9436).

Анализ еще одного образца, сформированного из остеологического материала лошади (ИМКЭС-14С95), был предпринят в новой сибирской лаборатории (зав. лаб. — Г.В. Симонова) в Институте мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (г. Томск). Он продемонстрировал такой показатель BP=1671±/35: календарный возраст по одной сигме = 260–430 AD, по двум сигмам = 250–440 AD.

Сравнительное изучение результатов археологического и радиоуглеродного датирования материалов показывает, что большинство рассмотренных погребений могильника Степушка-I относятся к 1-й половине IV в. н.э. Самым поздним исследованным комплексом является курган №19, датирующийся в рамках 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э. Полученные вещественные источники дают основания выделить хроноиндикаторы в предметном комплексе поздней фазы бело-бомского этапа булан-кобинской культуры. Опираясь на данные антропологии (наличие в популяции большого числа людей молодого возраста и индивидов, умерших насильственной смертью), можно высказать предположение, что захоронения курганной группы Степушка-I были совершены в короткий промежуток времени (не более 70 лет).

Библиографический список

Кирушин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Барнаул: Изд-во Алт. пед. академии, 2011. Вып. 7. С. 92–98.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. Вып. 7. С. 42–57.

Соенов В.И. Полевые археологические исследования научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. №3 (15). С. 3–6.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 169–171.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Военная ситуация на Алтае в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка-I) // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. М.: ИА РАН, 2012. С. 30–31.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Вып. 3. С. 420–431.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012а. С. 59–65.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012б. Вып. 3. С. 116–120.

Panyushkina I., Sljusarenko I., Bikov N., Bogdanov E. Floating larch tree-ring chronologies from archaeological timbers in the Russian Altai between about 800 BC and AD 800 // Radiocarbon. 2007. Vol. 49. Nr. 2. P. 693–702.

A.A. Tishkin, S.S. Matrenin

NEW DATA ON RADIO-CARBON DATING OF FUNERAL COMPLEXES OF BULAN-KOBA CULTURE IN ALTAI (on materials of excavation of kurgan group Stepushka-I)

To date, there are a significant number of excavated barrows of the Bulan-Koba culture of Altai, dating from the 2nd century BC to 5th century AD. The submissions highlighted three stages of development of existing communities that correlate with periods of domination in Central Asia of the Xiongnu nomadic empire, the Xianbi, and the Jujan nomadic empires. The problems of detailed chronology of various categories of the found items are solved by means of typological method and attracted analogies. The number of calibrated radiocarbon dating is still limited. The preparation and timely introduction of such data to the scientific use is an urgent research priority.

In this regard, the article published the results of radiocarbon analysis of selected samples of osteological material from six barrows of the site Stepushka-I to complement existing information. The designated archaeological complex was investigated by an expedition from Altai State University in the summer and autumn of 2010 in an area of road construction. The article gives a ratio of calibrated radiocarbon datings for each of the barrows with the chronology established by traditional archaeological methods. As a result the authors may assume that the burials of kurgan group Stepushka-I were made in a short period (no more than 70 years). Most of the collected samples were analyzed in the laboratory of the Institute of History of Material Culture, the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

Keywords: Altai, the Bulan-Koba archaeological culture, kurgan group Stepushka-I, Xianbi-Jujan time, excavation, burial, accompanying inventory, samples, radiocarbon analysis, laboratory, dating.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (г. Горно-Алтайск).
АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АН – Академия наук.
АО – Археологические открытия.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
Б.и. – без издательства.
ВДИ – Вестник древней истории.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).
ИАиЭт – Институт археологии и этнографии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИПОС – Институт проблем освоения Севера.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
ИФХиБПП – Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения (г. Пущино).
КИСЭПИ – Калмыцкий институт социально-экономического и правового исследования.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НЦБИ – Научный центр биологических исследований АН СССР.
ОмГУ – Омский государственный университет.
ОНТИ – Отдел научно-технической информации.
ПНЦ – Пущинский научный центр.
РА – Российская археология.
РАН – Российская академия наук.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СО – Сибирское отделение.
СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
Ver. Dtsch. chem. Ges. – Известия Германского химического общества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Грушин Сергей Петрович, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 211; тел. 8(3852)298103; gsp142@hist.asu.ru

Демкин Виталий Александрович, доктор биологических наук, профессор, зам. директора Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, зав. лаб. археологического почвоведения; 142292, г. Пущино Московской области; ул. Институтская, д. 2, ИФХиБПП РАН; тел. 8(4967)318152; demkin@issp.serpukhov.su

Елихина Юлия Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, хранитель монгольской, тибетской и хотанской коллекций; 195257, Санкт-Петербург, пр. Науки, д. 6/1, кв. 73; тел. 8(812)7109631, julia-elikhina@yandex.ru

Занина Оксана Геннадиевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории криологии почв Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН; 142292, г. Пущино Московской области; ул. Институтская, д. 2, ИФХиБПП РАН; тел. 8(4967)318179; oksanochka_zet@mail.ru

Кирюшин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекреационной географии, туризма и регионального маркетинга Алтайского государственного университета, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 506; тел. 8(3852)262279; kirill-kirushin@mail.ru

Кирюшин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, президент Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 211; тел. 8(3852)298103; president@asu.ru

Ковтун Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, зав. лабораторией археологии Института экологии человека СО РАН; 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 5, кв. 79; тел. 89235671050; ivkovtun@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 211; тел. 8(3852)298103; matrenins@mail.ru

Мец Фридрих, член Естественно-исторического общества (Нюрнберг, Германия); friedrich-metz@t-online.de

Новикова Ольга Геннадьевна, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Отдела экспертизы Государственного Эрмитажа, Лаборатория физико-хи-

мических методов исследования; 194021, Санкт-Петербург, пр. Тореза, д. 9, кв. 176; тел. +7(812)7109632; novikova@hermitage.ru

Подобед Вячеслав Анатольевич, старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина, ул. Багратиона, д. 9-а, кв. 12, Донецк, Украина, 83047; dood@mail.ru

Русакова Ирина Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН; 650023, Кемерово, пр. Ленинградский, 10, ИЭЧ СО РАН, лаборатория археологии; тел. 89030461564; mirnes@mail.ru

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 211; тел. 8(3852)298103; nikolay-seregin@mail.ru

Степанова Елена Владимировна, научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, хранитель пазырыкской коллекции; 196601, Санкт-Петербург, Пушкин, ул. Глинки, д. 10, кв. 6; тел. +79219289502; stepalena@yandex.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, проректор по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 211; тел. 8(3852)298103; tishkin210@mail.ru

Усачук Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, 83047, Украина, Донецк, ул. Багратиона, д. 9-а, кв. 12; e-mail: dood@mail.ru

Хаврин Сергей Владимирович, зам. заведующего Отдела научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа; 197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, д. 11, кв. 11; тел. +79219752560; sergekhavrin@yandex.ru

Хождаева Анна Каримовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра коллективного пользования Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН; 142292, г. Пущино Московской области; ул. Институтская, д. 2, ИФХиБПП РАН; тел. 8(4967)318158; akho2@gambler.ru

Цимиданов Виталий Владиславович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея; 83047, Украина, Донецк, ул. Багратиона, д. 9-а, кв. 12; dood@mail.ru.

Шайхутдинов Вадим Минневадилевич, магистр, инженер Отдела организации и сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 211; тел. 8(3852)298103; schai.ch.vadim@mail.ru

Правила оформления статей для журнала «Теория и практика археологических исследований»

Уважаемые коллеги!

С 2013 года традиционный сборник кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета решено издавать в формате журнала с периодичностью два номера в год. Для этого проведена работа по получению ISSN и включению журнала в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Редколлегия принимает к печати статьи в соответствии со следующей **основной тематикой**:

1. Теоретические и методические проблемы археологии.
2. Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.
3. Зарубежная археология.
4. Результаты изучения материалов археологических раскопок.
5. Социальные реконструкции в археологии.
6. История археологических исследований.
7. Новые археологические открытия.

Кроме этого, будут опубликованы аналитические обзоры, рецензии, заметки, хроника, сообщения, информация библиографического характера, сведения о персоналиях.

Предполагается осуществлять **тематические выпуски**.

Редколлегия обращает внимание авторов на важность соблюдения обязательных **требований к оформлению публикации**.

Объем статьи – до 1 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами). В исключительных случаях редколлегия принимает к рассмотрению работы большего объема (до 1,5 п.л.), если они содержат значимые и признанные научным сообществом результаты. Статья должна содержать резюме (аннотацию) и список ключевых слов на русском и английском языках, а также перевод названия статьи на английский язык. Объем резюме (аннотации) должен составлять не менее 1000 знаков (без пробелов).

Все текстовые материалы должны быть предоставлены в формате Word. Иллюстрации хорошего качества принимаются в размере, не превышающем формат В5 с учетом полей (не более 200x135 мм). Каждая иллюстрация должна иметь отдельную нумерацию и подпись. В тексте ссылки на них даются последовательно (примеры ссылок на рисунки и отдельные позиции изображений такие: (рис. 1; рис. 2–5; рис. 6.-3)). Графические иллюстрации принимаются в формате tif (разрешение не менее 300 dpi). К статье можно приложить не более четырех качественных фотографий, которые будут помещаться внутри текста или в отдельной вклейке с подписями. Все используемые таблицы должны иметь отдельную нумерацию со ссылками в тексте (например: (табл. 1)). Каждая таблица должна иметь собственное название.

Подрисуночные подписи и список сокращений прилагаются отдельными файлами.

Библиографические ссылки на публикации в тексте заключаются в квадратные скобки, внутри которых указывается фамилия одного или первого автора, год издания, страница, рисунок, таблица (например: [Потапов, 1961, с. 5, рис. 2.-8; Шишкин и др., 2011, с. 143–145, табл. 2]). В конце статьи помещается библиографический список в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства (если его

Hovd is given in the article. This territory is connected with east spurs of the Mongolian Altay. Considered finds come from funeral objects. The analysis of the received materials and results of radio-carbon dating allowed to carry out cultural and chronological attribution of the studied archaeological monuments, and also to reconstruct some elements of the production technology of stone capacities. Territorial distribution of similar finds allowed to designate areas of existence of traditions of production and use of the vessels made of stones. Design features of the studied funeral constructions and not numerous ware complex have compliances in materials of Xinjiang and the adjacent regions dated by early Bronze and united in a Chemurchek culture/community. Besides, similarities to other archaeological find from Kazakhstan and the South of Siberia are noted.

Keywords: the Mongolian Altay, early Bronze age, funeral constructions, radio carbon dating, stone vesse.

Образцы составления библиографического описания

Монография:

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Статья в сборнике:

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 132–149.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Статья в журнале:

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 63–77.

Автореферат:

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.

Полная версия правильно оформленной статьи высылается по электронной почте на указанные ниже адреса не позднее 15 апреля (для первого номера каждого года) и не позднее 15 сентября (для второго). В течение двух месяцев после получения редколлегия проводит обязательное рецензирование, а затем извещает автора(ов) о решении и сделанных замечаниях. Если решение в целом положительное, то автору(ам) дается месяц на доработку текста. После этого в редколлегию высылается законченная электронная версия статьи, а также подписанный автором (авторами) печатный вариант работы.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), контактный телефон, адрес электронной почты.

Просьба присылать статьи и материалы одновременно на следующие электронные адреса: tishkin210@mail.ru; kuzmar@hist.asu.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№1 (7)

2013

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

*Подготовлен при финансовой поддержке ФЦП
«Нучные и научно-педагогические кадры инновационной России»,
проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии
(древность, средневековье, современность)» (шифр 2012-1.1-12-000-3001-017)*

Подписано в печать 22.11.2013. Печать ризографическая.
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 14,0. Тираж 300 экз. Заказ №817.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а